

МОСКОВСКИЙ ДОМ
Современная поэзия и проза

ОХОТА ЗА ИЛЛЮЗИЯМИ

МОССАЛИТ
2014

УДК 82-3.161.1
ББК 84 (2Рус)6
М52

ISSN 2078-0230

**Издательский проект «Московский Дом»
Московского Салона Литераторов
(МОССАЛИТ)
www.mossalit.ru**

Составители сборника
Ольга Грушевская
Ольга Моисеева

Предисловие
Ольга Грушевская

© Московский Салон Литераторов, 2014
© Авторы сборника, 2014

Вместо предисловия

Что человек знает о себе? Как понять себя? Как внутренний мир пересекается с окружающим, какой из них важнее? Или они взаимосвязаны, дополняют и определяют друг друга? А жизненный опыт, который заключен в нашем внутреннем мире, — благо или балласт?

Это сборник — путешествие во внутренний мир человека, в безбрежный океан, где человек подобен первооткрывателю в познании и понимании самого себя. В этом бурном внутреннем океане ищущую душу ожидает немало неожиданностей.

Две «Я» хрустального шестигранника, или Несколько слов по теме сборника

Комната наполняется густым серым светом, расширяется и превращается в дымчатый Край без времени и границ, где уже не отличишь мир внешний от мира внутреннего. Прошлое медленно перетекает в будущее, а будущее изгибается и смыкается с прошлым. Мысли принимают форму причудливых рыб, те проплывают мимо, открывают-закрывают рты — поют беззвучную песню.

В комнате вас двое — ты и... ты: расколось надвое, на две «Я» — два хрустальных шестигранника. Поднимаешь глаза и видишь, что другое «Я» занято бумажной лентой, лежащей на стеклянном столе. Внутренний и внешний концы ленты склеены, образуя кольцо. Твое «Я» медленно водит по кольцу указательным пальцем, незаметно переходя с его внутренней поверхности на внешнюю.

— Что это? — удивленно спрашиваешь ты.

— Так, пустяк. Лента Мёбиуса, — говорит твое «Я». — Смотри, палец не пересекает кромку ленты. Никогда не поймешь момент перехода!

Ты заморожено следишь за движением пальца.

— Никогда не знаешь, когда переходишь с внутренней части ленты на внешнюю, а с внешней — на внутреннюю, —

«Я» смотрит на тебя внимательно. — Так, наверное, и в нашей жизни.

Большая грустная рыба вновь проплывает мимо.

«Мы в кольце, имеющем одну сторону», — думаешь ты и понимаешь, что лишь повторяешь мысль своего «Я», но вслух спрашиваешь:

— О чем ты?

— Совсем незаметно, как внутреннее состояние становится реальностью, — «Я» отбрасывает ленту в сторону, — как мысли обретают форму, проявляясь наружу, и как внешнее состояние вновь погружается в нас. У внутреннего мира нет границ, он присутствует и внутри, и снаружи, только снаружи — материально: ситуация, проблема, встреча. Это мысли наши вырываются наружу, обретая форму. И то, что мы рожаем, то к нам и возвращается.

Но ты усмехаешься:

— Иллюзии... Каждый живет в своей «Башне из черного дерева»! Рождаем мысли-кубики, кропотливо возводя из них сокровенный мир, разглядываем реальность сквозь витражные окошки собственного изобретения. Мы обречены жить в иллюзиях, мы жаждем их, и, не осознавая того, мы за ними охотимся! И чем яростнее охотимся, тем больше и сильнее иллюзии, и наоборот. Кольцо жизни, динамика — положительная или отрицательная, развитие и диалектика.

Твое «Я» хочет тебе возразить, предостеречь, но ты отводишь взгляд, подходишь к окну, отодвигаешь тяжелую штору. За окном — шумный город, огни неоновых реклам, сигналиющие автомобили, утро и ночь без границ — мегаполис больших и маленьких жизней.

Какие они — наши иллюзии?

Какие они — наши мысли?

Какие они — наши внешние жизни?

Охота за иллюзиями... или иллюзия охоты?

Ольга Грушевская

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ

<i>Ирина Егорова</i>	7
<i>Мари Веглинская</i>	11
<i>Мария Панфилова</i>	22
<i>Надежда Гусева</i>	29
<i>Анна Народицкая</i>	39
<i>Сергей Балиев</i>	50

ПРОЗА

<i>Игорь Бурдонов</i>	55
Манастирь	56
(Геоматическая пьеса)	
<i>Микаел Абаджянц</i>	86
Ночь	87
Тяжелый сон	92
Дом Погоса	94
Разрушитель	99
Игра на троих	104
<i>Ольга Грушевская</i>	110
Истории о жителях Арисхора	111
(Отрывки из повести «Ловцы рыб»)	

Ольга Моисеева	132
Охота за иллюзиями	133
Алексей Казарновский	158
Крысиный волк	159
Алёна Чубарова	184
Олушка, или Что было с Золушкой на самом деле	185
Мария Сидлер	196
Крылья ангела	197
<i>(Сказочная пьеса для взрослых в двух действиях)</i>	
Равновесие	216
Белый лист	217
Бурная река	219
Материнское счастье	221
Александр Сороковик	223
Грань	224

ПОЭЗИЯ

Ирина Егорова

У нас всегда есть возможность экспериментировать со своей жизнью: с тем, что мы знаем и умеем, и с тем, что нам пока неизвестно и недоступно. За каждым жизненным изгибом нас подстерегают неожиданности, и это здорово. Даже печальные события, испытания и потери — это наш опыт и познание других возможностей.

Я рада, что могу искать себя — в театре, в кино, в драматургии, в поэзии.

Я благодарна судьбе за любовь и творчество, за встречи с людьми, которые освещают жизнь.

Главный режиссёр, актриса, драматург театра «КомедиантЪ».

С новой страницы 2013 г.

Илье

* * *

В вечернем небе — ледоход,
Несутся, нависая, глыбы.
Со дна, как в водорослях рыбы,
Глядим на них, разинув рот.

Ох, я сегодня не усну,
Ловясь на лунную блесну.

* * *

Здесь глядя в календарь, окно
Молчит резонно —
Ведь время спуталось давно
У Робинзона.

Но пусть затихнет ерунда —
Бега, скитанья.
Я здесь не Пятница — среда
Для прорастанья.

Меня захлёб ты пил и пил.
Сплелись и таем.
Ох, до чего ж твой остров был
Необитаем!

Нас закрутил неожиданный зов
Почти до боли.
Мы — стрелки бешеных часов
В магнитном поле.

И снизу вверх, и сверху вниз
Кипит веселье.
Нет, я не Пятница — очнись!
Я — Воскресенье.

Попытка полёта

Сквозь вопиющих воробьёв
Лечу я в утреннем пейзаже.
И пёс, дремуч, как бедный Йов,
Меня не замечает даже.
Боюсь поверить, но пока
Я изумительно легка!

* * *

Берет? — Пушистый оберег,
Нежнее самых нежных нег —
Несёт нарядный свой прикид
Автобус, точно белый кит.

И, с ветерком, за ним вослед
Небрежный оставляет след
Мой первозданный лёгкий бег.
Ну, с добрым утром, первый снег!

* * *

Вот читаю, и вдруг — как узлом перехвачено горло
От причастности и ностальгии почти беспричинной.
И втянувшись в тебя, заглядевшись, я чувствую гордо,
Как бы жизнь прожила и писала бы, будь я женщиной.

Мари Веглинская (Светлана Сударикова)

«Когда ты долго смотришь в бездну, бездна начинает смотреть в тебя», — однажды сказал Фридрих Ницше. Внутренний мир человека — бездна, в которую решается заглянуть не каждый. Заглянуть в самого себя, встретиться глазами с бездной собственных страхов, сомнений, предательств, жестокости, трусости, ненависти... Ах, как это сложно! Проще принять себя таким, какой есть, оправдывая каждый шаг, каждую глупость, каждую боль, причиненную близким. Ведь боль бывает по неосторожности, предательство от безысходности, обман от недоверия. Сколько объяснений можно дать собственным проступкам, пожалеть и простить себя, сославшись на глупость и слабость. Мол, а кто тут не без греха? И забыть. Чтобы только удержаться на краю привычного мирка, сотворенного собственными руками за долгие годы.

Но однажды наступит день, и бездна сама заглянет тебе в глаза, холодно и равнодушно, и за каждый шаг придется расплатиться. А приговор станет однозначным, не терпящим интерпретаций, и уже не понадобятся оправдания, и объяснения не будут приняты к сведению...

А вы когда-нибудь заглядывали в глаза бездны?

Писатель, прозаик, главный редактор литературно-просветительского сетевого журнала «Московский BAZAR» в рамках проекта «Моссалит», общественный деятель в области культуры и искусства.

Из цикла «Философия одиночества»

* * *

*Когда ты смотришь в бездну,
Бездна смотрит в тебя.
Ф. Ницше*

Я живу высоко в горах,
На краю крутого обрыва,
Где облака падают в руки,
Но я никогда не могу удержать их.
Я просыпаюсь рано утром
И прыгаю из окна в пропасть,
В самую глубину смерти,
Чтобы встретиться с ней глазами.
А затем по узкой и скользкой тропе,
Между тощих сухих елок
И острых каменных глыб
Я ползу снова вверх,
Вверх, к моему дому,
Что стоит на краю обрыва,
И цепляет облака трубами.
Никто не знает, как мне бывает больно,
Как стонет раздробленное сердце,
Как ноют кровавые раны
И грызут тело сломанные суставы.
Никто не слышит, как плачу я ночами,
Плачу от страха,
Потому что боюсь этой боли
И встречи.
Встречи с глазами бездны.
Вот только почему я так отчаянно жду утра —
Время, когда я смогу прыгнуть в пропасть?

* * *

Ты ушел рано утром.
Я варила на кухне кофе
И не слышала, как ты встал,
Как, торопливо одевшись,
Тихо-тихо вышел из дома,
Как спустился по лестнице вниз
И хлопнул дверью подъезда.
Ты шел по пустой улице.
Еще Луна не успела исчезнуть,
Под ногами скрипел белый снег,
Чистый утренний снег,
А у дороги скулил бездомный пес.
Ты никуда не опаздывал, но торопился,
Сжимая в руке вчерашнюю газету.
Ветер продувал тонкое пальто –
Ты забыл у меня шарф,
Но ты уже не думал об этом,
Ты просто уходил прочь.
А я в тот момент варила тебе кофе,
И была так счастлива.

Ангел

Недавно ко мне прилетал Ангел.
По крайней мере, он так назвался,
Или это был хороший розыгрыш –
От моих друзей можно ожидать всякого.
Было это в прошлый четверг
Как раз накануне праздника.
Я задержалась на работе и очень устала,
В сердцах бросила в коридоре сумку
И в грязной обуви прошла в комнату.
Я без сил упала в кресло
и хотела включить телевизор,
Как вдруг увидела его.

* * *

Я бежала от твоей любви.
Быстро-быстро, быстрее ветра.
И даже облака смотрели мне вслед.
Я хотела забыть тебя,
Просто вычеркнуть из жизни,
Чтобы не помнить твоих рук,
По которым я так часто гадала о будущем,
И твоих глаз, в которых прятала свою любовь.
Я вырвала из записной книжки листок,
Где был записан номер твоего телефона,
И даже сделала вид, что не помню его больше,
Я уничтожила все твои письма
и сожгла в печи фотографии,
Полагая, что это не напрасно.
Я была уверена, что все-таки смогла оторваться,
И даже остановилась, чтобы перевести дыхание.
Да вот только Земля оказалась круглой.

* * *

Я умру на рассвете.
За окном, в полутьме, будет кружить снег,
Первый осенний снег.
Он будет липнуть к стеклу,
Медленно стекая тальми каплями –
Как и много лет тому назад.
Еще никто не будет знать,
Что я не спущусь к завтраку,
Что мне не нужно заваривать чай
И делать бутерброд,
Что я не выйду на улицу собирать опавшие листья
И яблоки – их в тот год будет особенно много.
Что к вечеру не испеку пирог,
И даже не успею замесить тесто.
Все будут тихо спать в своих постелях,
Еще не зная, что мой голос мертв,

И я никого не смогу простить,
И больше никто не услышит мой смех.
Мне не нужно будет улыбаться,
Когда хочется плакать,
И лгать, когда нет сил говорить правду.
Меня никто не сможет обидеть,
И я никому не причиню боли.
Я уйду тихо и спокойно,
Чтобы не потревожить их сон,
В котором, быть может, я еще живу.
А время будет по-прежнему капать
Капля за каплей.
И стекать по стеклу, голому холодному стеклу,
Вместе с первым осенним снегом.
И ветер будет свистеть в трубе,
И первые прохожие будут куда-то спешить,
И сутки будут убежать стрелкой часов
По темному циферблату чужой жизни.
Все как и много лет тому назад...
Но уже без меня.

Моим друзьям

Меня не надо прощать –
Я не люблю, когда меня прощают.
Просто забудьте обо мне и все.
Будто я и не жила на этом свете,
И никогда не встречались с вами,
И не пила вместе вина.
Словно не было у нас общего прошлого,
И вы не поздравляли меня с днем рождения,
И на Новый год не писали открытки.
Да. Забудьте обо мне и все.
А я буду тосковать о вас ночами,
И все думать, почему же вы не звоните,
И не поздравляете с днем рождения,
И на Новый год не шлете открытки.

Дрожащий в каменной пасти камина,
И белая пуховая шаль, и бегония на окне,
И пушистый кот на моих коленях.
Я все еще смотрю на снег,
Ровный и чистый снег,
Заметающий белые следы,
Уходящие прочь от моего дома.
И вот они исчезли навсегда...

Черное и белое

Тихо падал снег.
Просто снег и ничего больше.
Самый обычный первый снег –
Он всегда выпадает в начале ноября.
И был он, как обычно, белый,
Выкрашенный в чистый белый цвет,
Как оконная рама в больничной палате.
Но кто-то отчего-то был ему не рад,
Кого-то раздражал этот белый цвет,
Столь непривычный на мокром асфальте.
И тогда чьи-то грубые сапоги,
Грязные растоптанные туфли
И нечищенные ботинки
Давили его беспощадно и зло,
Чтобы он стал таким же черным,
Как и все остальное вокруг.

Птица

Вчера в мой дом влетела птица.
Я открыла окно после грозы,
И она легко впорхнула,
Широко расправив узкие крылья.
Она села на циннию,
Которая вот только собралась цвести
И выпустила большой розовый бутон –
Я испугалась за нежный цветок
И замахала на птицу руками.
А еще она крылом задела бокал,
И он, упав на паркет, разбился вдребезги.
Это был мой любимый бокал.
И тут я вспомнила, что влетевшая в дом птица
Неприменно принесет несчастье, –
А значит, не жди ничего хорошего...
И тогда я выгнала ее на улицу.
Газетой, что как раз попала мне под руку.
И, улетающая, птица с грустью взглянула в мои глаза,
Словно сожалеея о чем-то несказанном.
А когда она была высоко в небе,
И казалось, вот-вот коснется крылом облака,
Я вдруг увидела, что она была синей.

Переоценка ценностей

И боль уйдет, останется только ветер.
Он будет хлопать ставнями
И срывать со стола листы календаря.
И в воздухе будут кружиться слова,
Бесмысленно осыпаясь ненужными фразами.
То, что казалось когда-то важным,
Обернется вдруг смешным и нелепым.
То, что когда-то пугало до безумия,
Окажется до сентиментального глупым,
А то, что виделось таким далеким,
Растворится безжалостно в памяти прошлого.
Ничего не изменится, но все будет другим,
То, что не сбылось, уже не сбудется,
То, что потерялось, уже не найдется,
То, что упущено, уже не вернется.
И больше не будет тревожить
Бесмысленное и бесполезное течение времени.

Мария Панфилова

У человека, как известно, внутри целый мир. А иногда — война... или хотя бы «борьба борьбы с борьбой», - как писал Юрий Коваль в повести «Самая лёгкая лодка в мире».

Как заглянуть в этот штормящий омут? Кто водится там? Русалки? Лешие? Соловьи? Разбойники?

Люди привыкли защищать свое пространство высокими оградами. Но поэты — такие смешные люди...

Привет! Я — Маша Панфилова. Хотите заглянуть в дырочку в заборе?¹

¹ В стихах сохранена авторская пунктуация. — Примеч. ред.

* * *

Лишние звёзды
На лишнем небе
Лишние звёзды
Лишнее небо
Лишними пальцами в лишнее небо тычь
Личного — ничего
Лишь
Лишние звёзды
Лишь
Лишнее небо

* * *

Отслаиваюсь
Чешуйками
Шутками
Спи, мой Мишутка,
Любовь ведь спит...
Русалочий скит жемчужный
Мерцает
Устав нескучный
В тени раки...
Садок
Черешня да груша
Усни, баю-бай, Андрюша,
Приснись тебе золотой
Мой хвост
И плавник мой острый
И бес
толковые звёзды
Над голо
Вой

* * *

Самолётики, запутавшиеся в Его бороде
Жужжат смешно и щекотно
Их высвобождают осторожно,
И командир корабля
Говорит нам:
Мы миновали зону турбулентности

* * *

Бледненькая, востроносенькая
длинноволосая шатенка
Смотрится, вертятся,
в маленькое складное красное зеркальце
Не садись на пенёк,
Не ложись на рельсы!
Стрелочник всю малину
Распугал-испортил

* * *

У.

Отойди-ка от края,
Не мешай любоваться бездной
Ходишь тут, посланный из рая
своей любовью железной
Посуху ступаешь,
всё вокруг выжигая
Посохом из водяных знаков...
А я, не то чтоб другая, —
Недуг наш неординаков
И это мне совсем нелибидно
Не заслоняй, отойди,
а то им, в раю, плохо видно

* * *

Мой врач,
Что лечит меня от жизни,
Гарантируя результат,
Он говорит мне:
Деточка, не сутультесь!
Будете гнутой, —
Так вас никто не заметит —
Проживёте дольше
Дольше промучаетесь.

* * *

Подражание Верочке Липатовой

чтобы случайно
не получить от тебя письма
собственноручно
передушу
всех голубей
моей
электронной
почты

* * *

Звёздочку насади на крючок
Чтобы выловить Рыбу-луну
Полную Рыбу-луну
И не одну
Не жалея звёздочек, лейтенант,
На Луну-рыбу лови широкий лампас
Лови луну, лови
Расширяй карасс

* * *

Ожили ножики
Ёрзали-юзали
Резали розы ли?
Зырили зарево
Опосля можно
Боженьке в ноженьки

* * *

Что нашептывает кустарник у берега?
Ничего...
Это просто листья
шуршат, друг о дружку трутся...
Просто ветер заставляет их целоваться
Сводник-ветер...
Но это же просто перемещение воздуха!
Ты еще вспомни
о
 высоком
и
 низком
давлении!

* * *

Чтоб убить уже наверняка,
Он целует тебя понарошку
Ты в обветренных красных руках
Тащишь розу как дохлую кошку,
Замечая едва ли вокруг
Закипание липы в аллее...
И зачем-то твердишь: Не зову,
И не плачу, и да, не жалею.

Надежда Гусева

Вы о внутреннем мире человека? Потаённом ларце с единственным ключиком у его владельца? В ларце нет одежд, скрывающих правду мыслей и чувств сущности нашего «Я». Там обнажённая натура. Однако две основные, губительные для личности страсти: страх и гнев — заставляют человека, выходя во внешний мир, быть актёром, то есть жить во лжи из века в век, приспособиваясь к обстоятельствам, согласно субъективному, а также групповому представлению о добре и зле тех, кто живёт в социуме.

До сих пор, от первых наскальных рисунков пещерных людей до современного многообразия искусств, человек остаётся в растерянности, не умея ответить, зачем и откуда пришёл он в этот мир. Как завести пружину энергии души и духа, способную открыть творческие возможности каждого, чтобы жить без масок? Процесс осознания себя в космическом мироздании только-только начинается. Чтобы помочь потомкам, мы передаём дальше творческую эстафету Слова с тем, что накопили, с верой и надеждой на пользу нашего вклада.

Родилась и живу в Москве. Закончила десятилетку, потом институт (2-ой МГМИ имени Пирогова). Далее работа (поликлиника, НИИ педиатрии), семья (муж, дочь), увлечения. В том числе любовь к литературе. Затем самостоятельная проба пера, ещё не избавленная от боли и страстей, но с попыткой добыть чернил из чернильницы, хранимой в потаённом ларце.

Поэтические произведения прежних лет собраны в недавно изданном авторском сборнике «И я готова снова жизнь любить». Сюда я помещаю подборку новых стихов 2013-14 гг.

Блуждающие звёзды

Памяти Барышева С. Т.

В чаше опрокинутой
Стало тесно звёздам –
Разбрелись по плёсу,
Задремали в росах.

Сине-фиолетовый
Тёплый летний воздух,
Блеском эполетов
Золото над озером.

В рощице берёзовой
От сиянья звёздного
В полусвете бронзовом
Задрожали росы.

Ты взойдёшь на облако –
Вспыхнет свет зарницы,
Всё, что было дорого,
В данность воплотится.

Вот он твой покинутый
Во Вселенной остров.
В чаше опрокинутой
Просто тесно звёздам.

Разбрелись по плёсам,
Задремали в росах.
Ну а ты вернулся,
Значит, стал ты взрослым.

У каждого свой Эпикур

Говорят, торчу в дыре,
И удобства во дворе.
Всё не так, не так дышу я,
Вот и дом не по фэн-шую.
Вроде как впустую
Прожил жизнь не ту я.

Я живу не на Луне.
Всё, что надо, всё при мне:
Дети, внуки, да жена,
Да бутылочка вина.
Ты слыхал про Эпикура?
Вот и я не рву натуру.
Если утром с койки встал,
Значит, жить не перестал.
Как дитя ликую,
Выпил и кайфую.

* * *

Любовь прошла. В предзимье сиротливом
Озяб продрогший сад, уныла листьев дрожь.
Что было в той любви, умом не разберёшь.
А жизнь несётся, словно в кадрах торопливых,
И день на день, как в зеркале, похож.

* * *

Опять дышу свободно, глубоко,
И на душе так девственно легко.
А ведь ещё вчера в груди пылал пожар.
Но голова в дыму не угорела,
И не сподобилась ввести меня в кошмар,
Ну, скажем, что Земля с оси слетела.
Как нет земной оси, а есть Земли движение,
Так и огонь в груди был – плод воображения.

Коротко о разном

* * *

Хоть тресни, а судьбу не обмануть,
Пусть родичи произвели тебя нечаянно,
Ты всё равно пройдёшь свой путь –
Благословенный иль печальный.

* * *

Сияют звёзды, а в лугах цветы цветут...
Найди глагол – что делаем мы тут?

* * *

Чем дальше ноль от единицы,
Тем больше в нём достоинств и амбиций.

* * *

Заледенеют в поле жизни колоски,
И боль обид сожжёт пигмент волос,
И как из мёрзлых зёрен не проклюнутся ростки,
Так не вернётся смоль тяжёлых кос.

* * *

На зов мольбы из века в век
Господь не подал звука,
А этот странный человек,
Всё ждёт слиянья с духом.

* * *

Закономерна смерть, рождение – случайно.
Хотя и случай может быть фатальным.

* * *

Все говорят, что остаётся слово,
Но слово только у Адама было **ново**.
Вам скажут, что ваш стих написан мило,
А про себя, зевнув: «Но это было, было!»

Pro et contra

В софистике – уловка и подстава,
А в мистике – фантазии полёт:
Она, по крайней мере, не лукава –
Ведь мистик верит в то, о чём он врёт.

* * *

Рука дающего в два счёта оскудела –
Он палец дал, она всю руку съела.

* * *

А кто-то, может, в измерении не нашем,
Не под балдой и не в бреду,
Строчит про коллективный разум у букашек,
Имея нас с тобой в виду.

* * *

Зачем убийца не наказан?
В то время как вчера в грозу
Небесной мелочной проказой
Убило молнией козу.

* * *

Прогнали страх и обрели свободу,
А с ней и помешательство народа.

* * *

Кто подскажет дураку, чтоб угомонился?
Право, лучше б на троих взял да и напился!

* * *

Пустили в небо шар, свободами надутый.
Он чуть поднялся, лопнул и посеял смуту.

* * *

Надорвалась, забылась, обессилив.
Но обратим анабиоз,
Пока светила не остыли.
Ведь ты не глиняный Колосс,
Тебе ль не знать побед, Россия?

Любовь...

* * *

Твоя любовь – лишь отражённый свет
Моей любви, которой больше нет.

* * *

Не верь глазам, они умеют лгать.
Про зеркало души всё выдумал влюблённый,
Он, собственной любовью ослеплённый,
Был рад своим желаньям подыграть.

* * *

Он оказался и не рыба и не мясо,
Но до чего красиво хвастал!
Он оказался и не мясо и не рыба,
И только волосы его вставали дыбом.

* * *

Влюбив в себя одну, тотчас к другой метнулся,
Он вовсе не хотел, но в нём вампир проснулся.

* * *

Пока молодку тискал бойко,
К нему insult запрыгнул в койку.

* * *

Из кучи дьявольских подлогов
Игра в любовь – занятный фарс порока.
А если Бог – Любовь,
То, значит, – вызов Богу?
А если Бога нет,
То нет порока?

Опережая бег событий...

* * *

Опережая бег событий,
Стареющий учёный иль поэт
Спешит оставить вечный след,
Пришпоренный предсмертной прытью.

* * *

То ли балбес, то ли повеса,
Скользя по крыше ледяной,
За столб фонарный принял беса,
В аду закончив путь земной.

* * *

Один вполне пристойный житель
Себя во сне Святым увидел.
И, чувством избранности горд,
Решил пройтись по волнам вод,
Но рухнул в тёмную обитель.

* * *

Сегодня – он вершитель судеб,
И для него чужого мненья нет,
В час неровён он и тебя засудит,
Подкинув ствол иль марафет.

* * *

Он часто нёс занятный бред,
Он ужин отвергал с испугом,
В обед сплавлял котлету другу.
И умер вдруг в расцвете лет,
К виску приставив пистолет.

Побасёнки

1. В гармонии с собой

Он находил особое очарование
С молодежатою манерой озорной
Развлечься флиртом в дружеской компании,
Умея стать в игре фигурой козырной.

Приняв грамм сто и закусив сырком голландским,
Вальяжно сидя рядышком с женою дорогой,
Он добивался нежных чувств и тёплой ласки
Невинной шуткой, томным взглядом, чуткою рукой,
Затейливо колдуя над прелестницей чужой,
И клялся её мужу в дружбе братской.
А далее всё повторял точь-в-точь с другой,
Пусть и не столь прелестною милашкой,
Но хорошевшей с каждым мигом под рюмашку.

И длился пир. И в упоенье залихватском
Он плёл интригу, запустив соперниц бой,
И просьбу пыл сдержатъ считал туфтой дурацкой.
Порой, вбивая клин меж мужем и женой,
Он не грузил себя, любимого, виной,
Гормоном радости отмеченный судьбой.

Счастливец жил в гармонии с собой.

2. Про Лизет и козла

Влюблённая Лизет в дом привела козла,
На всё имея свой критерий зла.
А козлик был охотник до добра –
До золотых колец, банкнот и серебра,
Оставив Лизоньке на зеркале записку:
«Прощай, любовь, не помни зла».
История как мир стара:
Не соблазней добром козла.

О вечном

* * *

Гордыню нам подкинул бес,
Сманив отведасть плод познания.
И человек посеял знания,
И урожайным был прогресс.
Но обнаружит вдруг гордец:
Чем больше знает он о мире,
Тем круг непознанного шире.
Пока однажды наконец
Заголосит «венец» творенья,
Упав пред Богом на колени:
«Как жалок, Боже, мой удел,
Зачем воздвиг Ты мне предел,
Дав разум?»

Про атеиста

Почувствовав дыханье Смерти,
И осознав, как страшно умирать,
Он стал врачей на помощь звать,
И приготовил доллары в конверте.
Но не нужны они ни Богу и ни Смерти,
А кроме них помочь никто не смог.
И вот тогда сказал он: «Господи, помилуй!»
А Бог ответил: «Я ведь только за душой,
Она спала и зла не натворила,
А коль меня услышал, так и ты со мной.
Всё остальное прах и тлен могилы».

* * *

А многие твердят с надеждой вновь и вновь:
БОГ – это Слово, Красота, Любовь.
Однако в сферах мироздания ЕГО –
Мы в азбуке Небес не знаем даже аза,
То есть, не знаем ровным счётом ничего.
Ни мудрецы, ни доктора наук, ни папуасы.

* * *

А даль небытия меж тем всё ближе.
Я тщусь:
вдруг Свет иной и я увижу –
Источник вдохновенья и Любви,
О том глаголили пророки и поэты,
Но ни в одной строке нет внятного ответа.
Но если не увижу я ни зги,
И не узрею Света, коченея,
Хотя б за то, что тщилаась, помоги.
КТО ТЫ! Кто я? – а всё светлее.

Анна Народицкая

Я родилась в Москве. По первому образованию художник-график. Но основная моя профессия преподавание. У меня собственная студия пластики танца. Люблю свою работу и собираюсь танцевать до старости.

Обожаю море, солнце и кошек.

Жить и писать книги мне помогает моя первая профессия художника. Она дала мне возможность видеть жизнь через призму красоты и цвета. Так я и живу — рисуя сказку в жизни и приглашая в свой уютный мир всех желающих.

Воспоминания о Средиземном море

Зелёный лист ещё не пожелтел,
А ветер нежно треплет прядь волос.
Он осени сдаваться не хотел
И с берегов морских тепло принес.

Пусть август дышит бризом и сосной,
Я долго буду помнить плеск волны,
И хор цикад. И ощущать тот зной
Медовой и цветочной тишины.

Под кожей будет солнце трепетать
Зимой холодной, согревая мои сны.
Осталось лишь немного подождать,
Каких-то два сезона, до весны.

А там рукой подать до летних дней,
Когда я чемодан вновь соберу.
В такси! В аэропорт, и побыстрей!
И вылет очень рано поутру.

Ах, как же я скучаю по волнам!
И сердцем вместе с ними я пою!
Моя душа осталась где-то там,
В цветном, янтарно-солнечном краю.

Ночные грёзы

Когда в небесах полыхает закат,
Реальная жизнь отступает назад.
Хозяева снов, без всяких оков,
Находят в сознании временный кров.

И в тёмную ночь нельзя превозмочь
Всё то, что вы днём прогоняете прочь.

Хрустальные замки и старый порог,
Из леса является единорог,
Цветы из стекла и болотный туман,
Морочит, пугает полночный дурман.

Но только во сне приходит ко мне
Любовь, от которой сгораю в огне.

Рассвет прогоняет фантазии прочь,
Я верю, что солнце мне сможет помочь!
Но только лишь тьма возвращается вспять,
Ночные фантомы приходят опять.

И снова со мной любимый, родной,
И губит, и любит, и дарит покой.

Неделя и месяц, полгода и год
Мучительно тянется круговорот.
Где сон, где реальность, так трудно понять.
Где ложь, а где истина, не разобрать.

Но в тёмную ночь нельзя превозмочь
Все то, что вы днём прогоняете прочь.

Кошачья судьба

Мне кошачья судьба девять жизней дала,
А какая счастливей, не знаю.
И хотя воскресать каждый раз я могла,
Каждый раз я всерьёз умираю.

На кошачьем пути всё не просто, поверь.
Но не может прерваться дорога,
Если в первую жизнь закрывается дверь,
У второй я стою у порога.

Мне кошачий инстинкт не даёт унывать,
Я сама по себе, и прекрасно!
Всё равно никогда не устану мечтать,
Как бы ни было это напрасно.

Пусть в заоблачный мир улетают мечты,
И лишают рассудка закаты!
Но с какой бы ни падала я высоты,
Я всегда приземляюсь на лапы!

Игра

Пришёл, увидел, дал аванс,
Отвлёкся на короткий миг.
Вернулся в прерванный альянс —
О чудо! Вновь контакт возник!

Решил уйти минут на пять,
А возвратясь, взглянул в глаза,
В них интерес возник опять!
Но... в глубине дрожит слеза.

На чувствах пробуя играть,
Решил форсировать финал.
Исчез примерно дней на пять.
Контакт надолго потерял.

Вернулся и в зрачки нырнул —
Ещё живет там образ мой?
Иль тень мою легко спугнул
Авансом сладостным другой?

В её глазах с хитринкой свет,
А на губах улыбки тень.
— Ты знать хотел? Я дам ответ:
Ты помнишь самый первый день?

Пришёл, увидел, дал аванс —
Моя душа отозвалась.
И нить, что связывала нас,
Ни разу не оборвалась.

Ведь в цепкой памяти моей
Застрял надолго образ твой,
И я держала много дней
Контакт с ушедшею спиной...

Вечерний чай

Когда стихают звуки и наступает вечер,
Всё нежно обнимая сиреневым крылом,
Нет горестней науки, чем прерванная встреча,
Ночная чашка чая и слёзы над столом.

Но слёзы исчезают, всё в мире быстротечно,
Утихнут снегопады и высохнут дожди.
А если счастье тает, казавшееся вечным,
Нет сладостней отрады, грядущей впереди.

И творческие муки мне душу сохранили,
Легко ложатся краски уверенной рукой!
Вновь радуется сердце, и крылья воспарили,
Искусством благодатным верну себе покой.

Стихи

Я о стихах судить не стану,
Но будут мне они важны,
Когда однажды я устану
От беспокойной тишины.

Нет лучше дружеской беседы,
Где голос ласково звучит,
Прогулки, долгие обеды,
Звонки внезапные в ночи.

А рифмы, что ж, пусть остаются
Для опечаленных минут,
Когда глаза не засмеются
И губы песнь не запоют.

Февральская метель

Замела метель,
Небо белое.
Вьюга крыши рвёт,
Очумелая.

Снег стеною встал
На пути людей.
Бьёт кнутом зима
Снежных лошадей.

Ледяной иглой
Ветер жжёт лицо.
Впереди пурга
Замела крыльцо.

Вьюга хитрая
Норовит толкнуть.
В пуховой сутроб
Закопать по грудь.

Но хрустят шаги —
Я бегу домой.
Сердце знает путь,
Помнит дом родной.

Вот закрою дверь
И камин зажгу.
Не боюсь теперь
Я метель-пургу.

Снегопад

Облака пух опустился с небес?
Нет, это просто в ночи снегопад.
Мягкий, над крышами, белый навес
Улицы все осыпает подряд.

Ах, эта ночь тихой тайной полна!
Сотни снежинок кружат по двору,
Нет, не до сна мне теперь, не до сна,
Жаль, если сказка растает к утру.

Всё ворожит снегопад за окном,
И в небеса я молитву шепчу:
Светлым стели впереди полотном!
Я ведь не многого в жизни хочу.

Снежную нежность свою подари,
Припороши прошлых лет канитель,
Ну, а ещё, до холодной зари,
Кружевом сна мне наполни постель.

Ожиданье

Утро, день, потёмки, ночь
В ожидании свиданья.
Горю некому помочь,
Лишь тоскливое страданье.

Полночь тикают часы,
Ночь объятья открывает.
В свете лунной полосы
Смутный образ оживает.

Приближается рассвет,
Сна всё нет, как нет свиданья.
Утро, в окна льётся свет,
День, и снова ожиданье.

Тьмы и света чехарда
Пролетит и в вечность канет.
Я не сдамся никогда!
Сердце верить не устанет!

Душа

Холодный снег на сердце лёг.
Душа истлела с горя в прах.
Ты боль свою забыть не смог,
Теперь гадаешь на бобах,

Что впереди, что позади,
Опасно раньше срока знать,
Не трать старанья, погоди.
Весна придет к тебе опять!

Раскрой глаза,пусти рассвет,
Позволь губам смеяться вновь.
Пойми, что вечной боли нет!
Поверь, не умерла любовь!

Почувствуй жизнь, глотни нектар
Небес, и солнца, и цветов.
Знай, что любовь великий дар,
Но только тем, кто к ней готов.

Плыви навстречу облакам,
Легко, неслышно, не спеша,
И скоро ты увидишь сам,
Как возрождается душа.
Трепещут бабочки в груди...
Любовь зовёт! Скорей иди!

Дружок

Любимый мой медведь
Лежит, прижавши ушки,
Смородинками глаз
Сверкая на подушке.

Не просит он поестъ
И не теряет тапки.
Тепло меня обнял
Пушистой, мягкой лапкой.

Согреет он всегда,
Когда я заболею.
И без него заснуть,
Наверно, не сумею.

А если я пойму,
Что вдруг уехать нужно,
Его с собой возьму,
Святое дело — дружба!

Мой плюшевый медведь,
Ты вовсе не игрушка,
Ты самый верный друг!
А я твоя подружка!

Сергей Балиев

Родился и вырос в Новокузнецке. Театральный актер и режиссер. Заслуженный артист РФ.

Стихи начал писать еще в школе, была даже публикация в «Пионерской правде». Затем это мое увлечение отошло на второй, а может, и на третий план. Печатался редко, да и не стремился к этому, справедливо полагая, что все мои опусы годятся только для домашнего пользования. Так что, можно считать, лишь последние два-три года, благодаря открытию для себя литературного мира интернета, я стал относиться к своим стихам более-менее серьезно.

За это время был опубликован в альманахах: «Лик», «Формула осени», «Песни серебряного моря», «Зов Нимфея» и др.

В минувшем году вышел авторский сборник «Так во все времена».

Стихотворение «Бурым зверем» заняло 1-ое место в номинации «Поэзия» конкурса «Пойми себя», организованного МСП «Новый Современник» и Моссалитом в 2014 г.

Бурым зверем

Бурым зверем прорубаюсь буреломом.
Птицей черной исчезаю в облаках.
Сквозь рассветы и закаты — мимо дома,
Где не смогут ни понять, ни обласкать.

Что же мне себя делить на половинки?
Берегите для иных свои слова!
Чешет брюхо мне заветная тропинка.
Чистит перья мне крутая синева.

Жизнь давалась то ли ладно, то ли гладко.
Только где-то я удар не удержал.
И под охи-ахи (больше для порядка),
Отряхнувшись, ОБЕРНУЛСЯ — и пропал!

Черт мохнатый стелет путь чертополохом.
Ангел нежится в перине облаков.
Что за радость — все отмеривать по крохам?
Лучше разом — отдал все и был таков!

Что там дальше? Вниз ли, вверх ли — все едино.
Я свободен, независим, одиноч.
Буду верить, что седины — середина.
И весь мир у лап моих, — а может, ног!

Воспарю иль затеряюсь в темной чаще.
А нацелят — увернусь, не увернусь! —
Капли крови оставляя в настоящем,
Улыбнусь, ударюсь оземь — ОБЕРНУСЬ!..

Рык звериний, клекот птичий ждите, ждите —
В зимний вечер, в листопад иль по весне.
Если в мае — вы мне душу остудите.
Если в стужу — отогрейте душу мне.

Разомлею... и оставлю вам, как плату,
Бурой шерсти клочок, перо из черных крыл, —
Словно песню, где когда-то был крылатым,
Словно песню, где когда-то волком был!..

Реквием

Меня искали на земле, меня искали.
И в беспробудном феврале. И в жадном мае.
Искали в брошенном стогу и блеске стали.
Не находили, ничего не понимая.
Меня искали на земле, меня искали.
В снегу, в песке и ковыле, в речной долине.
В больничной койке, на щите, на пьедестале.
Не находили — изначально и доньне...
И с удивлением душа моя внимала
словам о том, что, дескать, был кому-то нужен,
что был я тем, кого теперь осталось мало, —
смирненным жителем страны. И верным мужем.
Что был обманут только раз — и только в шутку.
И все насмешки за спиной — досадный казус.
Что был я намертво влюблен не в проститутку,
а даже так — то пусть Господь ее накажет...
Меня искали на земле, меня искали.
Отныне, присно и вовек. Вдали и рядом.
Не находили вновь. И также вновь теряли.
И стравивали пыль с колен — и с губ досаду.
Меня искали, запоздало спохватившись.
Как будто исподволь, уныло, монотонно.
Ах, это только лишь перед грозой затишье?
Что ж мне гарротою — фальшивая корона?!..
Всё — словно в гулкой тишине пустого зала
пред пустотой склонились флаги и знамена,
а равнодушная душа моя не знала —
увы! — низвергнутой ей быть иль вознесенной?
И словно некому все траурные речи
перечеркнуть строкой, где боль в словах и вера —
меня искали на земле, моля о встрече,
меня искали на земле, вскрывая вены!..
Меня искали, но забыт мой день рожденья.
Не находили — где нашла меня кончина.
Как будто не было любви и вдохновенья.
И дома не было, и дерева, и сына...

Бессонница

Нет тепла в этом городе снов,
люди-тени и руки, что плети.
Песня-стон (или старый засов?)
дребезжит каждой строчкой в куплете...
Отвори эту дверь, отвори,
спрятав страхи подальше, поглубже,
но маячат в ночи фонари,
а мотив всё протяжней, всё глуше...
Что поёшь? На каком языке?
И зачем же так песню калечить?
Ты откуда пришла и — за кем?
И кому ляжешь грузом на плечи?..
Нет любви в этом городе грёз,
лишь наскоком — то страсть, то измена.
Принародно — взахлёб и взасос —
или скрытно, но как-то несмело...
Чёрной кошкою ночь — ну-ка, брысь! —
всё шныряет в годах-переулках.
И сбивается с шага на рысь
сердца стук, то звенящий, то гулкий...
Грёзы жизни, где жизни — слегка?
Фонари над рекой — и дорога?
Чуть прорежет звезда облака —
мимолётным приветом от Бога...
Нет мне сна в этом городе снов,
и чем глубже огней перспектива,
тем всё чаще то в жар, то в озноб
погружают ночные мотивы...

А закроют глаза фонари,
песня-стон поперхнётся на коде —
я усну на плече у зари...
На исходе весны? На восходе?

Я иду по знакомой тропе

Я иду по знакомой тропе
в расцветающем, радостном мае.
Все приветствую, все принимаю —
как в любимой, из Блока, строке!
Полунаг и разут, — босиком
так приятно ступать в подорожник.
И шагам моим неосторожным
каждый след, каждый выступ знаком.
Вот изгиб, вот ручей и уклон,
слева — яблоня, справа — крапива,
вот береза, вот скромница ива,
вот и он, мой задумчивый клен.
Я иду, и душа — налегке!
Утро светлое кажется вечным!
Ах вы, тропы-пути человечьи!
Всё — вблизи и уже — вдалеке...
Не спешу. Песня воли сладка.
Птичьим эхом звучат перелески.
И открывшись без шума и всплеска,
чуть качает река облака.
Разбежаться — еще заводной! —
тело втиснуть в речное течение,
ощутить свое предназначенье,
срифмовавшись с весенней водой!
Пусть ребячество не по летам —
я с тобою еще, мир подлунный!
Ну, а завтра пройдет кто-то юный
по моим — чуть заметным — следам.
Пусть пройдет — чтоб душа налегке —
все приметы и звуки вбирая.
О, весна без конца и без края!..
Или как там, у Блока, в строке?..

ПРОЗА

Игорь Бурдонов

По образованию я математик. По способу зарабатывания денег — тоже, только это уже немножко компьютерная математика. И вот я заметил, что когда занимаешься одновременно математикой, компьютерами и литературой, а при случае и поэзией, то замечаешь странные явления. За литературным текстом просвечивают какие-то математические выкладки, компьютерные схемы и даже сюжетные алгоритмы. А в математических изысканиях и даже в компьютерных программах как будто то пролетают, то проползают тени людей, и, если прислушаться, можно услышать обрывок разговора или звук не то поцелуя, не то пощёчины.

Это потому, что внутри человека всё смешано в одну кучу: числа и люди, доказательства и оправдания, прикосновение ладони к щеке и касательная к окружности, буквы всех алфавитов, включая финикийский, а ещё первое свидание и первая ошибка в расчётах, теоремы ведут себя как жёны, а леммы — как любовницы, и последнее прощание путается с ритуальной формулой «что и требовалось доказать».

Странный внутренний мир, кажется, живёт совсем не по тем законам, что мир реальный. Но это только кажется. Сегодня между внутренним миром человека и жизнью людей «как она есть на Земле» создаётся промежуточный мир интернета и социальных сетей, который сочетает в себе признаки обоих породивших его миров. Пожилой мужчина выкладывает в сети свои детские фотки, одноклассник признаётся однокласснице в школьной любви — после многих лет, жён, мужей и детей, дети делятся обидами и мечтами не с друзьями или родителями, а с неизвестными посетителями их страниц в инете, и молодые люди влюбляются виртуально. Внутренний мир стремится вовне, а реальность виртуализуется. Впрочем, так было всегда.

Манастырь

Теоматическая пьеса

Это сокращённый вариант: из 22 букв финикийского алфавита оставлены только 9, что, конечно, сужает математическое и человеческое разнообразие пьесы и спрямляет извилистую линию расследования. Но, я надеюсь, читатель сможет получить представление о Манастыре, достаточное, чтобы заинтересоваться полным текстом, который он найдёт на сайте Моссалита или на сайте автора "burdonov.ru/Draft/manastyr/text.html"

Келья № 5

Я, следовательно по особо важным делам, допрашиваю свидетеля в день двойного нуля.

— Как вас зовут?

— Меня зовут Молитвой или Выдохом. Но вы можете называть меня просто Окно.

— Это хорошо, но я спрашивал ваше имя, а не ваши многочисленные прозвища.

— Так это и есть моё имя.

— И что же мне записать в протокол?

— Напишите просто Е.

— Молитва, Выдох, Окно, Е — это что, по-вашему, одно и то же?

— А разве нет? Подумайте сами: Молитва звучит как Выдох, а в визуальном плане этому соответствует Окно. Когда вы смотрите в Окно, вы будто покидаете себя и уносите вдаль, как покидает вас и уносится вдаль ваше дыхание. А куда оно уносится? Ну, конечно же, туда, куда обращена Молитва, любая молитва.

— И это то же самое, что буква Е?

— Так уж получилось. Чтобы быть точным, вам нужно написать в протоколе «Е простое».

— А бывает сложное?

— Только в сожизни, здесь вряд ли.

— Где-где?

— Сожизнь. Жизнь, но только наполовину здесь, а наполовину — там, к тому же там она не наша. Ну, это такой термин, принятый в нашем монастыре.

— Послушайте, меня не интересует ваша религия. Я расследую дело об усекновении вашего настоятеля, и мне нужны факты, а не фантазии.

— Сожизнь — это не фантазия, к тому же никакого отношения к нашей вере не имеет. Это математический термин. Я стараюсь вам помочь, поэтому говорю: пишите в протоколе «простое Е». Так будет точнее, и вы ни с кем другим меня не спутаете.

— Вы меня уже запутали. Ладно, оставим это, в конце концов, не важно, как вас зовут. Меня интересует только один вопрос: что вы видели? И что вы знаете?

— Это два вопроса.

— Хватит юлить, отвечайте!

— Ну, хорошо. Я видел мостик через речку, только вода в ней не текла, потому что, как вам известно, сейчас зима, и вода замёрзла. Собственно, я каждый день вижу этот мостик из окна своей кельи.

— Дальше.

— А дальше всё.

— Как это всё?

— Ну, не совсем всё. Там ещё были деревья, снег лежал по берегам, ветер был, правда, не сильный, он только немного смял воздух. Но вы ведь не об этом спрашиваете.

— !

— Хорошо, хорошо. Мне кажется, я понимаю причину вашего непонимания. Но я сказал правду: я видел мостик. А вот настоятеля на мостике я не видел.

— То есть вы ничего не видели?

— Почему же ничего?! Я вам уже говорил.

— Вы говорили, что видели мостик, а настоятеля не видели... А что: должны были видеть?

— Ну, это не входит в мои обязанности, но действительно: каждое утро, когда я глядел в окно, я видел, как настоятель стоит на мостике.

— А в то утро не видели? Понятно... Что ещё вы можете сказать?

— Я мог бы сказать многое, но вы ведь опять не про то спрашиваете. Вас интересует только настоятель.

— Не настоятель, а его усекновение.

— По сути, это одно и то же. Мы все могли бы догадаться об этом раньше. Наш настоятель, он был... как бы это сказать: не полон. Всё время чего-то не хватало. Но в нашем монастыре не принято обсуждать подобные вещи. Мы собрались здесь только для того, чтобы решить математическую проблему.

— Какую проблему?

— Чтобы пояснить её суть, мне придётся начать издалека...

— Ладно, не нужно. Так что там с настоятелем? Что было не так?

— Ему не хватало усекновения.

— Да? А теперь, значит, хватает?

— Получается так. Хотя, конечно, это требует более тщательного анализа.

— И кто же его усёк?

— О чём это вы?

— Я спрашиваю: кто организовал усекновение, кто заказал, кто исполнил?

— Но это же природное явление. Не думаете же вы, что мы умеем управлять погодой?

— Природное явление? Вы что, издеваетесь?

— Я понимаю: вам это так видится. Но поверьте: для меня и, думаю, для всех остальных монахов и монахинь здесь нет умысла. Да, есть тайна, загадка. Есть проблема. Не знаю, удастся ли её решить.

— Для этого я сюда и приехал.

— Господин следователь, моё время истекло: мне пора на вечернюю молитву.

- Ладно, продолжим потом. Прочитайте и подпишите протокол.
- Здесь ошибка, господин следователь.
- Какая ошибка?
- Вы пишете «монах» и «монахиня». Через букву «о».
- Так во всех словарях.
- В словарях да, но не у нас.
- Это почему же?
- Мы пишем через «а», потому что это аббревиатура: мАнах — это математический монах, мАнахиня — математическая монахиня.
- Вы ничего не путаете? Мы в монастыре, а не в университете.
- Нет, мы в мАнастыре. Математический монастырь.
- Хорошо, я исправлю. Вы свободны. Только никуда не уезжайте из мАнастыря.
- Даже если бы это было возможно...
- До свидания!

Келья № 8

Я, следователь по особо важным делам, допрашиваю свидетеля в нулевой день первых Близнецов.

- Госпожа Хета, что вы знаете об усекновении настоятеля?
- Мне кажется, это возрастное.
- Что возрастное?
- Усекновение. Бывают, знаете ли, такие старческие болезни...
- Усекновение — это болезнь?
- Или не болезнь, а естественное изменение. Да откуда мне знать: я ведь манахиня, к тому же 8-ая.

— А кстати, почему в вашем монастыре проживают совместно мужчины и женщины? Разве вы не даёте обет безбрачия?

— Безбрачия да, господин следователь. Но не целомудрия.

— Вы хотите сказать, что занимаетесь здесь, в монастыре, сексом?

— Только в математическом смысле, господин следователь.

— Что это значит?

— Вот смотрите, господин следователь: у вас пенис, а у меня вагина.

— И что?!

— Значит, миры нашего восприятия заведомо не тождественны. Но в то же время нельзя сказать, что они параллельны. Параллельные миры не воспринимают друг друга, а мы с вами друг друга воспринимаем. Поэтому наши миры пересекаются. Я бы сказала, что они перпендикулярны, учитывая, что вы не монах. И в точке пересечения ваш пенис окажется в моей вагине.

— Не окажется!

— У вас совсем нет воображения, господин следователь.

— Госпожа Хета! Вам не удастся меня соблазнить и тем самым запутать следствие. Говорите по существу дела.

— Но это невозможно!

— Что невозможно?

— Женщина, даже монахиня, не может говорить с мужчиной по существу усекновения. Это противоестественно.

— Так, в этом направлении мы зашли в тупик...

— Математически это не тупик, господин следователь, это скорее гонки.

— Не перебивайте меня! Зайдём с другой стороны: вы выглядывали в окно своей кельи в то утро?

— Конечно, это же прописано в уставе монастыря.

— И что вы видели?

— Я видела забор. А за забором — дорогу, и за ней домик с тремя окнами.

— Я спрашиваю: видели ли вы что-нибудь необычное?

— Ах, господин следователь, разве такой вид можно назвать обычным?

— Отвечайте на мой вопрос!

— Я стараюсь. Но всё дело в том перпендикуляре, о котором вы мне не дали договорить. Ведь брак — это как бы круг вокруг своего центра, которым является пересечение перпендикулярных миров. Этот круг может быть большим или маленьким, но в любом случае вы не должны выходить за его пределы. Но люди всё равно выходят! И тогда вместо того, чтобы решать математическую проблему, они начинают решать проблему брака. Вот почему мы даём обет безбрачия, а во все не потому, о чём вы подумали.

— Я ни о чём не подумал.

— Это не важно. Важно то, что вы даже не манах, господин следователь. Поэтому вы не знаете, что два окна в домике — это два перпендикулярных мира. Но тогда третье окно — это третий мир, перпендикулярный им обоим и выводящий из плоскости в трёхмерное измерение. Понимаете, как это страшно!

— Не понимаю.

— Это не важно. Важно то, что мне не положено выходить за забор. Там, за забором, ничего не должно быть. А в то утро там оказалась дорога, что ещё туда-сюда, но что гораздо хуже, там оказался домик, да ещё с тремя окнами.

— Да что в этом ужасного, кроме ваших безумных фантазий на тему брака?!

— Ну как вы не понимаете, господин следователь. Ведь у вас пенис, а у меня вагина...

— Всё, достаточно. Прочтите и подпишите.

— Здесь подписать?

— Да, где галочка.

— Я не могу здесь подписать.

- Это ещё почему?
- Потому что это не перпендикулярно. Давайте я лучше вот здесь подпишу.
- Подписывайте где угодно и до свидания.
- Господин следователь, если вы назначаете мне свидание, то не забудьте, пожалуйста, что у вас пе...
- Прощайте!
- Хорошо, я вас прощаю. Только не перелезайте через забор.
- Что?

Келья № 18

Я, следователь по особо важным делам, допрашиваю свидетеля в нулевой день вторых Близнецов.

- Здравствуйте, меня зовут Цади-сан. Я 18-ый манах и я имею сделать заявление по поводу усекновения.
- Слушаю.
- Никакого усекновения не было.
- Как это не было?
- Вообще не было, нет и быть не может.
- Та-а-а-к...
- Совершенно с вами согласен: именно так.
- Да говорите же!
- А что тут говорить? Некоторые манахи, и даже манахини, независимо от их рангов и номеров, склонны вести доказательство, не удосужившись убедиться в верности посылки. Из любви, так сказать, к математическому искусству. Согласен, упражнение полезное, но только как упражнение. Не нужно выдавать результат такого доказательства за реально существующее. Ведь так можно доказать всё что угодно. А существует только то, что существует.
- К чему вы клоните?

- Вы расследуете усекновение настоятеля, так?
- Так.
- А с какой целью?
- Не понял вас.
- Поясняю. Из окна моей кельи видна скала и россыпь камней под ней. Если в одно прекрасное утро камни исчезнут, можно задать вопрос: куда делись камни? И попытаться найти ответ. Это и есть цель. А теперь, господин следователь, посмотрите в окно за вашей спиной. Там есть камни?
- Нет.
- Господин следователь, там даже скалы нет. Понимаете?
- Ничего не понимаю.
- Н-да. Каппа меня предупреждала.
- Предупреждала о чём?
- О том, что вы не очень-то проникательны, господин следователь.
- Оставим мою проникательность в покое. Скажите прямо: по-вашему, было усекновение или не было?
- Господин следователь, у вас есть пенис?
- И вы туда же?!
- Вот видите, как вы нервничаете. Вам задают простой вопрос, а вы начинаете подозревать спрашивающих в сексуальных домогательствах. А теперь представьте себе, что ваши вопросы про усекновение вызывают у нас, манахов и манахинь, аналогичную реакцию.
- Мне плевать, какую реакцию это у вас вызывает. Мне нужно расследовать это дело. И точка.
- Так расследуйте.
- Вы пришли с заявлением. Будьте любезны, изложите его так, чтобы я мог записать это в протокол.
- Вы вынуждаете меня нарушить один из пунктов устава монастыря.
- Повторяю ещё раз: мне плевать.
- Ладно. Грех будет на вашей совести. Пишите: усекновения не было, потому что не было настоятеля.

— Вы издеваетесь? Всем известно, что настоятель был.

— Это как посмотреть, господин следователь. В том смысле, в каком настоятель был, возможно, было и усекновение. Но не более того. Я же с этого начал: с онтологического статуса математических выкладок.

— В каком смысле настоятель был? Или в каком он не был?

— Рыболовы знают, что для каждого вида рыбы нужен свой рыболовный крючок. Охотники выслеживают дичь по следу, который разный у разных зверей. Писарь выбирает кисть в зависимости от сорта бумаги. Так и тут смысл зависит от точки зрения задающего вопрос. С точки зрения Каппы, 11-ой манахини, настоятель, безусловно, не только был, но и есть. Ну, это понятно: она же по нему сохла, вся трепетала при его появлении, это всем известно. Для простого Е настоятель — почти абстракция, ему вообще не важен онтологический статус. Да и настоятель его почти не замечал: так, кивнёт головой и дальше идёт. Хета относилась к настоятелю, как к чему-то давно прошедшему, то есть в настоящем как бы уже и не существующему. Она же молоденькая, ей замуж хочется выскочить. Я вообще не понимаю, что она в монастыре делает. Бета Дом и вовсе конвенционалист: он готов признать существование или несуществование настоятеля просто потому, что так ему удобнее в его математических изысканиях. А кроме них, его ничего и никто не интересует, в том числе настоятель.

— А вы, Цади-сан, в настоятеля просто не верите? Несмотря на очевидные факты.

— Можно и так сказать. Только очевидность фактов зависит от точки зрения...

— Пора и вам на вечернюю молитву. Подпись поставьте внизу справа.

Келья № 7

Я, следователь по особо важным делам, допрашиваю свидетеля в третий день вторых Близнецов.

— Мне сообщили, что настоятеля после усекновения обнаружила 7-ая монахиня. Это вы, госпожа Заин?

— Да, только это был не настоятель.

— А кто же?

— Его сожитель.

— Кто?

— Понимаете, господин следователь, у некоторых существ: почти у всех людей, у некоторых животных, иногда даже у растений, кроме обычной жизни, бывает ещё другая жизнь. Не здесь, а там. Она называется сожизнь.

— Я уже в курсе.

— А, ну тогда вы легко поймёте. Сожизнь, она как бы на двоих: один здесь, другой там. Тот, кто там, называется сожитель того, кто здесь. Наверное, наоборот тоже.

— Как он выглядел, этот ваш сожитель?

— Не мой, как я могла своего видеть без усекновения?

— Ну, хорошо: как выглядел сожитель настоятеля?

— Да так же, как сам настоятель. Ничем не отличался.

— Как же вы тогда узнали, что это не настоятель, а его сожитель?

— А я не узнала, я почувствовала!

— Почувствовали? Чем? Зрением? Обонянием? На слух? Может быть, на ощупь? Или на вкус?

— Очень смешно! Что ж я, по-вашему, обнюхивала его? Или облизывала?

— Тогда как?

— Просто почувствовала и всё. Как все чувствуют.

- Я вот ничего такого не чувствую.
- Вы просто не догадываетесь. Все всегда чувствуют.
- А что вы, например, сейчас чувствуете?
- Ничего.
- Сами себе противоречите.
- Ну и что? Только я не противоречу. Я ещё ничего не чувствую, но уже предчувствую.
- Что предчувствуете?
- Что что-то будет. И когда будет, я это почувствую. Будущее чувство предчувствую.
- А что будет?
- Откуда же я знаю? Это же не чувство, а только предчувствие. Когда чувствуешь, чувствуешь что-то. А когда предчувствуешь, то только сам факт того, что что-то будет, а не само это что-то. Это же всем известно!
- Понятно.
- Ничего вам не понятно. Если бы было понятно, вы бы меня не спрашивали.
- Но вы же ответили, объяснили, и я понял.
- Так нельзя понять.
- Как «так»?
- Просто вот так: ответили, объяснили и понял.
- А как можно?
- Да с самого начала: либо понимаешь, либо нет.
- Странные у вас представления. По вашей логике, если я сейчас не понимаю, то уже никогда и не пойму?
- Да всё вы понимаете, только не признаётесь. И логика у меня самая обычная, нелинейная. С необычной логикой у меня ещё не всё получается.
- А есть и такая логика? Необычная?
- Мы же в мАнастыре, чувствуете?
- Да уж чувствую...
- А говорили, что не чувствуете!
- Ладно, оставим это. Скажите, госпожа Заин, что вы сделали, когда обнаружили... э... сожителя настоятеля?

— Ясно что — это же в уставе монастыря прописано. Гуляла в берёзовой роще, пока не надоело. Вы, господин следователь, читали наш устав?

— Ещё не успел. Там же у вас пятьсот страниц.

— 529.

— Тем более. А где вы обнаружили сожителя настоятеля?

— Там же и обнаружила, в берёзовой роще.

— А что, в уставе так и написано: «Обнаружив сожителя настоятеля, следует гулять по берёзовой роще, пока не надоест»?

— Какой вы смешной! Нет, конечно. Там написано: «Если что-то случится, 7-ая манахиня гуляет по берёзовой роще, а если ничего не случится — то по осиновой».

— Ладно. Что было потом?

— А что потом? Потом ничего не было.

— Что случилось с сожителем?

— Не знаю, наверное, ушёл куда-то.

— И вы не видели, куда он ушёл?

— Я же говорю: гуляла по берёзовой роще. Мне было не до него. Там травы много, и она всё время за оружие цеплялась.

— Какое оружие?

— Винтовка, арбалет, копьё, два ножа африканских. Кажется, я ещё секиру брала, не помню точно.

— Это всё ваше оружие?

— А чьё же ещё?

— В монастыре можно ходить с оружием?

— Нет, конечно, я же не в монастыре ходила, а по берёзовой роще, я вам уже три раза сказала.

— Зачем вам оружие?

— Господин следователь, я же не спрашиваю, зачем вы брюки носите. Нравится и всё.

— Ну, это общепринято, чтобы мужчины брюки носили. Да и неприлично без них. А женщина с такой прорвой оружия, мягко говоря, необычна.

— А мне нравится.

— Ладно-ладно, нравится так нравится. Разрешение на оружие у вас есть?

— Так оно же игрушечное.

— Не понял.

— Ну, игрушки это. Детские. Для мальчиков.

— Но вы же девочка.

— Какая я вам девочка! Мне уже тридцать лет.

— Всё! Последний вопрос: что вы видели в то утро из окна своей кельи?

— Так берёзовую рощу и видела, там больше нечего видеть.

— А настоятеля... или сожителя настоятеля видели в берёзовой роще?

— Не видела. Я же говорю: там трава густая, ничего не увидишь, пока не наткнёшься.

— А когда наткнулись, что он делал? Лежал? Сидел? Стоял?

— Гимнастику делал. Китайскую. Настоятель её всегда делал, наверное, сожитель от него научился. Он так смешно старался: щёки покраснелись, волосы на лоб упали, а подбородок блестел от пота.

— Блестел от пота? Как вы это увидели через бороду?

— Какую бороду?

— Разве настоятель не носил бороды?

— Никогда не замечала.

— Ну, хорошо. Подпишите протокол и вы свободны.

— А про пенис и вагину вы меня ничего не будете спрашивать, господин следователь? Все манахины, с которыми вы беседовали, говорят, что вы очень интересуетесь этим вопросом.

— До свидания!

Келья № 14

Я, следователь по особо важным делам, допрашиваю свидетеля в нулевой день третьих Близнецов.

— Я 23-я манахиня, мне 50 лет, моё полное имя Наунет, сокращённое Нун, ласково-уменьшительное Ню.

— И как лучше к вам обращаться?

— Это зависит от того, с чем вы обращаетесь, господин следователь.

— Это официальный допрос.

— Тогда «госпожа Нун».

— Госпожа Нун, вы подтверждаете показания господина Далета о том, что у настоятеля не было пениса?

— Я не заглядывала ему под рясу.

— Настоятель носил рясу? Я заметил, что в вашем монастыре принята свободная форма одежды. Господин Далет был в строгом костюме, госпожа Син-син — в халате, господин Самекси — в спортивной одежде, а госпожа Хета — и вовсе в мини-юбке. На вас, госпожа Нун, как я погляжу, вечернее платье.

— Свобода только кажущаяся, господин следователь. На самом деле мы не вольны в выборе одежды. Устав монастыря предписывает одеваться в строгом соответствии с тем разделом математики, в котором специализируется монах или манахиня.

— Да? Я пока не уловил связи, нужно подумать. Ну, какое отношение мини-юбка имеет к планиметрии?

— Самое прямое: отсутствие третьего измерения коррелируется с отсутствием ткани, прикрывающей ноги ниже бёдер.

— Вот как! А в какой области математики специализируетесь вы, госпожа Нун?

— В топологии.

— И?

— Топология изучает непрерывность. В отличие от геометрии, нас не интересует расстояние, и мы не различаем пространственные объекты, которые переходят друг в друга при непрерывных деформациях, без разрывов и склеивания.

— Например?

— Например, кубик и шарик. Но шарик нельзя без разрыва превратить в бублик, потому что в бублике есть сквозное отверстие. Зато бублик не отличается от кружки с ручкой. Если говорить об одежде, то юбка эквивалентна цифре 0, нарисованной жирной линией, а брюки — цифре 8, или знаку бесконечности. Зато женское платье плавно переходит в брюки с расстёгнутой ширинкой.

— Или в рясу... Ваше облегчающее платье символизирует непрерывность? А что означает ряса настоятеля?

— Полагаю, то, что он настоятель.

— Я хотел спросить, в какой области математики он специализировался?

— Ни в какой. Настоятель осуществлял, так сказать, общее руководство. Топологически его ряса не отличается от моего платья. Но с точки зрения аналитической геометрии это совершенно разные вещи: мы отличаемся изгибами. Ряса — это, по сути, одежда без формы, скрывающая или уничтожающая формы. Если мы с вами наденем рясу, мы ничем не будем отличаться друг от друга, равно как и от настоятеля. А моё длинное узкое платье, как вы можете заметить, подчёркивает мои формы. Вам оно не пойдёт, господин следователь.

— Ну, хорошо, вернёмся к пенису настоятеля.

— Вы должны понимать, господин следователь, что пенис топологически ничтожен. Мужчину и женщину отличает не пенис.

— Вагина? Лишнее отверстие?

— Да, но только после дефлорации.

— Госпожа Нун...

— Зовите меня просто Ню.

— Что изменилось?

— Господин следователь, мы говорим с вами об интимных вещах. Это не официальный допрос.

— И тем не менее. Вы не ответили на мой самый первый вопрос.

— Насчёт того, как ко мне обращаться?

— Нет! Я спрашивал про показания господина Далета.

— Это был второй вопрос. Разве я не ответила? Мне кажется, я дала ясно понять, что вопрос о пенисе нельзя ставить исключительно в связи с настоятелем. Вы заглядывали под мини-юбку госпожи Хеты?

— Вы хотите сказать...

— Ах, нет. Это к примеру. Но согласитесь, вы не можете быть уверены в половой принадлежности манаха или манахини до тех пор, пока не вступили с ним или с ней в сексуальную связь. Или, по крайней мере, пока они не разделись догола. Хотя внешний осмотр может и не дать однозначного ответа. Бывают, знаете ли, случаи...

— Госпожа Нун!

— Чем вы так озабочены, господин следователь? Ну, хорошо, спрашивайте меня про вид из окна моей кельи.

— Рассказывайте.

— В детстве меня звали рыбкой и змейкой, потому что я была в постоянном движении, но таком плавном и неуловимом, как будто у меня костей не было. Да и позже во мне не было никакой подростковой угловатости. Зато я чувствовала углы, швы и складки в любой одежде, которую надевала. Поэтому я её сбрасывала. В конце концов, это становилось неприлично. Когда родители совсем со мной замучились, они отдали меня в католический монастырь, чтобы я извивалась не в голлом виде, а внутри рясы — там это не так заметно. Я сбежала оттуда, как только научилась носить платья. А теперь я могу надевать узкие и облегающие платья. Я даже нахожу в этом особое удовольствие.

— Госпожа Нун, какое отношение это имеет к виду из окна вашей кельи?

— Нун так Нун... Самое прямое отношение. В то утро, как и всегда, я видела плавное течение реки: сначала двигающейся среди лугов, а потом скрывающейся в густых прибрежных деревьях, таких округлых, что они похожи на топологические шары.

— И?

— Что и? Ну, господин следователь, если вы не видите связи...

— Не вижу.

— Я могу показать это в танце, чтобы было нагляднее.

— Не надо танцев. Распишитесь вот тут.

— Вы так и не спросили, господин следователь, что у меня под платьем.

— Меня это не интересует. Хотя я догадываюсь, что там ничего нет.

— Как ничего? А я?

— До свидания.

Келья № 3

Я, следователь по особо важным делам, допрашиваю свидетеля в пятый день третьих Близнецов.

— Вот уж не знал, что у Коппы верблюд ассоциируется с пенисом. Эх, молодость...

— Господин Гимельджим, вернёмся лучше к виду из окна вашей кельи.

— Ну что вид? Там башня торчит, точнее, две примыкающие друг к другу башни. В каждой по три окна, вход внизу правой башни, и в неё же встроены часы над верхним этажом, так что я всегда знаю точное время.

— И?

— И?

— И какие у вас с этим связаны ассоциации?

— Вы психоаналитик, господин следователь?
Башни как башни, часы как часы.

— А три окна? Госпожа Хета видела избушку с тремя окнами и очень этого испугалась. А госпожа Пэй Фа считает это извращением.

— Так это окна по горизонтали, а в моих башнях — по вертикали.

— Это имеет значение?

— По горизонтали имеет, хоть и не для моего возраста, а по вертикали — нет.

— Почему?

— Я не знаю, так заведено.

— А настоятель?

— Что настоятель?

— Мужчина или женщина?

— Смотря который.

— У вас их несколько?

— Не одновременно, конечно. Сначала монастырь был чисто мужской, и первым настоятелем был, конечно, мужчина. Только он покинул монастырь.

— Почему покинул?

— Трудно сказать. Может быть, веру потерял. Он, знаете ли, верил в натуральные числа, представлял себе их маленькими жучками с крылышками, которые всё время выются, выются вокруг лампы.

— А что было лампой?

— Он не объяснял, наверное, сам не знал. Но без лампы никак не мог их представить. А потом представил. Ну, веру и потерял. Я помню, его очень расстроило, когда Эндрю Уайлс получил премию Шао за доказательство Великой теоремы Ферма. Настоятель даже воскликнул: «О! Небо хочет моей гибели! Небо хочет моей гибели!»... Или он это воскликнул, когда обнаружилась недостача монастырских денег? Уже не помню.

— А что это за история с деньгами?

— Внутренняя финансовая проверка обнаружила пропажу ста тысяч долларов. Потом, правда, пересчитали, и всё сошлось, но настоятель уже покинул монастырь в спешном порядке.

— А второй настоятель?

— Так это нынешний и есть. Мы тогда конкурс объявили на замещение вакантной должности. Конкурс был анонимный, по интернету. Победил некий Алеф, а когда он прибыл в монастырь, оказалось, что это женщина по имени Альфа. Ну, не менять же решение, это было бы неприлично. Да никто и не возражал против женщины. А потом уже и другие манахины пришли.

— Да, теперь многое становится на свои места. Господин Гимельджим, я хотел бы выразить вам благодарность за помощь следствию. Вы так спокойно и ясно рассказываете обо всём, ничего не скрывая.

— А зачем скрывать? У нас тут никаких тайн нет.

— Ну да. Только другие свидетели были не так откровенны и, честно говоря, мне показалось, что они хотят запутать следствие, пустить меня по ложному следу.

— Это они зря. Может быть, испугались вас, господин следователь?

— Что же, я такой страшный?

— Не страшный, а... неизвестный. Люди ведь больше всего боятся неизвестности. Это потому, что неизвестно, что за ней скрывается, за неизвестностью, а вдруг что-то и правда страшное, понимаете?

— Понимаю, но вы-то меня не боитесь.

— Эх, господин следователь, господин следователь... Я ведь уже старик — сами видите. Меня уже ничего не пугает, да и не удивляет, честно говоря. А когда то я был о-го-го! Меня даже прозвали «абсолютным делителем нуля» за то, что я всё обращал в нуль, в шутку, в нонсенс.

— А, кстати, чем вы занимаетесь в монастыре? Я имею в виду вашу математическую специализацию. Но это я так, из любопытства спрашиваю.

— Ну да, ну да. По одежде-то, небось, не можете определить?

— Честно говоря, не могу.

— Так делителями нуля и занимаюсь, в коммутативных алгебрах. Говорят, это для алгебраической геометрии полезно. А за модой не слежу, господин следователь. Да и зачем? Вот к чему привык, то и донашиваю.

— Я тут беседовал с господином Ламедом...

— Да, ему бы художником быть, а не манахом. Красоту тонко чувствует, пропорции всякие... А верую я, вы уж простите, господин следователь, по старинке, как в детстве научили: нет Бога, кроме Аллаха, и Мухаммад — раб и посланник Его. Ведь Аллах, господин следователь, в некотором роде тоже абсолютный делитель нуля.

— Гм... Спасибо, господин Гимельджим, за беседу. Соболаговолите расписаться в протоколе.

Келья № 20

Я, следователь по особо важным делам, допрашиваю свидетеля в первый день четвёртых Ближнецов.

— Господин Рейш, расследование приближается к концу. Я, конечно, не полностью разобрался в математических и религиозных проблемах вашего монастыря, но, во-первых, у меня сложилось впечатление, что вы и сами в них запутались, а во-вторых, это не имеет непосредственного отношения к делу. Собственно, мне осталось только найти госпожу Альфа и побеседовать с ней, но не думаю, что здесь возникнут какие-то трудности. И всё же лучше перестраховаться, поэтому для полноты картины я намерен допросить всех оставшихся манахов и манахинь, в том числе и вас.

— Кто такая Альфа?
— Да ладно вам! Господин Гимельджим и госпожа Йа мне уже всё рассказали.
— Что рассказали?
— Ну, хорошо, если вы так упорствуете. Альфа — это ваш второй настоятель, женщина, которая была беременна, а сейчас покинула монастырь и, скорее всего, уже родила.
— Сумасшедший дом!
— Что, простите?
— Я говорю: этот монастырь — сумасшедший дом.
— Ну, все вы, конечно, со странностями, но у кого их нет. Я бы не стал так уж...
— Это не метафора, господин следователь! Этот монастырь — психушка, и все, с кем вы беседовали, — пациенты, находящиеся здесь на излечении.
— Смешно.
— Это совсем не смешно, господин следователь. Нехорошо смеяться над больными людьми.
— Ну, ладно. А какие у вас симптомы, господин Рейш?
— Вы что, издеваетесь? Я врач!
— Ну, да, врач. В тренировочных штанах, шлёпанцах на босу ногу и с бородой, торчащей во все стороны.
— Какое вам дело до моей бороды?!— Слушайте, господин Рейш, давайте говорить серьёзно.
— Вот именно!
— Так вы утверждаете... Это что, правда?
— Мамой клянусь!
— Но почему мне об этом никто не сообщил?
— А кто должен был сообщить? Я только вчера вернулся с конференции в Лондоне, а санитары и санитарки... Вы как-то умудрились оставить их на конец, принявшись с большим рвением допрашивать пациентов. Мои подчинённые просто побоялись вмешиваться в ход следствия.

- Да... и чем вы подтвердите свои слова?
- Вот мои документы.
- ...Вроде всё правильно. Но знаете, такие документы нетрудно напечатать на лазерном принтере. Нужна экспертиза.
- Так сделайте!
- Хорошо, документы я пока у вас забираю. Сейчас составим протокол об изъятии.
- Минуточку! А где ваши документы, господин следователь?
- Мои?
- Да, ваши. Как я могу быть уверен, что вы тот, за кого себя выдаёте?
- Они остались в моей комнате.
- Какой комнате? Её номер?
- Ну, номер я не помню, это на втором этаже правого флигеля, рядом с переходом в главное здание.
- На втором этаже правого флигеля находятся палаты для буйных больных, господин следователь!
- Вы что же, принимаете меня за своего пациента?
- А за кого ещё мне вас принимать, скажите на милость? Я, конечно, проверю в регистратуре, но скорее всего вы попали к нам во время моего отсутствия. Документов нет, вместо клиники у вас монастырь, кстати, почему вы его произносите через букву «а»? И при этом толкуете о каких-то математических проблемах. Ищете какого-то настоятеля, которого почему-то считаете женщиной, да ещё беременной.
- Но это не я придумал. Вот протоколы допросов. Можете убедиться: я задавал стандартные вопросы и получал ответы. Всё!
- Ага, стандартный вопрос про вид из окна... чего? Ах, да, кельи.
- Меня интересовало, не видел ли кто-нибудь настоятеля или просто что-нибудь необычное.

— А моё окно выходит на канатную дорогу, и каждое утро я вижу, как фуникулёр поднимается в горы. И что?

— Откуда здесь горы, господин Рейш?

— Выросли! За несколько миллионов лет. Кстати, а почему на вас не деловой костюм, а джинсы и футболка?

— Ну, мы же не в суде, это предварительное расследование, здесь нет дресс-кода.

— Всё! Я вызываю санитаров!

Келья № 22

Я, следователь по особо важным делам, допрашиваю свидетеля в день двойной четвёрки.

— Здравствуйте, госпожа Тауса. Проходите, садитесь. Чаю?

— Благодарю вас, но я пришла, чтобы ответить на ваши вопросы, господин следователь.

— Мне нет нужды вас допрашивать. Расследование закончено. По крайней мере, в монастыре.

— Это несправедливо! Вы опросили всех, кроме меня.

— Да, но... Хорошо. С чего же начать?

— Начнём с вопроса, который вы не задали господину Айну. Что он видит в своём окне.

— Вы хотите ответить вместо него?

— А почему бы и нет? Итак, в окне своей кельи господин Айн видит полуразрушенную ветряную мельницу.

— Вот как?

— Да. Это шатровая мельница. Только крыльев давно нет, шатра тоже, перекрытия обрушились, а балки сгнили и больше не поддерживают столб в верти-

кальном положении. Он торчит, опираясь на край восьмерика, а большая шестерня валяется на земле.

— Вы так хорошо разбираетесь в устройстве мельниц?

— Это к делу не относится, важно другое.

— И что же?

— От мельницы почти ничего не осталось, почему же мы её по-прежнему называем ветряной мельницей?

— И почему, госпожа Тауса?

— Это вы сами думайте, господин следователь. А в моём окне — хозяйственный двор со всякими сараями и сараюшками, и что-то вроде шлагбаума, преграждающего вход в этот двор. Вам это ни о чём не говорит, господин следователь?

— Затрудняюсь...

— Не затрудняйтесь! Это и на самом деле ничего не значит.

— Тогда зачем вы об этом говорите?

— Для полноты картины. Вот почему вы думаете, что настоятелем была Альфа?

— Показания господина Гимельджима, и госпожи Йа, и господина Айна.

— Айн обо всём говорит в гипотетическом смысле: если бы, в одном из миров, и так далее. Он просто под вас подстраивался, господин следователь.

— Но остальные?

— Вот именно: остальные. Из двадцати свидетелей об Альфе говорили двое, третий только в гипотетическом смысле, а Рейш вообще услышал о ней от вас.

— Но господин Рейш...

— Что господин Рейш? Да, он несколько экстравагантен, даже хамоват, между нами говоря, но это не означает, что он врёт.

— Госпожа Тауса, вы хотите вернуть следствие к исходной точке?

— Это вы сами сделаете. Моя задача — честно ответить на ваши вопросы.

— Но я ничего не хотел у вас спрашивать.

- А теперь?
- Ну, ладно. Итак, настоятель не Альфа, так?
- Так.
- А кто? Может быть, вы?
- С чего вдруг?
- Ну как же: Альфа и Омега, но это в греческом. А вы 22-ая манахиня, последняя буква финикийского алфавита. Тогда если не Омега, то Тав. Кстати, а почему ваше имя не Тав?
- Фи! Как может женщина называться мужским именем? Я соединила греческое и арабское звучание. А что? По-моему получилось красиво.
- Господин Айн это не одобряет.
- Это потому, что он последний зануда.
- Так кто же настоятель, по-вашему? Это женщина или мужчина?
- Мужчина.
- Как его зовут?
- Как и первую букву финикийского алфавита — Алеф.
- И где же он?
- В своей келье, конечно, в келье № 1.
- И я могу с ним побеседовать?
- Почему бы и нет? Я вообще не понимаю, почему вы не сделали этого раньше, господин следователь.
- Потому что... Ну, я не придавал значения номерам келей.
- Вот именно.
- Стоп! Пусть даже я найду в келье № 1 мужчину под именем Алеф. Пусть даже он и есть настоятель. Но после усекновения...
- После чего?
- Усекновения. Или вы и это отрицаете, госпожа Тауса?
- Нет, просто не расслышала.
- Ага! Значит, усекновение было?
- Почему было? Оно и есть.
- В каком смысле?

- А что такое усекновение, господин следователь?
- Ну... тут я беседовал с госпожой Йа...
- Ну-ка, ну-ка, и что она вам сказала? Дала точное и строгое определение?
- Не совсем. Она сказала, что проблема усекновения в том, что мы не знаем, что это такое.
- Мне кажется, вам нужно с этим смириться, господин следователь.
- С чем?
- С незнанием. Вы же не господь Бог, чтобы всё знать. Что-то вы всё равно не знаете. Усекновение вполне подходит для этого.
- Но моё расследование...
- Закончено, вы это уже говорили. Вопрос в том, каков его результат?
- И каков же, по-вашему?
- Спросите лучше об этом у Алефа.
- ...
- Господин следователь, с вами беседовали все манахи и манахини, ну, кроме Алефа. Наше общее мнение такое — вы нам нравитесь.
- Что?
- Вы никого не обидели, к каждому нашли свой подход. Конечно, ваши математические познания, мягко говоря, слабоваты. Но, во-первых, вы не стоите на месте, вы уже значительно продвинулись за то короткое время, что живёте в нашем монастыре. А во-вторых, это не так важно.
- Важно для чего?
- Для усекновения.
- Что-то я перестал вас понимать, госпожа Тауса.
- А и не надо меня понимать, господин следователь. Гораздо важнее, чтобы вы с Алефом понимали друг друга.
- Кажется, мне не избежать этой встречи...
- Её никто не может избежать, господин следователь.

— Вы говорите загадками и окружаете господина Алефа какой-то тайной.

— До свидания, господин следователь. Спасибо за чай.

Келья № 1

Я, следователь по особо важным делам, допрашиваю свидетеля в пятый день четвёртых Ближнецов.

— Господин Алеф?

— А, господин следователь. Проходите, присаживайтесь. Вот на этот стул, пожалуйста.

— Спасибо. Я представлял вас несколько старше.

— А я вас несколько моложе. Но всё относительно, знаете ли. Чаю?

— Не откажусь. Господин Алеф, я бы хотел сразу перейти к сути дела.

— Вам с сахаром? С лимоном?

— С лимоном, если можно.

— Так я вас слушаю.

— Вы настоятель этого монастыря?

— Ещё вчера я бы не знал, что вам на это ответить, господин следователь. А позавчера стал бы решительно отрицать.

— Что-то изменилось?

— Конечно. Вы же закончили расследование.

— Теперь я в этом уже не так уверен.

— Ну и зря. По-моему, вы провели его очень хорошо. Может быть, и были какие-то огрехи и неточности, но я их не вижу, я же не специалист.

— Так что сегодня?

— Сегодня?

— Как вы сегодня ответите на мой вопрос? Вы настоятель этого монастыря?

— Похоже на то. С точностью до симметрии. Вы знаете, господин следователь, я никогда к этому не стремился. Честно говоря, я и в монастыре-то оказался случайно. Мне здесь не всё нравится. Наверное, кое-что придётся изменить.

— Что изменить?

— Например, форму одежды настоятеля. Мне не хочется носить рясу.

— Я гляжу, вы одеты как я: рубашка, джинсы.

— А как же иначе. Но это не главное.

— А что главное?

— Что главное, я пока не понимаю. Но вот, например, календарь.

— Что с ним?

— Так уж заведено, господин следователь, что настоятель монастыря должен поменять календарь. Это традиция, сложившаяся в незапамятные времена.

— И вы его меняли?

— Ещё нет, но уже готов. Я хочу, чтобы календарь лучше соответствовал внутреннему устройству монастыря. Если в финикийском алфавите 22 буквы, то и в году должно быть 22 месяца.

— Это получается по 16-17 дней в месяце?

— Только в среднем. Я основываю календарь на простых числах-близнецах. Знаете, что это такое?

— Два простых числа, разность между которыми равна двум?

— Да. Единицу я тоже считаю простым числом, ведь она, как и все простые числа, делится только на себя и на единицу. Так что первая пара — это 1-3, вторая 3-5, третья 5-7, четвёртая уже 11-13, потом 17-19, ну и так далее.

— И как же устроен ваш календарь?

— Номер пары близнецов — это номер месяца. Я их считаю с нуля, так удобнее. Первое число пары — это нулевой день месяца, следующее число — первый день, потом второй день, и так далее до следующей пары близнецов. Таких пар близнецов, то есть месяцев, в году

умещается как раз 22. Последняя пара 347-349, следующая уже выходит за пределы года — это пара 419-421.

— И зачем это, господин Алеф?

— Ну как же. Пара близнецов — это жизнь и со-
жизнь, здесь и там, тоже близнецы.

— Госпожа Мимю говорит, что сожизнь — это
фикция.

— Не фикция, господин следователь, а жизнь-
фикция. Это как математика.

— Математика — фикция?

— Только по отношению к жизни. Возьмите лю-
бой математический объект: точку, прямую линию,
число... Разве они встречаются в жизни? Это же абст-
ракции. Так же и мы.

— Кто мы?

— Манахи и манахини.

— Но это живые люди.

— И одновременно их отражения. Здесь и там.
Вчера и завтра. Внутри кельи и за её окном. Чёт и не-
чет. Мужчина и женщина, потому что пенис и вагина.

— На что вы намекаете?

— Вот вы меня хорошо видите, господин следова-
тель?

— Да вроде бы.

— А так?

— Вы наклонились в сторону, и я вижу только ок-
но за вашей спиной.

— Вот видите, господин следователь.

— Не вижу.

— Ну, хорошо. Мне не хотелось об этом говорить,
но, видимо, придётся. Дело в том, господин следова-
тель, что не так давно мы обнаружили недостачу мана-
стырских денег.

— Да, господин Гимельджим говорил мне. Что-то
около ста тысяч долларов? Но ведь они потом нашлись.

— Вот именно что потом. Но сначала мне при-
шлось организовать внутреннее расследование.

- И?
- Поскольку деньги нашлись, расследование пошло по другому пути. Сейчас оно уже закончено.
- Как и моё расследование.
- Так ведь это одно и то же расследование, господин следователь.
- Почему это? Я расследовал усекновение настоятеля.
- А что такое усекновение?
- Во всяком случае, не то же самое, что недостача. Все говорят, что это неизвестно.
- И я так говорю, ведь деньги нашлись.
- Господин Алеф, вы тоже пытаетесь меня запутать.
- Совсе нет, господин следователь! Наоборот, я пытаюсь внести ясность. Но... как бы это сказать... не слишком грубо.
- Никакой ясности я не вижу!
- Вы просто не хотите видеть, господин следователь. Ну, сами посмотрите, с кем вы разговариваете?
- Как с кем? С вами, господин Алеф.
- Ну, так протяните руку, что ли!
- Зачем?
- Да протяните, не бойтесь, дотроньтесь до меня.
- О, вы такой холодный...
- Да не я холодный, господин следователь, а зеркало.
- Какое зеркало?
- В которое вы смотрите. И с которым вы разговариваете. Осторожно, не разбейте!

Микаел Абаджянц

Предоставляя для очередного сборника издательства Московский Дом свои рассказы, я обнаружил, что давно уже не мыслю и не живу теми художественными образами, которые запечатлены в этих прозаических произведениях.

«Недурно!» — подумалось мне. Вот и все. Сегодня другие образы и переживания теснятся в моей душе. Так что же такое эти рассказы? Надо думать, что они слепки с моего духовного мира в самые разные периоды жизни. Трудно себя ассоциировать с главным героем. Это уже не я. Вернее, тот, кем я был раньше.

С усмешкой смотришь на пережитое, пытаешься понять, хватит ли у тебя сегодняшнего сил и адреналина справиться с тем молодым и неукротимым в своей творческой вере в себя вчерашним.

Впрочем, свой сегодняшний духовный мир можно рассматривать, как органичное продолжение переживаний и раздумий вчерашнего дня. Пожалуй, нет смысла соревноваться с самим собой. Может быть, даже стоит себя поблагодарить, что оставил какие-то острова-зацепки, путешествуя по которым, можно отправиться в духовный мир своей молодости и понять, откуда ты родом.

В любом случае эти воды прозрачны, полны опасностей и тайн, которые уже мне сегодняшнему, может, и не постичь. Зато сегодня у меня больше опыта и терпения, чтобы увидеть, кто же я такой, каков мой духовный мир сегодня, и что ждет меня по ту сторону творческого горизонта.

Прозаик, переводчик. Имею два авторских сборника «Белая башня» (2002 г.), «Портрет» (2010 г.). Автор переводов к текстам документальных фильмов по госзаказам. Член Союза писателей Армении, Международного ПЕН-клуба, Общества русскоязычных писателей Армении и Диаспоры.

Ночь

Квартира наша имела два входа — черный и парадный. Парадный выводил на отделанную мрамором лестницу с чугунной решеткой, бегущей вниз и вверх мимо шахты лифта, затянутого в железное, но легкое кружево. Кабинка лифта двигалась почти бесшумно, но я все же ощущал, как натужно гудят стальные тросы, потом она притормаживала всегда на каком-то другом этаже, хлопала гулко стеклянной дверью, выпуская невидимого кого-то и замирала на время. Отчего-то мне казалось, что это обязательно должна быть женщина в богатом белом платье. Я даже слышал шорох его складок, и душа моя наполнялась страхом и восторгом одновременно. Здесь было светло и тихо, гулко и чисто. Иногда я сидел на прохладных ступенях и следил, как смещаются раздвоенные тени от вереницы чугунных узоров, всматривался в переплет высокого узкого окна, за легким туманом которого была видна красная жестяная крыша соседнего дома, верхушки серебристых тополей и кусок прозрачного голубого неба, с плывущими в нем белыми и мягкими облаками.

Черный же вход отворялся неприметной и пыльной дверью, из-под которой всегда что-то шмыгало и несло опростью вниз. На лестничной клетке не просыхали лужи кошачьих испражнений, и затхлый воздух был насыщен их резким запахом. Здесь было темно, и мне казалось, что ночь прячется днем именно здесь. Она, как нищая старуха, мостилась на грязных ступенях, не давала прохода, смотрела мне в душу и ждала.

Образ матери в памяти моей почти не сохранился. По нему, как по весенней воде, пошли рябь и круги, и у меня от него осталось лишь смутное воспоминание. Обстоятельство это казалось мне ужасным. Я не мог себе простить, что прошло, в общем-то, не очень много времени, а лицо матери памяти моей было уже не воскре-

силь. Ни фотографий, ни рисунков, хотя отец мой был художником и, говорят, недурным, у меня не сохранилось. Иногда я невероятным усилием пытался оживить образ ее, но у меня ничего не выходило. Каждый раз мать представлялась мне стоящей у окна, рядом с роялем, на котором она одной рукой наигрывала что-то однообразное и унылое, и яркий свет не давал мне ее хорошо рассмотреть. Очень хорошо я помню лишь тень, которая раздваивалась и тянулась от нее почти через всю комнату. В чем-то узком черном и длинном она пропадала в потоках дневного света, когда я к ней подходил. Особенно сильно я мучился, когда пытался рассмотреть ее лицо. Мне оно казалось равнодушным ко мне и сосредоточенным на белых и черных клавишах, по которым, пробивая солнечный свет и отбрасывая темные тени, двигались ее длинные и узкие пальцы. Я видел и прозрачные светлые глаза, с черными, как ночь, зрачками, и нос, и губы. Я знал, что они прекрасны, но только мне казалось, что вот-вот я схвачу то неуловимое, что все это делает родным и любящим лицом, как взгляд мой увязал в полупроницаемой паутине вуали, сквозь которую начинало веять чем-то затхлым и пылью. Потом она уходила. Часы над роялем остывали, так и не пробив двенадцать. Хлопала дверь черного входа. И мне хотелось кричать.

С каждой неделей, с каждым днем, образ матери все более истончался и тускнел, а место его в душе начинало занимать какое-то странное чувство, от которого перехватывало дыхание и наворачивались слезы. Всеобъемлющее и всеохватывающее, оно крепло, и в один прекрасный день я понял, что это обида. Колочие поцелуи отца лишь усиливали и углубляли ее. Прикосновения его пальцев, пахших то табаком, то валерьянкой, то масляной краской, были мне неприятны, ибо пальцы эти не удерживали и не запечатлевали для меня моей матери. А отец то ли хотел утешить меня, то ли искал утешения сам, но часто разговаривал со мной по долгу о пустяках, при этом странно пристально изучая

мое лицо. То, что он говорил, было как-то бессвязно и нужно только ему лишь для того, чтобы побыть со мной еще. Обрывал свою речь он внезапно, сжимал виски пальцами и начинал ходить из угла в угол, опрокидывая стулья и выбивая сапогами пыль из старых холстов. В такие минуты мне делалось страшно и становилось жаль его, а в душе моей все росла обида на этих людей, и утрата моя мне уже казалась чудовищной.

Видимо, отец стал во мне что-то замечать. Со мной он был необыкновенно ласков. Однажды вошли с ним какие-то люди и стали уничтожать все, что как-то было связано с моей матерью. Сначала они сорвали с окон тяжелые черные бархатные портьеры, затем вынесли резную гнутую мебель, которую она любила, ободрали со стен темные обои и наклеили светлые. Комнаты стали чистыми, просторными и залитыми солнечным светом. Из старой обстановки они пощадили лишь черный рояль и часы над ним. Потом я остался один. Иногда мне казалось, что я слышу мелодию унылую и однообразную, и что часы вот-вот гулко пробьют. Тогда мне хотелось кричать. Я бежал к парадному входу, выходил на лестницу и слушал, как гудят от напряжения стальные тросы, и ждал, что кабина лифта хлопнет стеклянной дверью на моем этаже.

День выдался солнечным. По лужам пробегала легкая рябь, и от нее солнечные блики на разогретых стенах дрожали, исчезали и возникали вновь. На лице моем пробивался первый пушок, который ни на бороду, ни на усы не походил, но я был страшно горд им. Мою душу захватили какие-то странные томление, ожидание и тревога. Мне вновь виделась мать, которая поднималась по парадной лестнице и еще издали мне улыбалась. За ней была захлопнутая дверца кабинки лифта, и гулкий звук этот еще витал в воздухе, смешавшись со свистом крыльев потревоженных голубей. Она была на этот раз во всем белом. Складки ее белоснежного платья ложились на холодные ступени и задевали витые

чугунные прутья. Она все поднималась, но лица ее я разобрать все равно никак не мог. Я понимал, что это уже не воспоминания. Мои грезы полностью захватили меня. Мне хотелось возвращения матери через парадный вход. Я ждал ее только оттуда.

Ветер сделался сильнее, солнечные блики погасли, и с ними погасли и мои мечты. Вечер приблизился исподволь, воздух померк, и ветер затянул какую-то унылую и однообразную песню. Ночь выходила из подвалов и подъездов, сочилась из окон и подворотен, заливала тревогой мою душу и накрывала своим черным крылом. И хотя я знал, что тщетно от нее скрываться за канделябрами и фонарями, что она все равно нагонит дрожащей тенью, я все равно ускорял шаг. Я попадал под перекрестное освещение, и ко мне со всех сторон бежали тени. Через парадный вход отчего-то я подняться не решился, заглянул только в его сильно освещенную, слепящую мрамором глубину и двинулся на задний двор к черному ходу. Дорогой я думал о том, что когда-то давно тут ходила разная челядь, пьяные развязные девицы и загулявшие студенты. В нос ударил резкий запах кошачьей мочи. Стало совсем темно. Потом я увидел квадрат темного серого неба и стал подыматься. Под ноги все время что-то попадалось. Я считал этажи и, наконец, добрался до своей лестничной клетки. По чьему-то прерывистому дыханию я понял, что здесь я не один. К моему ужасу, кто-то держал меня за полу плаща. Наконец, я зажег спичку и на фоне облупленной стены различил человека в черном изодранном платье. Это была женщина. Она стояла на коленях и протягивала ко мне руку. Ее лицо показалось мне удивительно похожим на мое. Глаза ее большие и прекрасные мерцали в мигавшем свете пламени спички и вот-вот должны были слиться с ночью. Они о чем-то молили меня, страдали и мучились. Мне стало страшно, что скоро я останусь с этой женщиной в кромешной тьме. Я кое-как отпер дверь и с силой захлопнул ее. Сердце мое билось часто, обида моя не проходила и мучила меня.

Мне казалось, что часы, когда-то давно остановившиеся, вдруг пробьют полночь. Но они молчали, молчал и я.

Заснул я не скоро и проснулся от того, что кто-то играл на рояле. Мелодия казалась довольно красивой, но унылой и однообразной. Комнаты заливал сильный свет. Я медленно вышел в коридор. Было удивительно тихо. За дверью черного входа провыла весенняя кошка. И вновь воцарилось безмолвие. Я напрягал слух, но кроме звуков рояля ничего не слышал. И тут заскрипели от страшной тяжести стальные тросы. Я слышал, как где-то рядом остановилась кабина лифта. Хлопнула ее дверца, послышалось дребезжание стекла. Я открыл дверь парадного входа и вышел на лестницу. Подъезд был ярко освещен, и по лестнице медленно поднималась женщина в белом. Платье с нее струилось блестящими складками, я слышал его шорох. Это был шорох очень дорогой ткани, смешанный с шорохами падающего снега и листьев в саду, а еще все звенели струны рояля, и с каждым шагом все громче и фальшивее. Женщина протянула ко мне руку, точно для объятия. Пальцы на руке ее шевелились, будто стараясь нащупать что-то в темноте. Они будто стучали по клавишам и вынимали из меня душу. Она была рядом, я закричал, и голос мой слился с грохотом захлопнувшейся крышки рояля.

Часы гулко отбивали полночь, разнося в ключья белый туман моего кошмара. Было темно. Я так и не нащупал спички. В тишине слышался только ход давно не смазывавшегося механизма. Обида уже не сжимала своими холодными пальцами мне горло. Я встал, добрался до двери черного хода, в темноте отодвинул засовы и, испытывая только любовь и сострадание, распахнул ее в ночь.

Тяжелый сон

И вот мне приснилось, будто я живу прямо на Площади Республики. Окна мои выходят на ее овал, по которому лениво ползут «жигули» и маршрутные такси, а от всего в стороне, прямо из голубого бассейна, бьет пенистый белый фонтан. Каждые четверть часа куранты, вмонтированные в Южную башню, извещают о продвижении времени, но сон мой от этих звуков не прерывается, все тянется и тянется. И еще мне приснилось, будто на нашей лестничной клетке три квартиры. Моя — посередине, одна — справа и еще одна — слева.

В квартире, что справа, жила моя любимая женщина. Любил я ее много лет, внешности ее не замечал и был с ней счастлив. Из окна ее квартиры была видна все та же площадь, по которой бежали тридцать первые «волги», и громче, чем в моей квартире, были слышны куранты.

Но женился я не на своей женщине, а на другой — из квартиры, что слева. Потому что та — из квартиры слева — гораздо красивее. Ноги у нее были молочно-белые, длинные, и губы у нее были ярко-красные, потому что она их красила помадой. Она сразу сказала мне, что в ней живет старик. Но я не поверил, подумал, что это бред, и когда она выйдет замуж, это пройдет. У нее в квартире был большой раздвигающийся диван, на котором мы спали. Когда я завершал свое мужское дело, то набрасывал на себя махровый халат и долго смотрел в окно. Там все так же бежали «жигули», маршрутные такси и тридцать первые «волги».

Когда я смотрел в окно, жена меня ненавидела.

Потом через лестничную клетку я возвращался к женщине, которую любил, слушал бой курантов и прижимался к ее груди. Я почти не слушал, что она мне говорила, потому что боялся, что она узнает, что я уже женился. Когда она засыпала, я тихо подходил к окну, где уже смолкал фонтан и горели огни гостиниц.

Потом я тихо одевался и тихо шел через лестничную клетку к жене. Она была дома. Она снова говорила мне, что в ней живет старик. И я вновь поражаюсь ее красоте и думал, что она со мной, потому что в ней живет старик. И еще я думал, что она говорит так, чтобы скрыть какой-то порок. Я вновь тащил ее в постель, и не верил, что у нее нет человека, которого она любит. Я вновь делал свое мужское дело, а потом оставлял ее одну и шел к окну. Там снова бил фонтан, и медленно шли по кругу маршрутные такси, разноцветные «жигули», «мерседесы» и «БМВ», и почему-то все они страшно гудели.

Потом я оставлял жену и шел через лестничную клетку к женщине, которую любил. Она смотрела на меня печально, говорила что-то, но когда она говорила, били куранты, и я ничего не слышал. Я прижимался к ее груди, утешал, она не сопротивлялась, и от этого мне было больно. Потом я подходил к окну, там какая-то рок-группа давала концерт, была толпа, жгли огни. В свете огней толпу медленно объезжали «мерседесы».

Через лестничную клетку я шел к жене. В квартире было чисто, но все было разбросано, и стены были как из картона. На шее у нее быстро билась жилка, и я не спрашивал почему, потому что боялся, что она от меня уйдет. В этот раз она больше обычного настаивала на том, что в ней живет старик. Я с ней не спорил, тащил ее на диван, а потом шел к окну, где бешено ревел фонтан, обдавая толпу белой водяной пылью, и толпа тоже редела, и все выбрасывала руки вверх, и что-то требовала. Когда я смотрел в окно, жена меня ненавидела. И я думал, что беспорядки за окном оттого, что она меня не любит. И еще я думал, что ненавидит она меня потому, что в ней живет старик. А посреди толпы все еще пытались что-то петь музыканты, и в толпе застревали тридцать первые «Волги» и нервно гудели.

Потом я снова шел через лестничную клетку к любимой женщине и был счастлив. Но пробили куранты, и она узнала, что я уже женился, и она вдруг сразу поте-

ряла ко мне интерес, оделась и ушла. Я подошел к окну, где по площади прошла моя любимая женщина и где стало пусто-пусто. Но мне все чудилась во тьме затаившаяся толпа. И только в бассейне мирно еле искрилась черная вода.

И когда через лестничную клетку я пошел к жене, сердце мое уже ныло. Я зашел в комнату. Жены не было. Мне показалось, что в комнате вообще никого нет, но потом в незастланной постели вскочил кто-то взъерошенный. Я хотел испугаться, но это был старик. Что он был такое, разум мой отказывался понимать. Он смотрел на меня испуганными, пронзительно-синими глазами и молчал. Я его хотел выгнать, но потом подумал, что он связан с моей женой, и решил оставить его, пока она не придет. Потом я подошел к окну, где был слышен странный ляг и грохот. А зрелище было захватывающее. На площадь, разгоняя толпу и сверкая ярко-зеленой броней, со стороны улицы Амиряна рядами выезжали танки. Потом один танк тяжело развернулся, выпустил струю черного дыма, подъехал, гремя гусеницами, к моим окнам, невзначай раздавив припаркованный внизу «БМВ», медленно, с ненавистью навел тяжелый ствол в мою сторону и неожиданно выстрелил...

Потом я проснулся, кажется.

Дом Погоса

Родителей своих я помню плохо. Отец мой был до поры преуспевающим банкиром. Семья наша снимала на Астафьевской двухэтажный особняк. И все было бы хорошо, если бы в один прекрасный день банк не лопнул. Имущество наше пошло с молотка, и отец, не пережив разорения, застрелился. Мать после смерти отца скончалась от сердечного удара. Наши многочисленные родственники признавать меня не собирались, и я непременно попал бы в приют, если бы меня не взяла к

себе моя троюродная тетушка — благодетельная старая дева. Кстати, тетушка была бедна как церковная мышь, за что ее никто из наших досточтимых родственников знать не хотел. И все-таки у нее было отложено что-то на черный день, и она по своей доброте решила, что если ребенок и не будет жить в прежнем довольстве, то пусть хотя бы выглядит как сын банкира. Решив так раз и навсегда, она пригласила известного портного, и вскоре у меня появился действительно прекрасный костюм, чернее полуденной тени. С этих пор свою жизнь я помню хорошо, даже слишком. Тетушкин заказ так подкосил ее финансовые возможности, что на этом, казалось, ее благодеяния кончились и другого костюма у меня больше никогда не будет.

Каждое утро, едва продрав глаза, я видел свой костюм аккуратно сложенным на стуле, выглаженным и вычищенным. Это обстоятельство поражало меня каждый раз ничуть не меньше, чем в предыдущий, ибо, прежде чем улечься, я своими руками второпях срывал его с себя и сваливал на этом самом стуле мятым и пропыленным. Я вскакивал с постели, обходил кругом стул, на котором каждую ночь сотворялось маленькое чудо, оглядывал и ощупывал материю, казалось, впитавшую в себя всю черноту ночи, и по известным мне одному приметам заключал, что это действительно тот самый костюм, который я надевал вчера. Костюм обладал и другими свойствами: стоило, например, моим конечностям немного удлиниться, как сразу же вырастали также рукава и штанины моего костюма, дыры от гвоздей имели обыкновение срастаться, пятна каким-то чудесным образом исчезали, и я был твердо уверен, что если даже облить костюм керосином и спалить, то утром я его найду на том же злополучном стуле целехоньким и даже отутюженным. Сделав ставший уже ритуальным круг, я заглядывал под стул и находил ботинки, имевшие не менее поразительную способность быть к утру начищенными черной ваксой до блеска полированных ножек стула.

Каждый раз при виде метаморфоз, происходивших с моей одеждой, я впадал в уныние. Да, конечно, в таком костюме с накрахмаленной белоснежной рубашкой я выглядел великолепно. Но жизнь в подобной одежде превращалась в сплошной торжественный марш. Стоило мне зайти в кондитерскую, как усатый господин за застекленной горой тортов и пирожных вытягивался в струнку. Мне же, после долгого и мучительного изучения ценников, оставалось лишь осведомиться, не имеется ли в магазине крем-брюле покорсикански, и, услышав отрицательный ответ, удалиться с достоинством человека, обманувшегося в своих ожиданиях. Нищие замечали меня за квартал и при моем приближении начинали причитать и голосить с такой силой, что мне ничего не оставалось, как перейти на другую сторону улицы. Время от времени какая-нибудь пожилая состоятельная дама наводила на меня лорнет и, шурясь, точно рассматривала меня в микроскоп, объявляла: «Какой чудесный малыш!» Фраза эта вызывала у меня протест, и мне хотелось выкрикнуть: «Мои родители умерли, и поэтому я живу с тетушкой! Воротничок моей рубашки сильно натер мне шею, и я очень хочу пирожное, но у меня нет ни гроша в кармане!».

Появление на улице, прогулки вдоль верениц сверкающих витрин, рейды по магазинам игрушек и кондитерских изделий превращали мою жизнь в суший ад. Вокруг расшаркивались, лебезили, угодили, заискивающе улыбались, предлагали, советовали, и все без исключения ждали от меня того, чего у меня не было и в помине. Голова от этого шла кругом, аппетиты мои росли, по лицу пробегали судороги вождения, во рту становилось то сухо, то начиналось сильнейшее слюноотделение, желудок отчаянно боролся со спазмами, и я сглатывал слюну с шумом корабельной помпы. Но, увы, к моему разочарованию и крайнему удивлению господ за прилавком, игрушки и сласти оставались на прежнем своем месте под стеклом. Когда я выходил

из магазина, меня начинали душить слезы. Я ненави-
дел свой костюм, обрекший меня па танталовы муки,
но избавиться от него не представлялось возможным.
Мысленно я то сбывал его старьевщику, а на выручен-
ные деньги покупал себе что-нибудь попроще, то обме-
нивался одеждой с любым встречным мальчишкой. Но,
увы, моим планам никогда не было суждено осуществ-
иться, потому что моя дорогая тетушка всегда держала
меня за руку. Тетушку никто никогда не замечал, даже
лакеи. Очевидно, ее принимали то ли за гувернантку,
то ли за няньку, обязанную исполнять все мои прихоти.
Тетушка же была без ума от того успеха, который я
имел у зевак и обывателей. Нагулявшись со мной вдо-
воль, счастливая, она, сюсюкая, вела меня в свою кро-
шечную квартирку на углу Манташьяна и Нарекаци.
Там, в маленькой комнатке, почти лишенной мебели, я
сидел на стуле у окна и смотрел на полный страстей и
наслаждений Эривань. В эти минуты острого одиноче-
ства я отчаянно ощущал всю глубину моей бедности и
никчемности. Костюм создавал иллюзию состоятельно-
сти, и казалось, стоит только протянуть руку — и все
станет твоим. Но каждый раз я горько разочаровывал-
ся, ибо в руке моей не было даже медяка. Так я сидел у
синеющего от наступавшей ночи окна и думал о том,
что у меня нет и не будет детства даже дворового маль-
чишки, гоняющего с товарищами мяч. Костюм лишил
меня даже этого. И тогда, задыхаясь от слез, я срывал
его с себя и сваливал бесформенной кучей на стул. Уже
в постели, уткнувшись в подушку, я вспоминал полуза-
бытое время, когда я жил с отцом и матерью. Мне чу-
дился наш огромный дом, его фронтоны, колонны и ба-
люстрады, роскошная мебель в стиле ампир, гуляющие
по дому, похожие на львов, армянские волкодавы. Себя
я представлял rispetабельно одетым господином, хо-
зяином несметных богатств. Уже в полусне я начинал
счастливо улыбаться и засыпал...

Сладостные фантазии так завладели моим вооб-
ражением, что стали для меня второй реальностью.

Каждый раз, представляя дом моей мечты, я добавлял к его фасаду и апартаментам все новые детали. Я видел въяве расположение различных предметов в стеклянных шкафах и на столах, обитых черным бархатом. На белых мраморных стенах я развешивал умопомрачительно дорогие картины в золотых рамах. Я знал, сколько картин висит в каждой комнате и коридорах. Я придумывал им сюжеты и подписывал их инициалами величайших художников. Я выбрасывал вещи, которые мне были не по вкусу и тут же силой своей фантазии сотворял им замену. У дома я разбил огромный сад. И во всей округе я не оставил ни души. Я владел, как мне казалось, настоящим сокровищем, и самым восхитительным было то, что мне не пришлось платить за него ни гроша. Я был на седьмом небе от счастья. Мне непременно нужно было перед кем-нибудь похвастаться. Но никого, кроме тетушки, рядом не оказывалось. И как-то, не в силах более сдерживаться, я начал рассказывать ей про дом, про сад, про моих собак. Я говорил долго и горячо, с несвойственным мне красноречием. Я говорил так, будто действительно всем этим владел. Когда я умолк, тетушка совершенно серьезно и без тени улыбки произнесла: «Погос, пожалуйста, рассказывай так, будто это и мой дом, будто мы вместе гуляем по саду». Эта просьба меня ошеломила, я так разволновался, что потерял дар речи на некоторое время. Я просто задыхался от гнева. И тут я закричал: «Не смейте, слышите, не смейте никогда просить меня об этом! Это моя мечта, и я не собираюсь ни с кем делиться даже ее крупницей!» После моих слов произошло нечто страшное. Тетушка закрыла лицо руками и заплакала, как маленькая девочка. Я выбежал из комнаты.

На эту тему я больше никогда не говорил с ней, но после этого случая я навсегда потерял нечто более ценное, чем мой воображаемый дом, — тетушкину любовь.

Разрушитель

Это был маленький разрушитель. Он ползал по тонкому синтетическому греческому ковру — голый, в одном памперсе, и уничтожал все, что ему попадалось. Он сталкивал грузовые и легковые автомобили, разбивая их вдребезги, подбирал никелированные осколки и крупные части от машин и снова колотил их друг об друга. Они с грохотом и треском переворачивались и, казалось, с ужасом подрагивали в ожидании новых ударов. Потом он принимался за диковинных, движущихся на батарейках, китайских зверей и тоже их разбивал. Они тщетно пытались скрыться от него под столом или под диваном, судорожно дрыгая многочисленными конечностями, он доставал их за сверкающие перемигивающиеся усы и бил о стены, пока жужжащие механические внутренности не вываливались через расколотый панцирь. Но на этом он не успокаивался, он хватал еще вращающиеся механические блоки и ударял о пол, пока, наконец, из них не выскакивали сине-белые японские батарейки. Тогда только он терял интерес... Потом он вытаскивал мягкие игрушки, того же китайского производства, и начинал методичноковыряться пальцами в швах. Расковыряв большую дырку, он добирался до белых ватных внутренностей и начинал вытаскивать пушинку за пушинкой. Через некоторое время поле побоища начинало покрываться белым как снег ватным пухом. Снег ложился на разбитый китайский танк с оторванными гусеницами и цифрой 174 на башне, на голубого слона с вывернутым бивнем, на исковерканный джип-мерседес, на развороченный мост, на огромную, навеки умолкшую гитару с рассыпанными вокруг разноцветными пластмассовыми клавишами, на желтый в черную крапину панцирь жука-паука, на зелено-золотые и сине-белые японские батарейки, на запотевшую, слегка помятую, стянутую со стола, наполовину полную бутылку «Ноя», на множест-

во обломков, которые и не поймешь сразу каким игрушкам и когда принадлежали, на тень от большого письменного стола, на изорванные, почти не исписанные листы бумаги. Пушинки витали у окна, где было желтое солнце, ереванская горячая пыль, шум улицы и большая двуглавая гора с дымящимся над ее вершиной мгlistым облаком.

Разрушитель уничтожал не только то, что плохо лежало, но и мои литературные замыслы. Я совершенно не мог писать. И не потому, что отдался целиком заботе о ребенке, не потому, что тот создавал невыносимую атмосферу грохота, треска и невыразимого воя, мешая мне во время моих творческих поисков. Вовсе нет. Вернее, не все было так просто. Видите ли, между мною и ним сложилась какая-то совершенно неизъяснимая, даже, сказал бы я, болезненная, психологическая связь. Стоило мне только взять ручку и привести себя в то особое творческое состояние духа, когда должен писаться рассказ, Разрушитель раздражался диким плачем. Происходило это, как правило, глубокой ночью, когда все уже давно спали. Метания моей невротической души напрямую задевали младенческую душу Разрушителя, заставляя его проснуться в диком вое, и уж тут делалось не до литературы. Причем и здесь все было не просто. Вот и говорите теперь о невинности занятий творчеством. Сам этот процесс может стать опасным для окружающих. Вам может показаться полной бессмыслицей то, что я сейчас скажу, но ряд совпадений меня совершенно уверил в этой мысли. Теперь уже я не мог отрицать, что существует некая творческая энергия, которая сохраняется, раз вылившись на бумагу. Тот заряд мысли и эмоций, которые вы готовы выплеснуть вместе чернилами, — он материален. Он способен преобразить окружающий мир. Тогда что произойдет, если он будет копиться, копиться и не находить естественного для себя выхода? Ясно, что его потенциал может достичь очень большой величины. И

что будет, если этот заряд уйдёт не на творчество, а передастся такому вот Разрушителю, который связан с вами каждой клеточкой души. А? Вот то-то и оно. Вы только не подумайте, будто я не люблю своего сына...

В тот злополучный день все начиналось как всегда. Я проснулся, потолкался с женой на кухне, о чем-то с ней в шутку поругался, подержал Разрушителя, когда она готовила завтрак, покурил на балконе...

Потом куда-то бежал, ехал сначала в метро, потом на трамвае, тряся в маршрутном такси. С кем-то здоровался, кому-то просто улыбался, кому надо подмигивал. Потом пил противный «бразильский» кофе. Потом выкуривал еще по одной с сотрудниками в коридоре, около грязноватой фаянсовой урны, обсуждая перипетии чемпионата мира по футболу. Потом снова усаживался за старенький пентиум, потом начинал валить народ — народ всякий... Нужно было жать руку, кого-то отфутболивать сразу в другую редакцию, кого-то спускать этажом ниже, а у кого-то и принимать рукопись, чаще отщелканную по старинке на печатной машинке. Потом перерыв, звонок жены, вызов шефа, потом нужно было снова покупать сигареты... Потом снова перекур в коридоре, смешной анекдот, последние сплетни. Но в мыслях я был далеко. За время этой дневной суеты в душе выкристаллизовывалось нечто сложное, что просилось на бумагу. Оно обретало форму и прозрачность кристалла, оно преломляло свет и человеческие отношения. Просматривая мир сквозь эти множественные призмы-границы, я наполнялся радостью — радостью предстоящего творчества. И сделать это можно было только ночью, когда все будут спать, когда угаснет свет и утихнет шум улицы, когда уснет Разрушитель. Когда никто не станет мешать, когда можно будет спокойно смотреть с балкона в пестрящее звездами небо и знать, что ты тоже вечен, вечен...

И снова давка в маршрутном такси, тряска на трамвае и поездка в метро. Покупки в продуктовом ма-

газине, звонок в дверь, жена и Разрушитель. На полу в комнате — следы дневного побоища и вконец замученные механические пластмассовые твари. С письменного стола стянут зарядник от сотового и безжалостно забит в самый дальний угол. Вечерние новости и мягкий диван. Угол его основательно разворочен — торчит кусок недокорчеванного поролона. Цунами на Яве, война в Газе, голод в Африке. Финал: Франция — Италия. Зидан бьет головой Матерацци. Дикое завывание Разрушителя под колыбельную. Телевизор приходится вырубить, иначе Разрушитель не заснет. Бог с ним, с финалом — узнаю завтра, в коридоре, у грязной фаянсовой урны...

Наконец я остаюсь один. В глубине души вращается прозрачный голубоватый кристалл. В нем уже больше граней. Каждая искрится и преломляется по-своему. События недели, мысли и чаяния, желания и надежды сливаются в странную круговерть. Что-то зреет в моей душе, что могло бы стать романом или повестью. Но для этого нужен покой, покой... Выхожу покурить на балкон. Звезды сияют ярко, смешиваясь с прозрачностью моего кристалла, выпускаю струю голубоватого дыма, на горизонте темнеет Арагац. Кажется, можно идти работать. Включаю настольную лампу, вынимаю несколько листов чистой бумаги. В ушах еще стоит звон цикад. Пишу ровным мелким почерком первую строчку. Потом вторую. Кровать сына угрожающе начинает раскачиваться. Чтобы не сбиться, я увеличиваю скорость, бешено вылетает из-под пера строка за строкой, смешиваясь с ужасным воем. Он уже стоит на кровати, деревянные перила ему по пояс. И в диком порыве тянет ко мне руки. Просыпается жена, сосед за стенкой, весь дом. Отовсюду доносится яростная ругань, грохот мебели. В доме напротив один за другим зажигаются огни. Под окном слышится визг тормозов, страшный удар и перезвон рассыпающегося стекла. Я уже не пишу, но вращающийся кристалл набирает бешеную скорость сам по себе. Раздаётся вой полицейских сирен, и

пространство между домами заполняется страшноватым мигающим сине-красным светом. Бегу к жене и ребенку, но все тонет в черной мгле. За окном горит трансформаторная подстанция. Зачем-то выскакиваю на балкон. Кажется, перезвон цикад заглушают крики людей. На горизонте видно странное зарево. В его свечении ясно выделяется контур громадной горы. Вдруг я с ужасом понимаю, что свечение исходит сам вулкан. О, Господи! Я поднимаю глаза наверх, но и там что-то неладно. В черном небе виден яркий страшный блеск сверхновой звезды. Еще немного — и мир, пожалуй, начнет разваливаться на куски. Я делаю невероятное, нечеловеческое усилие. Кристалл в моей душе разлетается на звенящие осколки, разрывая сознание. И наваливается темнота, но не такая, какая наступила во время отключения подстанции, — а крошечная, вечная...

Ночью мне снилось, что я обнимаю сына, а тот почему-то большой-большой и заслоняет от меня весь мир. Я хочу что-то разглядеть за его спиной, а он не дает и в огромной ручонке, все улыбаясь, протягивает мне что-то...

Проснулся от шипения и запаха жарящегося мяса, с неприятным ощущением без толку проведенного вечера за письменным столом. Да, писать мне не дали. Делать нечего, надо вставать. Потолкался с женой в тесной ванне. Надел чистый костюм. Закапал его соусом. Жена долго оттирала пятно. Потом снова была бесконечная тряска в транспорте. Захожу на десять минут позже шефа. А он мне вдруг: «Видел вчера, как Зидан стукнул этого итальяшку?»

Игра на троих

Это не имело отношения к любви. А может, имело. Кто его знает? Ему неловко было с кем-то об этом говорить. Но он подошел к той черте своей жизни, когда один только вид практически любой молодой женщины его доводил до иступления. Желание в его теле тлело постоянно. Кровь вскипала мгновенно от неосторожного взгляда или соприкосновения. Разум завлакивал розоватый туман. Ничего, кроме нее, не хотелось ни слышать, ни видеть. И если бы не приличия и закон, которые он для своей же безопасности обязан был соблюдать, то спаривался бы он со всеми и повсюду, как распоследний пес. К любви это, пожалуй, никакого отношения не имело.

Прошли времена, когда его волновала женщина в белом — мистически неприступная, пугающе холодная. Теперь иные страсти клокотали в его нутре. За то, чтобы соприкоснуться голыми плечами с прохожей и, если повезет, провести ладонью по ее заду, — он готов был пойти на многое. И, к его удивлению, ни одна из всех облапанных им женщин и девиц так ни разу и не возмутилась — даже не вскрикнула от неожиданности. И не мог он понять: оттого ли, что все это им самим было нужно, или потому, что все это с ними проделывал зрелый кобелище, а потому рта лучше было не открывать.

Не было это никакой любовью. Да какая, к чертям, любовь! Женщина будила в нем чисто плотское вожделение. И в большинстве случаев оно загоралось взаимно. Передавалась искорка от него к ней по какой-то ниточке, незримому нерву. И, наверное, именно потому никто до сих пор не огрел его сумочкой в метро или маршрутном такси.

Себе он уже отдавал отчет в том, что жил теперь совсем в другом мире, нежели лет пять назад. Это был мир взрослого мужчины, где всякое движение плоти и мысли исполнено сексуального значения и где на всем

делался со временем толще налет грубоватой чувственности, отдающей порой душком дешевого развратца. И он, словно бездомный кобель, трусил за приглянувшейся ему сукой без особой надежды на удовлетворение желанья, каждую минуту готовый к отпору с ее стороны. Не убыстряя шагов, он обгонял ее, невзначай терзавшись о ее соблазнительное бедро и чиркнув ладонью по открытой талии. И то, что женщина продолжала молчать и двигаться своей дорогой, проглотив волну прилившего возмущения, было для него наградой за преследование. Но встречались и такие, которым было по вкусу такое обращение. Они сами обходили его, забегали в толпе то с одной стороны, то с другой, впуская в игру, от которой замирало сердце и стыла в жилах кровь...

— 2 —

На промежуточной станции метро было тихо и спокойно. Я был единственным, кто ожидал поезда. Горячий вечерний воздух проносился над выложенной гранитом площадкой, принося с собой ночных бабочек, и богомол, и еще каких-то крохотных жуков. Мерно стучал эскалатор, не вынося на перрон ни одного пассажира. Электронное панно медленно высвечивало минуты, натертые каменные плиты отливали оранжевым и огнями дневного света, а поезд не шел. И было мне странно, что вся эта огромная электрическая машина запущена ради меня одного. За пятидесятидрамовую желтоватую монетку, в узор которой въелась чернота чужих пальцев. Я стремился в маленькую пустую квартиру с крохотным письменным столом, где не ждала меня ни единая душа. Потом от неяркого света заблестели рельсы, побежали по бетонным шпалам тени, и вместе с выдохом уставшего поезда я вошел в пустой вагон. И вновь меня удивило, что никого нет в вагоне, что все это ради меня одного. Я сел на порезанную

широкую скамью около никелированных поручней. Но нет — я был не один...

Напротив сидела женщина, красивая молодая. Белое платье оттеняло загорелые руки и икры. Черные брови взлетят. Черные длинные волосы. Алые губы. Нога закинута на ногу. Поезд тронулся, оставляя за собой позеленелый мрамор и гранит промежуточной станции. Окно позади нее окрасилось в черный цвет, с пробегающей изредка полосой сигнальных огней. И женщина напротив показалась до ужаса знакомой. Хотелось сказать ей что-то очень хорошее, выговаривая слова в такт мерному колыханию вагона. Она меня волновала. Особенно вырез на груди, обрамленный тонкой полоской незагорелой кожи. Казалось, будто я знаю ее целую вечность. Что стоит только с ней заговорить, и я узнаю, что она для меня значит — кем она была для меня в то время, куда не в силах заглянуть память. Я не мог оторвать от нее взгляда. Казалось, стоит закричать, кинуться к ее ногам, зарыться в белый подол ее платья, и откроется что-то — какая-то ужасная тайна, знание которой будет для меня настоящим благом... А потом... А потом смотреть бы долго, не насыщаясь, в ее черные глаза и мечтать о смерти... Когда мы выходили из вагона метро, я с удивлением обнаружил, что был там еще какой-то тип, увязавшийся было за нами.

— 3 —

Она сразу привлекла его внимание. Смазливая, простоволосая, с просвечивающим сквозь белое платье исподним бельем. Он прошел мимо, невзначай коснувшись внешней стороной ладони ее горячего загорелого плеча. Она никак не отреагировала. Он уселся на скамью напротив. И тут она бросила на него такой взгляд, от которого все его существо содрогнулось тяжелой волной желанья. Всем телом он ощутил, что на этот раз шанс у него есть. Ему захотелось просто подойти к ней, взять под локоть и поволочь в какой-нибудь

темный угол, где им никто не стал бы мешать. Но что-то в её облике настораживало. На пальчике у нее поблескивало колечко. И не понять — обручальное оно или простое. И было не разобрать, из какого металла оно. Из серебра ли, из золота. То ему начинало казаться, что на кольце был еще и камешек, горящий недобрым зеленым огоньком. То огонек этот ему казался с синеватым отсветом бриллианта. И обстоятельство это ему показалось почему-то настолько странным и важным, что даже neodолимая тугая волна страсти к этой женщине не смогла полностью заглушить тревожного чувства. К тому же на одной скамье с ним сидел глуповатого вида человек в дорогом костюме, который не отрывал от нее взгляда. Но она его вроде не замечала.

На миг ему захотелось отказаться от затейной игры, волна душевной слабости подкатила к горлу. Но ее призывные взгляды вновь и вновь ободряли его, пока он не решил рискнуть.

Эскалатор выплюнул всех троих в ночной город.

— 4 —

Вокруг я почти ничего не замечал. Все мое внимание было приковано к женщине из метро. На ее белое платье ложились желтые блики люминесцентных ламп ночного освещения и синие и красные — от витрин баров и магазинов. Она довольно быстро шла по оживленной и хорошо знакомой мне улице, где, несмотря на поздний час, не прекращалась торговля. Навстречу попалась довольно большая группа молодых мужчин. Про себя я отметил выражения их лиц и успех, какой она у них имела. Один из них вдруг склонился перед ней в шуточном поклоне, а потом одобрительно ей вслед присвистнул. Последовал многоголосый смех. Она даже не оглянулась. Легкий ветерок колыхал ее черные волосы. Желанное тело содрогалось под белой тканью. Я ничего кроме нее не замечал, хотя краем сознания отмечал на себе похотливые взгляды проститу-

ток в подъездах и проемах между домами, а около них своры юнцов, распутивших слюни. Чувствовал я за спиной и полупьяное дыхание того странного забулдыги из метро. Но игры я не прерывал. Завороженный, я шел за женщиной, в которой, как мне казалось, скрыта какая-то тайна. Тайна вселенной. Стоило протянуть к ней руку, и стала бы ясна природа силы, приводящей в движение весь этот сложный механизм мироздания. Наверху горели вечные звезды. Внизу, на грязном асфальте, судорожно бились человеческие страсти и тени...

А я все шел за ней, с трудом осознавая, что она уже целует меня в сухие губы, и чувствуя приближение развязки.

— 5 —

Он шел по малознакомой, плохо освещенной улочке за этой парочкой. Аромат духов порывами доносился от идущей впереди женщины. И вел он его так же, как ведет кобеля за сухой запах кровавой течки. Они уже целовались. Словно баран, он позволял ей вести себя туда, куда ей было нужно. По ее ужимкам и фальшиво-страстному долговому поцелую у одинокого фонаря с этим недотепой в дорогом костюме он понял, что она знает и помнит о его близком присутствии. Ему вспоминались женщины, которых он лапал прямо на улице, их полные тайного признания и надежды взгляды. Некоторых ему удалось соблазнить. Но эта смазливая стерва была совсем другой. Он вдруг почувствовал, как много еще в женщине для него оставалось неясным. Да, она помнила о нем. Игра была рассчитана на него. Еще больше он в этом убедился, когда она ему подмигнула в темноту в неверном свете фонаря зеленым фосфоресцирующим глазом и улыбнулась плотно и криво. Потом она, не оглядываясь, потащила, вильнув бедрами, за собой этого субъекта в хорошем

костюме. Они исчезли за углом дома. Да, все это обещало нечто большее, чем просто случку.

Он попытался взять себя побыстрее в руки.

За домом был пустырь. На фоне звездного неба мужчина неловко пытался снять с женщины платье. Он быстро достал широкий складной нож, подошел сзади, оттянул ему голову и резанул по взбухшим венам. Снова в глазах ее сверкнул странный зеленый огонек, и они, не обращая внимания на судорожные хрипы жертвы, занялись прямо на пустыре, будто собаки, любовью. Когда они отпустили друг друга, их жертва не шевелилась. Она ловко вытащила из кармана пиджака бумажник, сняла часы с руки и еще теплый золотой перстень. Часы и половину денег она отдала ему, перстень и другую половину оставила себе. Потом они отряхнулись и расстались.

— 6 —

Город за домом кончался. Дальше шел огромный пустырь. Стояла такая тишина, что слышно было, как под землей проходит поезд метро. Звезды над ним светили такие большие и яркие, что даже образовывались тени. В душе моей не было ни тревоги, ни трепета от недавней близости женщины. Мне казалось, что я на пороге какой-то значительной тайны. И что скоро я ее узнаю. Я смотрел в черноту ночи, будто в ее распахнутые глаза. Но там висели только звезды. Точно такие же — недоступные и вечные, какие отражались в широком лезвии ножа, залитого моей кровью.

Ольга Грушевская

Родилась и живу в Москве. Окончила Московский государственный педагогический университет (МГПУ) им. В. И. Ленина, ф-т английского языка; Московский гуманитарный университет (МосГУ), ф-т психологии и социологии.

Печатаюсь в российских периодических изданиях, литературных альманахах, сборниках московской прозы. Ряд произведений опубликован за рубежом (Израиль, США, Армения, Украина).

В 2008-2011 гг. возглавляла редакционную и судейскую коллегию МСП «Новый Современник».

Руководитель проекта «Московский Салон Литераторов» (Моссалит).

Основные жанры — психологическая проза, прозаическая миниатюра.

Истории о жителях Арисхора

Отрывки из повести «Ловцы рыб»

...Город Арисхор был маленьким, немногочисленным, скорее не городом, а небольшим поселением, мало чем отличающимся от множества ему подобных. Большого хозяйства — рыболовецких баркасов, обширных пастбищ или скотоводческих ферм — в нем не было и вовсе. Все жили своими мелкими дворами и хозяйствами, продавали, обменивались, делились друг с другом тем, что выращивали или мастерили руками. Многие привозили из округи, по Старой дороге, и продавали.

Чем город жил и как — можно было только догадываться, гуляя по Центральной площади, заглядывая в местные магазинчики и узнавая городские новости. Туда же, на Центральную площадь, местные жители приносили овощи-фрукты в плетеных корзинах и ящиках и сочными разноцветными пятнами раскладывали под полосатыми полотняными навесами, укрывающими от выбеленного яркого солнца. Загорелые соседки-торговки в старомодных широких платьях, украшенных бисером и бусинами, подпоясанные плетеными поясами и передниками, весело перекрикивались и делились новыми рецептами, ими же и придуманными и мало чем отличающимися от тех, что веками использовали в их роду. Мужчины расслабленно покуривали сигареты и трубки, расположившись на табуретах или в плетеных креслах здесь же вокруг площади, у магазинчиков, где в окнах висели клетки с канарейками. Попивали вино или пиво, слушали радио, изредка переговаривались, листая газеты, желтые и потрепанные. Вряд ли газеты сообщали последние мировые новости — уж больно старыми они выглядели. К тому же жителей Арисхора, похоже, мало заботили природные катаклизмы и техногенные катастрофы, а скорее всего, они даже о них и не знали — в Арисхоре этих ужасов не происходило, а

самим им вполне хватало собственных городских забот.

Старые машины внушительных размеров, поднимая клубы желтой пыли, неспешно колесили по узким улочкам, водители приветственно приподнимали шляпы в знак уважения и кивали то одному, то другому соседу, те же в ответ махали руками и обменивались арисхорскими сплетнями.

— Хорошего дня, Марта! — махала рукой Филамена.

— И тебе того же!

— Ты б зашла, Филамена, — кричала маленькая смешная торговка, Малышка Ада, в белом ажурном платке, кокетливо повязанном на голове по-пиратски. — Дед опять мой все путать начал. Может, есть для него какое-то зелье, память восстанавливающее? А то уж замучил меня старый хрен — меня, дочь свою, за жену принимает!

— Зайду-зайду, — качала головой Филамена, выбирая из горок разложенных овощей большие белые луковицы и разглядывая бутылочки с уксусом. — Ты ведь и правда на свою мать похожа — одно лицо.

— А я сегодня во сне песни пела, — подхватила другая соседка — Одинокая Фрида, дама постарше, с крупным бюстом, еле уместающимся в тугую пеструю блузку. — Как сейчас помню, — уверенно закивала она головой и в подтверждение своих слов вдруг издала несколько громких протяжных нот и тут же разразилась звонким смехом, товарки протестующе замахали на нее руками. — Что бы это значило, Филамена? Я никогда раньше не пела!

— Значит, что друг у тебя, Фрида, появится, — объяснила Филамена со знанием дела и положила в корзину стручок острого перца и пучок сочной ярко-зеленой рукколы.

— Друг? — всплеснула руками пышнотелая певунья. — Откуда ж ему здесь взяться? Наши-то мужички — все уж прибранные.

— Друг-друг, — уверенно заверила Филамена. — Вот ведь моя ж гостыя взялась откуда-то. Оттуда и друг появится.

— Никак пришлый будет? — радостно всплеснула руками Фрида. — Эх, значит и на моей улице праздник будет — есть в мире справедливость! Не все одной куковать, хоть на старости лет постель моя согреется.

— Ой, Фрида, тебе ли сетовать, — затараторили веселые соседки, вспоминая Фридины похождения, — все знают, как ты последнего дружка в своей спальне уморила!

— Так уж и уморила? Он, поди, не жаловался!

— А что ж ему жаловаться, когда его вперед ногами от тебя вынесли!

— Так когда это было? Уж три года прошло!

История первая. Одинокая Фрида

Одинокая Фрида не всегда была одинока.

А точнее, никогда одинокой и не была. Ее дом всегда был полон друзей — Фрида была гостеприимной хозяйкой, а спальня ее никогда не пустовала. Она дарила мужчинам свою любовь бескорыстно и с упоением, словно любовь была в ее жизни единственным предназначением. В каждом новом мужчине она видела что-то особенное, только ему присущее, и возносила это качество до небес, не понимая, как она раньше жила без такого особенного возлюбленного. В одном она восторгалась мужеством, в другом ценила рассудительность, в третьем — красноречие, в четвертом — немногословность, в пятом — веселый нрав. Каждый раз она настолько погружалась в свою новую любовь, что ей казалось, она начинала жизнь заново, словно не было у нее за спиной ни опыта, ни воспоминаний, ни слез.

От каждого мужчины у Фриды оставалось на память что-то забавное: засохший цветок, любовное чет-

веростишие, или просто рыболовный крючок или пробка от бутылки, а иногда даже и что-то более ценное: сережки или ленты для волос. Она складывала все свои «богатства» в большую жестяную коробку из-под шоколадных конфет «Мокко», прятала коробку в фамильный платяной шкаф в своей спальне и забывала о ней. На некоторое время. На некоторое время, но не навсегда.

Да, каждая история Фриды была особенной, о каждой можно было сочинить свою любовную песню: тоскливую балладу или веселую ламбаду. Но завершались все эти песни одинаково. Все истории были недолговечны, как недолговечной была и сама любовь Фриды.

Насладившись вдосталь неповторимым нравом очередного друга, Фрида начинала тосковать. Рано или поздно всегда наступало утро, когда, попивая за завтраком черный ароматный кофе и покуривая длинную коричневую сигарету, она вдруг чувствовала в душе унылую тоску, а сидевший напротив нее возлюбленный, которым она еще неделю назад восторгалась, начинал казаться ей глупым и обычным. И если уж такое утро наступало, то это означало, что любовной истории пришел конец — Фридина тоска была необратимой.

И тогда Фрида начинала мысленно, как карты, перебирать удивительные мужские характеры, вспоминала старые и загадывала новые.

«Как жаль, — думала в такое утро Фрида, — что все лучшие качества не присущи одному единственному человеку. Ах, если бы я встретила такого человека! Вот тогда я была бы по-настоящему счастлива и смогла бы полюбить навсегда».

Но этого не происходило, потому что не было в природе такого мужчины, которому были бы присущи все замечательные черты, задуманные Фридой, а поэтому в душе Фрида всегда оставалась одинокой.

...При подходе к дому Хлое и Филамене повстречалась соседка, Старая Марта, розовощекая, с объемными формами и веселым нравом. Шесть серебристых кос были склоты на макушке большой бельевой прищепкой, что придавало Марте, не смотря на преклонный возраст, некоторую моложавость.

— Привет, Филамена! — махнула она головой и потрепала сына по волосам. — Жаркий день будет, белье час назад развесила — так уж высохло!

Потом Марта чуть сощурила глаза и, понизив голос, спросила:

— Скажи, Филамена, к чему ящерицы снятся? Уж второй раз вижу. Не к болезни ли? А то что-то ноги плохо работают.

— Ящерицы? — Филамена порылась в памяти: не сказывала ли чего ей бабка про ящериц в роду Марты — ведь у каждой семьи свои знаки и образы. — Ящерица — «хитрый и опасный враг».

— Хитрый и опасный враг? — Марта на минуту задумчиво нахмурилась, но тут же всплеснула пухлыми руками: — Да неужто саранча и в этом году набежит?

— Нет, — Филамена улыбнулась, — думаю, здесь что-то другое. Может, гостей ждешь?

Марта озабоченно пожала плечами:

— Гости? Если только кошка приплод принесет. Котята — ведь тоже гости.

— Котята — это хорошо. Заходи, ноги твои полежим, — успокоила Филамена, — твоя склянка с настойкой давно тебя дожидается.

Старая Марта вздохнула и пошла своей дорогой, качая головой да приговаривая:

— Саранча! Так я и знала, значит, жара будет. Эх, сил бы мне, старость — не радость.

История вторая. Старая Марта

Старая Марта не всегда была старой.

— Когда-то Марта была молодой и статной и заходила к нам в дом выпить вина и выкурить длинную сигариллу, — начала свой рассказ Филамена. — С моей бабушкой они были подругами.

В Ариксоре Марта слыла красавицей, и многие молодые люди, да и не очень молодые, за ней ухлестывали. Но бабушка только головой качала и, считывая замысловатые линии на ладони Марты, торопиться ей не велела, говорила: «Жди, пока не увидишь сон, как заплетаешь косы, а те рыбьей чешуей покрываются».

Марта подружку слушалась и ждала, когда же ей такой сон приснится. И однажды это случилось. А на следующий день к окнам Марты пришел соседский парень Зак — за яблоками. Через месяц сыграли свадьбу.

Думаю, моя бабушка тогда Зака подослала специально, ведь про сон ей Марта рассказала сразу же — как с постели слезла, так к подружке и прибежала, кричит: я твой сон видела!

А Зак был парнем видным, хозяйственным, Марта ему давно приглянулась, вот и решила тогда моя бабушка: чего судьбу оттягивать?

Родила Марта мужу Заку четверых детей — по временам года. Дети так и получились: «Зимний», самый старший, был из тех, кто всегда делает вид, что его дома нет, когда ему в дверь стучат. «Осенний» был, конечно же, огненно-рыжий, на его календаре всегда золотилось Бабье лето. У любого он мог выменять нужную ему вещь и был из тех, кто лучше всех считал в доме деньги. «Летняя», девочка, была хромоногой, но так любила танцевать, что стирала до крови пятки. А младшая, «Весенняя», пела, и мир для нее был одним большим созвучием, которому она подпевала так искусно, что даже птицы слетались к ней, чтобы послушать.

Марта хозяйничала по дому с радостью и долго оставалась молодой и красивой. Роды ее не испортили, хотя она и располнела, но сильно от этого не переживала — расставляла старые платья цветными клиньями, да принималась шить новые — пошире и попросторнее.

Жили они с Заком весело: по утрам слушали музыку, доносившуюся из дома Гильберта, — обнявшись, кружили вокруг стола, а дети их сидели на высоких стульях, болтали ногами и хлопали в ладоши. Окна в доме у Марты были такими чистыми, словно стеклов в них и вовсе не было, белье пахло лавандой, а весь дом — сладкими булочками.

Казалось, Марта была всем довольна — на детей не кричала, ни на кого не обижалась, над всем посмеивалась, все у нее было праздничным. По понедельникам с детьми собирала в саду яблоки — угощала соседей, по средам приносила на Центральную площадь зелень со своего огорода, по пятницам — сидела с Заком у океана и слушала шум волн. А когда по всему Арисхору плыл чудесный запах ванильной выпечки, то это означало: пришло воскресенье, и Марта печет пирожные «с грустными грецкими орехами». Никто не видел Марту печальной, а потому никто не видел ее морщин и того, как она старилась.

Каждый новый этап в своей жизни воспринимала Марта с детским любопытством, словно захлопывала один том книги и брала с полки другой, продолжение. Читала она эти «книги» с упоением, приговаривая лишь: «Ах, вот оно как? Вот к чему дело клонится? Сколько раз детей предупреждала, а ведь не послушались! Ах, Зак, неужели тебе мало меня?»

В четвертом томе дети ее разлетелись, как бабочки из кокона. Однажды ушел «Зимний», никому не сказав ни слова и ничего не взяв с собой, ушел, словно в доме его и не было.

«Осенний», обыграв в Арисхоре всех картежников и посчитав все свои накопления, сколотил большую лодку, покрасил охрой и уплыл. А спустя год он при-

слал Марте монету, через год еще одну, а потом еще. Так Марта собрала целую коллекцию монет — из разных стран.

«Летняя» плясунья ушла к слепому мужу, который так никогда и не увидел, как прекрасно она танцует. Зато был добр и верен.

А «Весенняя» певунья однажды на рассвете приоткрыла дверь в мир, где нет ни слез, ни боли, да так там навсегда и осталась, не допев своей самой красивой песни.

Марта провожала своих детей и улыбалась им вслед в надежде хоть когда-нибудь их снова увидеть — в этой жизни или в другой. С каждой новой потерей Марта замечала в зеркале новую серебристую прядь волос и со вздохом заплетала из нее косу, крепко сжимая губы, чтобы не выдать тоски по детям.

В пятом томе ее жизни умер муж Зак — тихо и мирно, под лоскутным одеялом в белоснежном пододеяльнике. Обряжая покойного, в кармане его старого пиджака Марта обнаружила ключ от чужого дома с брелоком в форме половинки алого сердца. Ключ и полсердца Марта закопала в саду, а сама заплела на своей голове последнюю, шестую, косу, и были все шесть ее кос серебряными, словно покрытыми рыбьей чешуей.

В шестом томе, последнем и самом увесистом, Марта бродила по большому гулкому дому, пританцовывая и весело разговаривая сама с собой, став для себя единственным другом и собеседником. Иногда, скалывая на затылке косы большой деревянной прищепкой, она с любопытством заглядывала в зеркало и видела в нем круглое чужое лицо с отеками от слез глазами, покрытое сетью глубоких морщин.

«Кто это?» — каждый раз удивлялась Марта и пыталась разглядеть в лице что-то знакомое. Но ее тут же отвлекали: то дрозд пролетал мимо, то дверь хлопала, и она про страшное лицо забывала, а потому не горевала, а махала рукой и откусывала кусочек своего любимого

пирожного с орехами, радуясь тому, что живет в доме не одна, а еще с кем-то — с тем, кто в зеркале.

Случаются в жизни странные вещи. Человек может умереть, но даже не знать об этом. А может состариться так, что никто не заметит.

Так случилось и с Мартой: Старая Марта состарилась, да только никто этого не увидел.

* * *

...Женщины продолжили путь и вскоре подошли к одноэтажному дому — мрачной постройке с узкими хмурыми окнами.

— Зайдем, — сказала Филамена и уже на крыльце добавила: — Бедняга болен, ему надо помочь.

— Кто болен? — не поняла Хлоя, нехотя поднимаясь вслед за ней по ступенькам.

— Угрюмый Гильберт. — Филамена открыла незапертую дверь.

Внутри дом был так же неприветлив и сумрачен, как и снаружи, а спертый воздух был наполнен едким кислотным запахом. За столом посреди большой комнаты сидел человек и раскладывал пасьянс из потертых карт. В самом дальнем углу стояло старое пианино, покрытое толстым слоем пыли. Крышка пианино была грубо заколочена большими гвоздями, которые криво торчали в разные стороны, отчего вид у инструмента был тоскливо-зловещий, словно в его недрах было навсегда похоронено нечто запретное.

Мужчина выглядел плохо и походил на безжизненную восковую фигуру, обтянутую сухой кожей; казалось, тронь — зашуршит, как змеиный выползок. На изможденном желтом лице, под глазами, темнели черные круги, а движения его были замедленны и болезненны.

— Ба! — недружелюбно буркнул он, увидев у себя посетительниц. — Да вас теперь две!

Мужчина недовольно качнул головой на разложенный на столе карточный крест:

— Загадал желание, а пасьянс не ложится. Видно, опять не сбудется, все к чертям! — и он резко смахнул карты на пол и сердито добавил: — Ничего не помогает, Филамена, ничего! Не правильно ты меня лечишь, плохо!

— Может, Гильберт, тебе поменять желание? — покачала головой Филамена, водружая корзину на стол и, как волшебница, извлекая из нее букет свежих цветов. — Смотри сколько красок!

— Не учи меня, — проговорил мужчина размерено, и в его глубоком голосе было что-то от стоячей воды.

— Что с ним? — шепотом поинтересовалась Хлоя уже позже, помогая Филамене перевязывать гноящиеся раны на руках и ногах несчастного.

— Пес искусал, — сухо объяснила Филамена, прикладывая к ранам растертые листья лабазника и растирая в ступке луковицу с медом и уксусом.

Когда же Гильберт словно как задремал, Филамена поведала Хлое, что Гильберта и действительно пес искусал — только не чуждой какой, бродячий, а вполне знакомый, что иногда в Арисхор прибегал по Старой дороге и «столовался» у Братьев-Молчунов. Что уж там случилось, никто не знал, и Филамена могла только догадываться. Гильберт в Арисхоре слыл «утрюмым»: мрачным он был человеком, завистливым, недоверчивым. Жил и мучился, вечно было плохо ему: зимой холодно, летом жарко, в дождь — слишком мокро. Вот и жил в одиночестве — кто ж дружить будет с тем, кому сама жизнь не в радость? А потому было только самому Гильберту ведомо, почему на него добрый пес набросился.

Постучал Гильберт в дверь Филамены после полудня — весь в крови, одежда рваная, лицо злобное, словно сам убил кого. Она все сразу поняла тогда и про беднягу-пса подумала.

«Зашивала я раны соседу, — вздыхала Филамена, — а он проклятия выкрикивал на весь треклятый собачий род. Я же его успокаивала, на раны накладывала холщовые лоскуты, смоченные в отварах из гибискуса и куркумы, а губы мои шептали слова исцеления. И видела я то, что никому не дано было видеть: злоба пенилась в буро-ржавой крови Гильберта и смертельным ядом наполняла все его тело. И я ни помочь, ни сказать не могла ему об этом — на несчастном уже давно стояла роковая отметина, ждала своего времени... А собака та в тот же день сама умерла — отползла в кусты, там и сдохла, бедняга, отравилась ядовитой кровью Гильберта».

Перед уходом Филамена по-хозяйски оглядела комнату, пододвинула стулья к столу, поправила в вазе яркий букет, отодвинула тяжелые шторы, впуская в темную комнату солнечный свет, и тут остановила взгляд на странной картине: на окне расположилась пара иссиня-черных птиц с оранжево-желтыми клювами и, чудно поворачивая головы то одной стороной, то другой, пыталась заглянуть в дом.

— Смотри! Какие любопытные! — засмеялась Хлоя. — Кто это?

— Чёрные дрозды, — равнодушно бросила подруга.

Когда же женщины, прикрыв за собой дверь, вышли на улицу, Филамена заметила:

— Один день остался.

— Один день?

— Потом Гильберт умрет, — просто ответила темноволосая спутница.

— Ты уверена? — недоверчиво покосилась на нее Хлоя. — А вдруг ты ошибаешься?

— Нет, — уверено сказала Филамена, оглядываясь в сторону дома, где на окне по-прежнему сидела парочка черных любопытных птиц. — Я знаю¹.

И вновь Хлоя не стала спорить и расспрашивать, уже перестав удивляться странностям Арисхора и его жителей, лишь подумала, что в воскресный номер, в раздел путешествий, можно было бы написать неплохую статью «Город на границе Понимания».

История третья. Угрюмый Гильберт

— Угрюмый Гильберт не всегда был угрюмым, — вдруг сказала Филамена. — Когда-то он был молодым и веселым...

Да, когда-то он был молодым и веселым и играл на своем пианино прекрасные вальсы и польки, которым его научила мать — известная в округе пианистка с дипломом в темно-синей рамочке. Диплом висел над пианино, и Гильберт, раскачиваясь в такт мелодии и высоко поднимая над клавишами длинные кисти рук, всегда смотрел на него и улыбался.

Чаще всего он играл «Негритянскую рапсодию»², где предполагался вокал, а потому в какую-то минуту он начинал бормотать себе под нос, с большим упоением, подобие вокальной партии. Прекрасная музыка, которую самозабвенно исполнял Гильберт утром и вечером, наполняла весь Арисхор и была так хороша, что соседские мужчины подхватывали своих любимых женщин и кружили в гостиных вокруг обеденных сто-

¹ Два черных дрозда, сидящие рядом на подоконнике или крыльце — примета, что в доме кто-нибудь умрет.

² Имеется ввиду «Негритянская рапсодия» для фортепиано, флейты, кларнета, струнного квартета и голоса (1917), Франсиса Пуленка (1899–1963), французского композитора и пианиста.

лов, покрытых белыми скатертями, а дети сидели на высоких стульях, болтали ногами и хлопали в ладоши.

Именно под музыку, льющуюся из-под пальцев Гильберта, молодая красавица Фрида впервые впустила в свою спальню первого возлюбленного, напевая ему на ухо магические слова любви.

Именно под музыку Гильберта хромая Летняя плясунья танцевала перед своим слепым мужем.

Именно под музыку Гильберта юная Филамена открыла утром глаза и, околдованная ночными видениями, принялась ждать незнакомца-странника, которому суждено было навсегда остаться в ее доме.

Именно под музыку Гильберта еще не состарившаяся Марта в своем доме на другом конце города заметила в зеркале первый седой волос и от этого совсем не расстроилась. Наоборот, рассмеялась и начала наполнять ванильным кремом пирожные с грецкими орехами.

Но однажды наступило утро, и музыка не заиграла.

И странная тишина в Арихоре заставила жителей оглянуться в сторону дома Гильберта и насторожиться.

Еще не состарившаяся Марта, расчесывая в то утро седеющие волосы черепаховым гребнем, вдруг загрустила и заплакала над уходящим временем.

Еще не одинокая Фрида за утренней чашкой кофе с тоской закурила длинную сигарету и равнодушно посмотрела на своего друга.

Летняя плясунья, заглянув в слепые глаза своего мужа, разрыдалась и решила, что танцевать больше нет никакого смысла.

Молчуны-братья не поймали большую серебряную рыбу, а юная Филамена засомневалась в том, что ее видение о страннике когда-то сбудется.

Но все надеялись, что наступит следующее утро или следующий вечер, и музыка вновь зазвучит, и все будет по-прежнему. Но этого не случилось. Старенькое пианино не заиграло ни на следующее утро, ни на сле-

дующий вечер, ни через неделю, ни через месяц. Из дома Гильберта музыка больше никогда не зазвучала, потому что Гильберт за пианино больше не сел.

...Со стороны соснового бора раздались голоса, и донеслись звуки музыки. Женщины обернулись и увидели вдали процессию из жителей города. Впереди несли гроб, за ним следовали мужчины и женщины, одетые в обычные одежды, но у каждого было по маленькому черному платку. Платки подносились к глазам то тут, то там, словно в воздух взлетали встревоженные черные птички.

— Хоронят Гильберта, — пояснила Филамена и сделала знак Хлое, что им следует поспешить и присоединиться к процессии.

Гроб нес Яков с тремя помощниками, один из них показался Хлое знакомым. Молчуны-братья шли следом, один нес в руках свое старое радио, которое на этот раз было настроено значительно лучше — на какую-то подходящую для такого печального случая волну, а потому музыка звучала вполне сносно. Торжественные звуки духового оркестра вылетали из приемника, превращались в вязкие смолянистые капли и переплетались с ажурными ветками бурых кустарников, скользили по мозаично-красным стволам пиний.

В конце процессии, подсакивая на ходу, толкались босоногие мальчишки, среди которых был и Александр с белогривым алабаем, величественно ступающим по мягкой хвое. Дети с интересом вглядывались в лица старших, с нетерпением ожидая наступления того момента, когда откроют крышку гроба и можно будет посмотреть на мертвеца, а потом еще долго пугать им друг друга.

Вскоре вереница остановилась, люди столпились вокруг выкопанной ямы, мужчины опустили гроб на приготовленные скамейки — для прощания.

В то утро, когда в Арисхоре не зазвучала привычная фортепьянная музыка, и у жителей города возникли сомнения в том, правильно ли они живут, в жизни пианиста-самоучки ничего особенного не произошло. Так, во всяком случае, могло показаться человеку со стороны, но с Гильбертом все получилось иначе.

А все дело было в сущем пустяке и несусаице, как это часто бывает в жизни.

В то злосчастное утро Гильберт, как всегда, проснулся в своей старой кровати и, откинув плед, уже готов был сунуть ноги в сандалии, как в его дом влетела крупная птица. Птица, черная, с оранжевым клювом, влетела совершенно случайно, по какому-то своему птичьему недомыслию, и в панике начала метаться по комнате и биться крыльями в окна. Так, впрочем, поступила бы любая птица на ее месте.

Словно мокрая тряпка, птица судорожно заметалась по комнате в поисках спасительного выхода. Мережая пространство остроугольными траекториями, черное тельце ударялось о мебель и сшибало фигурки с пианино.

Гильберт испугано следил за тем, как яркими брызгами разлетаются по полу фарфоровые собачки и пастушки его матери...

Как соскальзывает со стены музыкальный диплом и навсегда исчезает в пыльной щели за инструментом...

Как превращается в паучью сеть старая штора...

Как неожиданно громко опрокидывается хрупкий стул...

— Дрозд, — только и шептал Гильберт, ничего не предпринимая. — Черный дрозд.

Он наблюдал за птицей в ужасе, как если бы та была для него страшным предвестником.

Так и случилось. В какую-то минуту птица ударилась о старый приемник, и тот полетел вниз, благополучно приземлился у ног Гильберта и ... заиграл!

Это было чудно и непонятно, но факт оставался фактом, очевидно, сместилась настройка. Приемник заиграл отчетливо и громко.

Гильберт вздрогнул.

Исполнялся хорошо знакомый фортепьянный концерт — тот самый, который он так любил и исполнял каждое утро для жителей Арисхора. Правда, концерт звучал, конечно, мощнее и значительнее, там даже была флейта, но это не имело значения. Гильберт тут же забыл про злосчастную птицу и полностью предался любимой музыке, замирая в предвкушении той или иной музыкальной фразы и по заслугам оценивая виртуозное мастерство пианиста-исполнителя. Так длилось какое-то время, но по мере звучания фортепьяно настроение Гильберта вовсе не улучшалось, а, наоборот, портилось. Черная тоска наполнила его сердце, а на место светлой радости, которую он всегда испытывал, слушая концерт, в его голову вползло нечто тяжелое и мучительное, наполнив ее мыслями-насекомыми.

А черный дрозд тем временем продолжал под виртуозное легато беспомощно метаться по разбитой комнате. И, глядя на него, Гильберт внезапно понял, что он и есть эта самая птица: по природе — совершенная и прекрасная, но беспомощная и бесполезная в своих попытках вылететь из музыкальной шкатулки. Он даже по-стариковски сгорбился, как под тяжелым бременем, и сжал кулаки, до крови вонзая ногти в ладони.

С восхитительными финальными аккордами сердце Гильберта не выдержало. Звуки замерли, и в возникшей тишине переполненный мучительной болью Гильберт неожиданно разразился отчаянными рыданиями — такими сильными, что черный дрозд застыл в воздухе, а застыв, тут же увидел открытое окно и... вылетел.

Гильберт сидел на старой продавленной кровати и плакал, по-детски скривив рот и широко открыв глаза, из которых лились потоки горько-соленых слез. Нет,

конечно, он и раньше слышал разные исполнения по радио, но, очевидно, никогда не задумывался так, как это случилось в то утро. А все — из-за дурацкой птицы!

Он плакал о том, что ему никогда не удастся сыграть свой любимый фортепьянный концерт Пуленка так, как сыграл его известный пианист.

И никогда не будут ему рукоплескать в просторном зале с высоким потолком восторженные слушатели после взятого им последнего сокрушительного аккорда.

И никогда не скажут жители Аристора: «Гильберт, сегодня ты исполнял концерт замечательно, особенно во второй части, когда должен вступать вокал!». Нет, они никогда не скажут ему так, потому что им, по сути, все равно, что он играет, а тем более, как он играет первую или вторую часть. Им было важно, чтобы он просто играл, чтобы город наполнялся не-важно-какой музыкой, и жизнь продолжалась бы под звуки его никуда не годной игры на расстроенном пианино.

Он плакал о том, что все для него вдруг стало тщетным и бессмысленным, как и все его прошлое, в котором никогда не было отца, который бы мог потрепать его по голове и сказать: «Ты сегодня, сынок, молодец!».

Он оплакивал свою жизнь, которая в одно мгновение стала бесцветной, как и жизнь его одинокой матери, умершей тихо и безвестно с зажатым в кулаке непонятным металлическим брелоком в форме половинки алого сердца. Гильберт плакал, и с каждой слезой утекали из него радость жизни и легкий нрав, на их место вставало угрюмое недовольство, полное обид и разочарований.

Наконец слезы закончились, и он встал. Прошел в чулан, взял молоток и первые попавшиеся гвозди, затем вернулся в комнату, приставил гвоздь и размахнулся.

Он безжалостно заколачивал крышку старенького пианино, чтобы навсегда похоронить под ней старый

беспольный мир, полный иллюзий и тщетных мечтаний. С каждым ударом длинные гвозди все глубже погружались в тело его верного друга, и тот, прощаясь, исторгал из своих глубин мучительно-жалобный стон.

С того утра все изменилось в Гильберте. Он перестал улыбаться, шутить и больше не приглашал гостей. Его стало все раздражать, а во всех словах он увидел двойкий смысл. Привычный кофе ему казался жидким, а сигарета — горькой. Солнце для него светило мутным светом, дождевая вода в уличной бочке была ржавой, а многоголосое пение птиц и привычный шум океана превратились в беспорядочную какофонию отвратительных звуков.

Гильберт смотрел на мир вокруг и хмуро качал головой, плотно задергивая на окнах заштопанные шторы: «И как я раньше этого не видел!»

Так Гильберт стал Угрюмым, а кровь его стала пениться и постепенно менять состав, наполняясь ядом.

В толпе Хлоя видела знакомые лица и с интересом наблюдала за людьми. Все вели себя по-разному: некоторые просто переговаривались, как если бы давно не виделись и кладбище было единственным местом для обмена новостями — так часто бывает.

Среди присутствующих Хлоя вновь увидела мужчину, который показался ей знакомым. На этот раз она его вспомнила.

«Да это ж бармен из ночного бара, который угощал меня Пина колада», — пронеслось у нее в голове, но она почему-то не удивилась. «Бармен» стоял среди грустных жителей города и, как и все, смотрел на бесцветное лицо усопшего.

Кто-то печально вздыхал, вспоминая те дни, когда он был молод и весел, и тосковал по ушедшей юности. Кто-то тихо ронял слезу о своих несбывшихся надеждах.

«Ах, Гильберт, — думала Одинокая Фрида. — Зря ты меня в то утро послушался и покорно ушел. Если бы

ты только мне возразил, настоял и остался...»

«Ах, Гильберт, — думала Старая Марта, сердце которой было разбито так давно, что она уже и не помнила боли, а израненная душа стала источником силы и сострадания. — Зря ты меня прогнал, когда однажды я постучала в твою дверь. Только слепой не заметил бы, как ты похож был на Зака. Я бы стала тебе вместо матери».

«Ах, Гильберт, — думала Филамена. — Жаль, что я не смогла помочь тебе. Но ты ничего не хотел менять».

«Эх, Гильберт, — думал Яков. — Зря ты отказался работать у меня в мастерской, ты бы мог стать неплохим мастером».

«Ах, Гильберт, — думала Малышка Ада в повязанном вокруг головы белом ажурном платке. — Зря я тебе строила глазки. Ты хоть и был стар для меня, но всегда мне нравился».

«Эх, Гильберт, — думал бармен из пляжного бара, с грустью поглядывая на сухой крекер в своей руке, — зря я в тот день отпустил своего доброго пса. По твоей вине мой верный друг теперь ждет меня на Мосту Радуги»¹.

А вот что думали Молчуны-братья, не знал никто, даже они сами, но большую серебряную рыбу, вильнущую хвостом и уплывающую в глубь океана, они все-таки в тот момент разглядели.

Гроб стали на веревках опускать в яму, потом засыпали землей, и образовался холм, который женщины украсили цветами.

Кто-то вздохнул.

Кто-то спел песню.

Старая Марта положила на могилу пирожное с

¹ *Радужный мост (Мост радуги) — мифическое место, соединяющее Небеса и Землю. Его называют Мостом Радуги из-за множественности его цветов. Считается, что, когда домашние питомцы умирают, они проходят через Мост радуги, там же они ждут потом и своих умерших хозяев.*

грецкими орехами.

Одинокая Фрида поставила чашку крепкого кофе.

Летняя плясунья, уже совсем немолодая, сильно прихрамывая на одну ногу, станцевала свой старый танец.

Яков сказал: «Покойся с миром», и голос его прозвучал, как голос священника, говорящего по-латыни.

А маленький седой человечек с бледными руками, сложенными на груди, и похожий на провинциального доктора, лишь покачал головой и пробормотал: «Травма, врожденная травма».

Хлоя же ни о чем не думала, а лишь наблюдала. Ей вообще не было жаль усопшего, а потому она отошла и стала оглядываться по сторонам, с интересом осматривая старое кладбище.

Ничего особенного она не заметила: неброские надгробные камни, скупые имена и даты, сухо констатирующие целые человеческие жизни, скромные букетики цветов. Хлоя прошла мимо могилы Весенней певуни и могилы Зака, затем походила между других надгробий, удивляясь однотипности и сдержанности постаментов, без лишних украшательств.

Внезапно она замерла. На сером небольшом надгробном камне она отчетливо прочитала «ХЛОЯ».

«Как такое может быть? — усмехнулась она, но тут же, не веря своим глазам, пробормотала: — Это же могила моей бабушки... ведь в ее честь меня назвали, да и даты...» Она подошла ближе и провела рукой по холодной припыленной поверхности камня, словно хотела стереть надпись, которой не могло здесь быть. Так и получилось: пыль, причудливо покрывшая гранитное надгробие и создавшая иллюзию букв, осыпалась как прах, оставляя под пальцами Хлои лишь темно-серую блестящую дорожку, вдоль которой было выбито другое имя.

«ФИЛАМЕНА», — прочитала Хлоя, медленно повторая пальцами орнамент выбитых на камне букв.

— Это моя бабка, — раздался рядом знакомый голос, и Хлоя обернулась. — Я ношу ее имя.

— Да? — задумалась на минуту Хлоя. — Надо же, какое совпадение! Но здесь нет даты смерти.

— Дата смерти — это условность, — улыбнулась Филадельфия. — Как и сама смерть.

— Сначала мне показалось, что я видела другое имя... — пробормотала Хлоя, глядя на могильный камень. — Скажи, Филадельфия, может быть, мне все это снится?

Филадельфия ничего не ответила.

Приподняла подол своей юбки и стала удаляться в сторону дома.

Ольга Моисеева

И по образованию, и по складу ума — я технарь, поэтому неудивительно, что в прозе меня больше всего привлекает любимый с детства жанр научной фантастики, которому остаюсь верна вот уже долгие годы. Заглядывать в будущее, погружаться в тайны Вселенной и представлять себе то, чего никто никогда не видел, доставляет ни с чем не сравнимое удовольствие, равно как и выдумывать сюжеты с загадками и неожиданными поворотами.

Сюжеты — это мой способ исследования внутреннего мира и поиска точек соприкосновения с внутренними мирами других. Бывает, такой поиск даётся легко, но порой найти пересечение настолько трудно, что чувствуешь себя инопланетянкой. И тогда снова спасает сочинительство, помогая разуму высказываться, а душе — верить, что жизнь не напрасна.

Родилась и живу в Москве, окончила английскую спецшколу, потом Московский авиационный институт. В поиске себя сменила несколько профессий и перепробовала разные виды творчества, но самым любимым занятием всегда было и остаётся именно писательство.

Печаталась во многих журналах фантастики и изданиях Моссалита, автор сборника фантастических рассказов «Время синтеза» (2013).

Охота за иллюзиями

— А зачем было всё-то перекапывать? Ты теперь не сможешь ходить между грядками! — С минуту Игорь стоял, ожидая ответа. Но его так и не последовало. — Ну, что ты молчишь, как пень? Скажи хоть что-нибудь.

— Здравствуй.

— Привет! — про себя добавив «бестолочь», ото-звался Игорь и, безнадежно махнув рукой, направился к дому. По дороге он обернулся: — Ладно, не стой столбом, утрамбовывай проходы между грядками! После обеда будем сеять.

В доме уже был накрыт стол. В центре стояла большая миска с бурой жижей отвратного вида.

— Что это? — поморщился Игорь.

— Еда.

— Неужели? — он пододвинул миску к себе. — И из чего же она?

— Как ты заказывал: хлеб, овощи, мясо, чистая вода.

— Ты всё истолкла и смешала в одну кучу, — с тоской констатировал Игорь, взял ложку и, тяжело вздохнув, зачерпнул варево. — Зачем?

— Ты сказал: прежде чем делать, надо всегда подумать, как сделать это лучше. Я подумала! И сделала еду равномерной, чтобы она лучше усваивалась.

— Но разве ты не видишь, что это выглядит омерзительно? — Он с досадой бросил ложку в миску.

— Омерзительно значит питательно?

* * *

— После того, как небо, солнце, земля и всё остальное было сделано, Он создал нас — по своему образу и подобию.

— Вот я и хотел у тебя ещё раз уточнить, как это — по образу и подобию?

— Ну, так — посмотрел, как сам выглядит, и сделал нас похожими на себя.

— Всех?

— Да.

— А чего же мы тогда такие разные? Вот близнецы Гуры или Пел — они же совсем другие, чем мы с тобой! Если мы похожи на Господа, а Гуры и Пел совсем не похожи на нас, значит, и на Господа они тоже не похожи!

— М-м-м... — Элан укоризненно покачал головой. — Это Бик, да? Он снова плёл тебе всякую чушь? Зачем ты его слушаешь? Я не раз предупреждал, что когда-нибудь он договорится до настоящей беды!

Тан промолчал. Его так и распирало продолжить логическое построение, предложенное Биком, но не хотелось злить учителя.

— Ну, точно, Бик, — утвердился в своём мнении Элан, — и я догадываюсь, что он сказал тебе дальше: что раз только мы созданы по образу и подобию Господа, то именно мы здесь и главные. Так? — Он зловеще усмехнулся, сверля Тана взглядом.

— Избранные, — тихо ответил Тан, глядя в сторону.

— Ага, ясно! — победно изрёк Элан. — Мы — избранные, а близнецы, Пел и им подобные созданы лишь для того, чтобы слушать наши приказы и беспрекословно подчиняться, да? А тебе не кажется, что Бик просто балбес и лодырь, хочет не работать, а только команды другим раздавать, и чтобы это оправдать, придумывает разные идиотские теории!

Тан потупился. Резкий тон и выводы Элана в миг сделали пространные объяснения Бика намного менее привлекательными, чем казалось ещё минуту назад.

— Я думал, ты умнее! — продолжал наседать учитель. — Думал, ты понимаешь, что из-за таких, как Бик, извращающих заветы святого Мартория, Небесные Отцы могут всех нас превратить в камни! — закончил он громовым голосом.

Тану стало обидно. С чего это учитель считает его недоумком? Он ведь ничего плохого не делает, просто хочет разобраться! И Тан выпалил, глядя Элану прямо в глаза:

— А Бик говорит: не будет никакого Небесного Пришествия! Господь бросил нас тут, потому что мы Ему надоели тем, что у нас никогда ничего не меняется. Чего Ему смотреть, как мы без конца делаем одно и то же, ничему не учимся и не развиваемся. Скучища! Не пошлёт Он к нам Отцов. Никто к нам не сойдёт!

— Святой Марторий! — Элан в ярости затряс головой, и в шее у него звонко хрустнуло. Тан испугался, что у учителя там что-нибудь сместится и он больше не сможет поворачивать голову. — То, что все равны, и каждый выполняет свою работу, он называет скучищей! Да если бы не эта скучища, вместо нас давно бы уже были неподвижные камни, а на месте Поселения вырос дикий лес! Неужели ты сам этого не понимаешь?

— Мне пора, Элан, — сказал Тан и развернулся, чтобы уйти. Он чувствовал, что запутался, и решил поразмыслить над всем этим позже, в более спокойной обстановке.

— Вот и иди! Иди и подумай как следует, тогда увидишь, кто прав! — словно прочитав его мысли, напутствовал учитель.

* * *

— Ещё один сигнал? — нахмурился председатель комиссии. — Что это значит? Неисправность прибора?

— Прибор исправен, — возразил начальник лаборатории гиперсвязи, бросаясь к панели управления. — Связь с ответным устройством на Марсе установлена, в чём уважаемая комиссия только что убедилась, — быстро бормотал он, колдуя над приборами. Высокий и тощий, как палка, главный связист напоминал гигантского богомола, с невероятной скоростью нажимающего на кнопки длинными передними конечностями. — Что

же касается второго сигнала, то он послан другим ГС-передатчиком, который находится вне Солнечной системы.

— Как это другим?! А что же вы тут тогда так долго изобретали, тратя государственные деньги, если на испытании первого в мире устройства гиперсвязи обнаруживается, что аналогичный прибор уже существует? — грозно спросил председатель, придвигаясь вплотную к начлабу. — И что значит «вне Солнечной системы», а где же тогда, чёрт возьми? — Его плотная коренастая фигура угрожающе застыла прямо за спиной главного связиста.

— Вот координаты. — Тот проворно отпрыгнул в сторону, чтобы не загоразживать дисплей.

— Мне некогда вникать в цифры и значки, назовите место!

— У этой планеты пока нет официального названия, только номер, — затараторил начлаб, тыкая тонким сухим пальцем в дисплей. — Её существование до настоящего момента рассматривалось как условное, построенное на расчётах, то есть я хочу сказать, было с большой вероятностью предсказано, что там есть планета, причём по своим характеристикам близкая Земле.

— Минуточку! Так это что же, та самая Надежда человечества? — Председатель обернулся к остальным членам комиссии. Те забубнили каждый своё, создавая общий бестолковый гул, и председатель вновь повернулся к связисту.

— Да, похоже, это именно она, — подтвердил тот.

— Ну так бы сразу и сказали! А то морочите голову номерами! Выходит, туда уже доставили прибор?! Почему же тогда мне никто не сообщил об этом? Что за игры вы тут ведёте? — Председатель достал из кармана платок и вытер мгновенно вспотевшую лысину.

— Я никаких, как вы изволили выразиться, игр не веду, — возмутился начлаб, — и могу сказать со всей ответственностью, что вы присутствуете на первом в мире испытании гиперсвязи! Ни о какой отправке к Надежде

прибора ГС мне ничего не известно, и я не понимаю, откуда вообще он мог взяться! На сегодняшний день наша группа успела собрать и полностью отладить всего два устройства: одно — здесь, в лаборатории, а второе — на Марсе. Насколько я знаю, исследователи должны полететь к Зет-один-четыре... простите, к Надежде, только через полгода, состав отряда ещё даже не утверждён! Кто же, по-вашему, доставил прибор и включил его? И на чём этот кто-то полетел туда? Гиперпространственников пока только три, и все они в Солнечной системе. Или Центр втихаря сделал ещё один «Союз-ГП»? Что ж, в таком случае, это не я, а вы ведёте странные игры!

— Не забывайте! Я — председатель правительственной комиссии, а не ваш ассистент!

— Подождите... — неожиданно пробасил, выступая вперёд, полный и рослый человек — один из членов комиссии. — А почему вы считаете, что устройство ГС на Надежде — наше?

— Вы имеете в виду принадлежность Российской директории? — нахмурился председатель.

— Да нет... — неторопливо прогудел член комиссии, — я говорю о человечестве в целом.

— Что? — брови председателя поползли вверх. — Вы полагаете, это... зелёные человечки?

— Нет, не думаю! — замотал головой начлаб. — УГС наше. Оно передаёт свои координаты и идентификационные данные. Фактически это стандартное устройство связи, какие входят в оборудование всех кораблей Российской директории. От других оно отличается только тем, что может осуществлять гиперсвязь. Именно такими УГС в ближайшее время планируется оснастить все ГП-корабли. Прибор на Надежде, как я уже говорил, работает в автоматическом режиме: посылает свои данные, после чего переключается на приём в ожидании ответа. Если мы подтвердим получение сигнала, то наверняка получим ещё какое-то сообщение, или даже...

— Что?

— Или даже с нами на связь выйдет оператор.

* * *

«И чего я попёрся к учителю, ведь и так было ясно, что он ответит! Для Элана нет ничего более святого и неприкосновенного, чем Заветы, — думал Тан, шагая по цеху к заевшей машине. — Слышал бы он, что Бик говорит про Мартория, — воспоминания о словах Бика вызывали стыд. — И как только он может плести такое? Если Марторий не Отец Небесный, то как же он мог оживить Поселение? И дать нашему Поселению Сердце! Кто бы мы были без силы Сердца? Камни во тьме...»

Мысли продолжали течь, ничуть не мешая работе, и вскоре стараниями Тана машина уже снова исправно вскрывала консервные банки с истёкшим сроком годности, вытряхивая их содержимое в контейнер. Подкатил Пел и остановился в ожидании, когда отставший от графика контейнер наполнится. Помимо воли в голову Тана продолжали лезть разглагольствования Бика. Конечно, по большей части он городил чистую ахинею, и всё же в его рассуждениях попадались вещи, заставлявшие задуматься. Тана так и подмывало поделиться этим хоть с кем-нибудь, и он спросил:

— Слушай, Пел, а тебе не надоело каждый день возить эти контейнеры?

— Нет, с чего вдруг? Это моя работа, и я могу делать её лучше других. Почему мне должно надоест? Что за чудной вопрос?

— Нет, я не имел в виду твою личную, природную, так скажем, склонность к этой работе, а говорю вообще, в принципе.

— Не понимаю!

— Ну-у-у, вот мы выращиваем плоды, потом делаем из них консервы, а когда срок годности выходит, отправляем продукты в переработку на удобрения и на них снова выращиваем плоды. И так без конца. Вот я и

спрашиваю: тебе никогда не хотелось взять да и перестать этим заниматься?

— Мне? Перестать? А что же я тогда буду делать? — удивился Пел, нетерпеливо елозя на месте.

— Да не важно, я ж объясняю: в принципе! Что в нашем мире изменится?

— То есть, как это — не важно? Если я ничего не буду делать, то просто превращусь в камень — вот что изменится! И с чего только тебе подобные глупости в голову приходят — взять и перестать?! Разве можно изменить волю Господа? Он же создал и нас, и этот мир, а значит, мы должны делать, что велено! Лично я не хочу встретить Небесное Пришествие неподвижной, тупой глыбой... а вообще, сходил бы ты к Элану, он лучше меня объяснит, что к чему.

— Да был я у него уже, — буркнул Тан.

— Ну, так сходи ещё раз! — Контейнер наконец наполнился, и Пел быстро погрузил его на тележку. — Слушай, мне надо работать, а твоя болтовня тормозит весь процесс.

— Так это машину заело, при чём тут моя болтовня! — возмутился Тан, но Пел уже катил к выходу из цеха.

Вечером Тан отправился на кулинарную выставку Ланы. Творчество Ланы привлекало многих, и здесь, в Большом доме, собралась порядочная толпа.

Лана по обыкновению пыталась уделить внимание каждому пришедшему, и Тан терпеливо ждал, когда она, выслушав мнения, комплименты и критику от двух признанных знатоков искусства кулинарии, порхнёт к тем, кто попроще. Оглядывая зал, Тан вдруг с изумлением заметил Пела и собрался было его окликнуть, но передумал. Пел так целенаправленно и сосредоточенно пробирался к экспозиции, стараясь никого не задеть своей громоздкой тележкой, что не хотелось его отвлекать. «Надо же, — удивился Тан, — оказывается, даже такие, как Пел, способны найти в высоком ис-

кусстве что-то для себя притягательное». И тут же отругал себя, что такой мыслью невольно принизил простого работягу. «Какая гнусность, никогда больше не стану слушать Бика! Здесь все равны, и каждый имеет право наслаждаться творчеством Ланы!»

— Танчик! — ловко вынырнув из толпы, она возникла прямо перед ним. — Привет! Рада, что заглянул! Хочешь попробовать? — Лана улыбнулась и протянула поднос, уставленный малюсенькими тарелочками.

— Смеёшься? — Тан взял с одной из тарелочек крохотный кусочек. — Это, наверное, малиновый торт «Заря над лесом»?

— Точно, он! — кивнула Лана. — И вовсе я не смеюсь.

— Нет, смеёшься! — Повертев кусочек в руках, Тан положил его обратно. — Знаешь же прекрасно: сколько бы я ни мусолил все эти крошки, понять, в чём между ними внутренняя разница, не смогу. Оставь лучше экспертам.

— Да хватит им уже! — отмахнулась Лана. — Это я тебе принесла! — Она склонила голову на бок и посмотрела Тану в глаза. Лицо её стало серьёзным. — А ты всё прибедняешься! Хотя на самом деле прекрасно в этом, — она указала на поднос, — разбираешься!

— Ну, не то чтобы... хотя, конечно, я понимаю, что такое красота... Но так это ж каждый понимает! Вон сколько народу набилось поглазеть на твои изыски! Почти все жители.

— Ладно, — Лана снова заулыбалась, — а скажи, вот тебе лично какие из новых блюд больше всего понравились?

— «Заря над лесом» и «Морская прогулка». Мне кажется, это не просто хорошая кулинария, а настоящие произведения искусства.

— Вот видишь, Танчик, что и требовалось доказать!

— В смысле?

— В смысле, что эксперты именно этим блюдам поставили наивысший балл за внутреннюю гармоничность! А ещё говоришь, что плохо разбираешься! Ты же не наобум сказал эти названия?

— Нет, конечно не наобум, просто тут, знаешь, такая штука... Эта самая внутренняя гармония... она хоть и недоступна мне напрямую, но, кажется, как-то умеет просачиваться наружу... не знаю, трудно объяснить... ну, короче, её сразу видно. Посмотришь, и в голове вдруг ка-а-ак щёлкнет: вот он, шедевр!

— Лана! — бесцеремонно завопил вдруг выскочивший незнамо откуда Энке. — Я пишу статью о выставке, и мне надо задать тебе несколько вопросов! Ты не против?

— Вообще-то мы тут разговариваем, если ты, Энке, не заметил! — резко произнёс Тан.

— Да пойми, дружок, мне надо срочно! — ничуть не смутился тот, фамильярно хлопнув Тана по плечу. — Статья должна быть в завтрашнем номере Газеты! Потом договорите, лады?

— А не пошёл бы ты... — Тан угрожающе выступил вперёд.

— Спокойно, не ссорьтесь! — Лана встала между ними. — Энке, подожди, пожалуйста, чуть-чуть в сторонке, я сейчас подойду. И поддержи пока это, хорошо? — Она протянула ему поднос.

— О, а это — «Морская прогулка»? — показал на одну из тарелочек репортёр, принимая поднос. — Похоже на кусочек пены.

«Это «Летние облака», тупица!» — чуть было не вырвалось у Тана, но быстрый, как молния, взгляд Ланы заставил его промолчать.

— Нет, это «Летние облака», но пену действительно немного напоминает, — Лана тихонько подтолкнула Энке к свободному углу зала. — Вот здесь постой всего одну минуточку, я скоро вернусь.

Он покорно кивнул, похоже, совершенно очарованный её улыбкой и мягким голосом.

Неожиданно для себя Тан подумал, что, может, Бик не так уж и неправ? Было бы неплохо иметь право повелевать другими. И приказать Энке никогда больше не подходить к Лане...

— Ты уж извини, но я обязательно должна с ним побеседовать. Это его работа, да и мне интервью не помешает... Слушай, давай встретимся позже, ну, когда здесь всё закончится. А то мне ещё кое с кем надо пообщаться. Давай?

— Ладно, буду ждать тебя у выхода.

— Тогда, до встречи, Танчик! — И она упорхнула. Быстро, как птица: раз — и нет!

«И зачем ей нужен этот дурак Энке! — ворчал про себя Тан. — Подумаешь, статью какую-то накарябает. Как будто кто-то и так не знает про Лану и её выставки! Я-то вот намного полезней — любой механизм у неё на кухне за минуту починю, если вдруг сломается... А что умеет этот репортёршишка? А впрочем, Бог с ним, ладно. Наверное, даже хорошо, что так получилось, после выставки будет больше времени поговорить, и никто нам не помешает». Настроение у Тана поднялось, и он решил ещё раз внимательно изучить все новые блюда.

«Танчик», — думал он, бодро протискиваясь к экспозиции. Кроме Ланы, никто и никогда не называл его так. И откуда только она это взяла? Тан представил себе, как его все вокруг называют Танчиком, и скривился. Фу-у! Нет, тут всё дело исключительно в Лане. Только от неё это может звучать приятно.

* * *

— Аномальное поведение чего? Там же ничего нет!

— Это не совсем так, господин президент. Материальных объектов — да, действительно нет, но есть нечто другое. Научные определения этих явлений...

— Не надо научных определений, — перебил говорящего советник президента по науке, — с ними мы

просидим до утра. Пожалуйста, давайте короче, только самую суть.

— Хорошо, попробую. Итак... — Академик собрался с мыслями. — Суть в том, что все материальные объекты физического пространства-времени обязательно имеют свои... ну что ли... отражения в подпространстве, да. Это похоже на силовые линии с узлами напряжённостей... Такая, с позволения сказать, сетка-карта всего, что есть в трёхмерном космосе, причём с учётом течения времени. Именно по этой сетке мы и ориентируемся в подпространстве. — Он вопросительно взглянул на советника.

— Продолжайте, — ответил за него президент.

— За всё время полётов с использованием гиперпрыжков мы только один раз столкнулись с тем, что корабль вышел в физический космос не в точке ожидания. Смещения во времени не было, а в трёхмерном пространстве оно оказалось совсем небольшим, но тем не менее такое имело место. К сожалению, точно определить, что его вызвало, тогда не удалось, и в конце концов за причину приняли неточную работу аппаратуры. Хотя теоретически, и с гораздо большей вероятностью, это мог быть сдвиг «силовой линии». И это особое мнение вашего покорного слуги отражено в заключении по этому делу.

— Почему же не приняли меры? — обратился президент к советнику.

— Явление больше не повторялось, и никаких реальных подтверждений вашему, — советник бросил недобрый взгляд на академика, — особому мнению не было. Видимо, явление относится к очень редким природным аномалиям. И пока просто не было возможности изу...

— Что ж, теперь такая возможность у вас появилась, — перебил его президент.

— Совершенно верно, господин президент, — тут же встрял академик. — В сообщении, переданном с Надежды, содержится полный пакет записей бортового

компьютера! Они сейчас изучаются. Судя по всему, если «линия» уходит в сторону, то возникает смещение в пространстве, а если сжимается или растягивается — во времени. Вот в такую, большей частью именно временно^ю, аномалию как раз и попал направлявшийся к Надежде корабль.

— То есть вы считаете, что всё это проделки не людей, а подпространства. Силовая линия сжалась и закинула корабль не в то время, так?

— Да, господин президент. Только не сжалась, а растянулась. Поэтому корабль оказался в прошлом, когда на Надежде ещё нет никакого поселения, а гиперпрыжки и гиперсвязь люди пока не изобрели. Кроме того, аномалия сместила корабль и в пространстве тоже. Он вышел слишком близко к Надежде, в её атмосфере. Аварийная посадка была очень жёсткой. Корабль почти рухнул на планету! Он получил такие повреждения, что уже не смог покинуть Надежду.

— Хорошо. Допустим, всё так, как вы говорите. Тогда у меня вопрос: что помешает той же силовой линии искривиться снова? Я сейчас говорю о транспорте, который мы планируем в ближайшее время отправить на Надежду. Сможем ли мы защитить его от аномалии?

— Весь наш опыт гиперпрыжков показывает, что такие аномалии крайне редки...

— И тем не менее! — перебил академика президент.

— Мы уже начали разработку методов защиты.

— Форсируйте процесс, используя все доступные средства. Транспорт на Надежду должен быть отправлен как запланировано.

— Да, господин президент.

* * *

— Здесь так уютно, — сказала Лана, — давай посидим немного, посмотрим на воду?

— Давай.

Тан опустился на пружинящую подушку корней в центре небольшой полянки, окружённой Воздушными деревьями. За спиной и по бокам ветви переплетались в замысловатые узоры, а их длинные тонкие концы с узкими полосками листьев смыкались над головой лёгкой невесомой кисеёй. Впереди ярко блестело озеро, отражая низкие лучи заходящего Солнца. Лана задержалась у воды, высматривая что-то в прибрежной траве. Тан залюбовался её ладной фигуркой, точными плавными движениями.

— О! — Лана сорвала цветок и ловко пристроила его у себя на груди. Потом не спеша подошла к Тану и встала напротив — он не сводил с Ланы глаз, заморожено наблюдая за её походкой. — Ну, как? Красиво? — Она склонила голову, разглядывая большой белый цветок с тонкими малиновыми усиками между лепестками.

— Очень! — ответил Тан и подумал, что если Бог создал всех жителей Поселения по своему подобию, то Лана, несомненно, самый прекрасный из его образов.

— Мне тоже нравится, — Лана нежно погладила цветок и присела рядом с Таном.

Некоторое время они молча смотрели, как полыхающий шар Солнца опускается всё ниже к золотой поверхности воды. Когда он коснулся озера, Лана сказала:

— Кажется, что Солнце не заходит за горизонт, а растворяется в воде. Восхитительно! Я всегда охочусь за такими иллюзиями, они дают мне замыслы для новых произведений... но в то же время... знаешь, появляется такое горькое чувство... что, как бы я ни старалась, мои работы будут лишь жалким и блёклым подобием этого природного великолепия.

— У тебя прекрасные работы! — с жаром возразил Тан. — Ни один из жителей Поселения не сможет создать блюда лучше, чем твои!

— Так ведь это исключительно потому, что каждый делает своё дело! Кулинарией в нашем Поселении занимаюсь только я!

— Да, но разве кто-то из жителей превратил свою работу в настоящее искусство? Вот скажи, пожалуйста, кто придёт специально поглазеть, как убралась в коттеджах Ивет? Как Кати вскопала гряды под овощи, или как наполнены контейнеры сырьём, которое Гур и Гура добывают для нашего Сердца? А? Ну, скажи!.. Не можешь сказать! — торжествуяще провозгласил Тан. — Потому что все жители просто выполняют свою работу, очень хорошо выполняют, даже отлично! Но это всё равно не высокое искусство, понимаешь?

Лана задумчиво покачала головой и улыбнулась:

— Вот и Энке тоже всё приставал ко мне с этим термином. Требовал назвать критерии, по которым можно определить высокое искусство.

— Больно много внимания ты уделяешь этому писаке! — не сдержался Тан, но увидев, как резко поскучилась его собеседница, поспешил исправиться: — Это... что-то я совсем не о том... Я про искусство хочу узнать! Так что ты ему ответила?

Заметив его смущение, Лана улыбнулась. Взгляд её потеплел.

— Сказала, что лично я не знаю таких критериев, но вот Тан, например, говорит: высокое искусство — это когда внутреннюю гармонию видно через внешнюю красоту, когда в голове вдруг ка-а-ак щёлкнет: вот он, шедевр! — Она весело рассмеялась, глядя на удивлённую физиономию друга.

— Чего, правда? Прямо так и сказала?

— Ну да, а что такого? По-моему, верные слова! Или ты против?

— Да нет, просто не ожидал, что ты... будешь меня цитировать!

— Почему? Разве ты не знаешь, как для меня важно твоё мнение? — Лана склонила голову на бок, заглядывая ему в глаза.

От её мелодичного голоса и ясного чистого взгляда по телу Тана словно пробежал электрический разряд, в голове стало горячо, и мысли спутались. Лана

отвела глаза и принялась рассматривать узоры, созданные ветвями Воздушных деревьев.

* * *

— Так на сколько лет назад его отбросило?

— Согласно хронометру УКС, сигнал автоматически посылается в течение ста пятидесяти восьми с половиной лет, — ответил руководитель проекта «Надежда человечества».

— То есть спасти уже некого?

— Да, господин президент, — вступил в разговор глава департамента транспорта. — Из сообщения следует, что это был грузовой корабль. Стандартный ГП-грузовик со встроенным киберштурманом. Один пилот. Конечно, он не мог остаться в живых через сто пятьдесят... — договорить он не успел.

Дверь распахнулась, и в зал заседаний влетел референт:

— Прошу прощения, господин президент, но у меня крайне важное и срочное сообщение: на связь с Землёй вышел разумный обитатель Надежды!

* * *

Возвращаясь в Поселение, Лана и Тан ещё издали увидели, что за время их отсутствия произошло что-то из ряда вон выходящее. Повсюду царил суматоха, жители метались туда-сюда, стихийно собирались в группы, видимо что-то обсуждая, потом бежали к центру Поселения. Лана и Тан резко ускорили шаг.

— Лана! — заорал, как всегда появившийся откуда ни возьмись вездесущий Энке. — Скорее пойдём в Храм! — Он попытался схватить её за руку, но Тан был начеку.

— Эй-эй! Полегче! — Он загородил собой подругу. — Никуда она с тобой не пойдёт!

— Тише, Танчик, подожди! — Лана мягко отодвинула его в сторону. — Мы сейчас пойдём, куда ты скажешь, Энке, только объясни сперва: что случилось?

— У-у-ухо! Ухо! — взвыл репортёр и, натолкнувшись на их недоуменные взгляды, возопил: — Так вы что же, ещё ничего не знаете?!

— Нет!! — хором крикнули Лана и Тан, заразившись его возбуждением.

— О-о-о! Наше Ухо услышало зов Небесных Отцов! Я не знаю когда, может, ещё утром! А потом пришёл Элан с обычной вечерней проверкой! И он увидел, что огонёк сменил цвет! — Энке затрясло, как от мощного электрического разряда. — Элан вышел на связь! Он г-говорил с Небесными Отцами!! Г-г-грядёт Небесное Пришествие!!!

Лана и Тан ошалело застыли, безмолвно таращась на репортёра. Энке переводил взгляд с одного на другого, приплясывая от нетерпения.

— А-а-а... как?.. — обалдело пробормотал Тан и растерянно посмотрел на Лану.

— Свершилось! — выдохнула она и вдруг вцепилась в Тана мёртвой хваткой.

Энке махнул на них рукой, развернулся и побежал в сторону Храма. Лана потянула Тана вслед за ним.

На площади перед Храмом они увидели Бика с ржавым обломком трубы в руках.

— Стойте! — скомандовал он, размахивая железякой.

Чуть позади него стояли близнецы Гуры. Их высокие и широкие фигуры полностью загораживали вход в Храм. Вид у всей троицы был весьма свирепый.

Лана, Тан и Энке остановились. Рядом топтались жители, которых Бик тоже не пускал в Храм.

— Что тебе нужно, Бик? — крикнул Тан. — Говори быстрее, и мы пройдем!

— Слушай, Тан! Ну, я понимаю, эти, — Бик небрежно дёрнул трубой в направлении Ланы и тех, кто стоял поблизости, — но ты-то! Мы же с тобой столько

раз беседовали! Неужели ты опять пойдёшь к Элану на промывку мозгов? Я думал, ты соображаешь!

— Какая ещё промывка? Элан говорил с Небесными Отцами, и я хочу знать об этом всё!

— Чушь! — заорал Бик, от злости подскочив на месте. — Никакие они не Небесные Отцы от Господа! Они такие же жители, как мы с вами, только мы мирно трудимся, а они — завоеватели!

— Что-то не больно ты похож на мирного трудягу! — крикнул кто-то сзади и все, кто собрался на площади, засмеялись.

— Это, — Бик потряс обломком трубы, — только для того, чтобы заставить вас слушать! Я не собираюсь драться, я просто хочу, чтобы вы поняли! Те, кто говорил сегодня с Эланом, не настоящие Небесные отцы! Им просто нужна наша планета, наше Поселение и мы в качестве рабов!

— Что здесь происходит? — раздалось позади близнецов.

Услышав голос учителя, Гуры тут же стали как шёлковые и, забыв свои обещания Бику, раздвинулись в стороны, освобождая проход.

Учитель стоял в дверях храма, обозревая площадь.

— А-а! Бик! Так это ты не пускаешь ко мне жителей! И как всегда пытаешься сбить их с пути истинного!

— С пути истинного?! Сдать Поселение и прислуживать захватчикам! Это ты называешь путём истинным?

Отовсюду слышались удивлённые восклицания и все, кто стоял на площади, разом повернулись к Элану.

— Не захватчикам, а Небесным Отцам! — медленно и спокойно произнёс учитель, неторопливо подходя к Бику. — И не прислуживать, а помогать! Ведь именно в этом наше предназначение — помогать Небесным Отцам обустроить мир!

— Да они понятия не имеют, кто такие Небесные Отцы! Я был возле Уха, когда ты говорил с ними, и всё слышал!

— Неправда! Они просто проверяли, помним ли мы, кто оживил наше Поселение, чтим ли мы заветы Небесного Отца, или нас поглотила гордыня, и мы забыли и Господа, и их, и то, кем был святой Марторий!

— Марторий был их лазутчиком! Он задурил нам мозги, чтобы мы сделали всё, что нужно этим наглым нахлебникам, и преподнесли потом на блюдечке! Вот для чего все его заветы! Чтобы мы стали их рабами, расходным материалом!

— Да это ты, а не они, хочешь сделать других рабами! Ты возомнил себя избранным и теперь... — слова Элана потонули в невообразимом гвалте, поднятом жителями. Кто-то выкрикивал собственные соображения, кто-то возмущался, а иные пали ниц и принялись громко умолять Господа и Небесных Отцов не превращать их в камни за то, что слушали Бика.

Лана и Тан стали протискиваться ближе к Элану, чтобы услышать, что он говорит, а Энке и ещё несколько жителей, напротив, метнулись к Бику. Тем временем идейный противник учителя уже успел взобрался верхом на Гура и орал что есть силы:

— Дадим захватчикам отпор! Затаимся в засаде и нападём, как только они высадятся! А потом заставим работать на нас!! Вы хотите жить, как вам нравится, и делать только то, что сами пожелаете?! Вы хотите быть свободными?!!

— Небесные Отцы бесконечно мудрые и справедливые, — гремел на максимальной громкости Элан, — и когда они спустятся с небес, все, кто хорошо работал и чтил заветы Мартория, обретут благодать и вечное счастье, а те, кто отринул своё истинное предназначение, — он указал на Бика и окружавших его жителей, — будут прокляты! И превратятся в камни!!

— Не слушайте его, он — вражеский шпион!! — вопил Бик.

— Отступник! Ты станешь камнем! Навеки!! Камнем!!! — надрывался учитель, грозно тыча пальцем в сторону оппонента.

— Да пошёл ты! — вдруг взвизгнул Бик. — Я тебя сейчас сам сделаю камнем!! — и, взмахнув трубой, прыгнул со спины Гура прямо на Элана.

Не ожидавший такого учитель упал, не сумев защититься. Ржавый обломок вонзился в центр груди. Элан задёргался в конвульсиях, а сидевший сверху Бик выдернул обломок, размахнулся и ударил учителя по голове. Ещё раз и ещё. Элан замер.

Лана вскрикнула и, закрыв лицо руками, уткнулась в Тана. Энке вытаращил глаза и снова затрясся, как тогда на дороге. Стоявшие рядом жители потрясённо застыли, пытаясь осознать увиденное.

Бик поднялся, продолжая сжимать трубу. Вид его был страшен, и те, кто оказался ближе всего, невольно попятнулись. С минуту Бик тупо смотрел на неподвижного Элана, потом поднял взгляд и обвёл им жителей.

— Ну, что смотрите? — медленно сказал он. — Ждёте, когда меня покарает Господь? — тут Бик, наконец, совладал с собой, и слова потекли быстро и легко: — Однако не похоже, чтобы я превращался в камень! — Он покрутил трубу и перебросил её из одной руки в другую. — Вот вам живое доказательство, что все угрозы Элана — пустая болтовня, а заветы Мартория — сплошное враньё! Лично я иду готовиться к защите Поселения. Кто со мной — пошли!

Он повернулся и двинулся прочь от Храма. Жители молча расступались, давая ему дорогу. Но за ним никто не последовал.

Тан отвёл Лану в сторону, подальше от распростёртого тела Элана:

— Подожди меня здесь.

В шоке от содеянного Биком, она лишь безразлично кивнула. Тан взял её руку, легонько пожал и отпустил:

— Я скоро вернусь.

Оставив подругу, он поспешил за Биком.

Тот уже вышел из толпы и, пройдя несколько шагов по дороге, остановился.

— Ну, что же вы? Струсили? — он повернулся лицом к жителям.

— Ты напал на Учителя! — выйдя на дорогу, сказал Тан. — Ты не можешь просто так уйти.

— Это почему же? — ухмыльнулся Бик, поигрывая трубой.

— Ты убил Элана! — пророкотал Гур, медленно выдвигаясь из толпы. — Это очень плохо. Придётся ответить.

— Да, — поддержала его Гура, — убивать нельзя! Элан — наш Учитель!

Близнецы встали по обе стороны от Тана.

— Да!.. Нельзя!.. Учитель! — раздалось отовсюду, жители пришли в себя и потянулись на дорогу, быстро окружая Бика.

Тот развернулся, но бежать уже было некуда — круг сомкнулся.

— Отдай железку! — сказал Тан.

— Ага, сейчас! — Бик огрел его трубой по протянутой руке, и рванулся прочь, расталкивая всех подряд, но его мгновенно выбросили назад в круг.

— Убийца Учителя! — взревели жители, и толпа поглотила Бика.

* * *

— Итак, Надежда обитаема, — подытожил руководитель центра ксенологии. — Что ж, учитывая её сходство с Землей, это закономерно... однако сильно усложняет колонизацию. Придётся договариваться с аборигенами.

— Ну, насколько я понял, они давно уже ждут нашего появления, — заметил советник.

— Ждут только в одном селении, а насчёт всей планеты говорить трудно. Правда, есть хорошая но-

вость, — главный ксенолог глянул в распечатку беседы, — этот «Элан-учитель» ничего не знает о других деревнях, а значит, плотность населения Надежды крайне мала.

— Прекрасно! Будет не так трудно потеснить туземцев, — удовлетворённо кивнул советник.

— Да, особенно воспитанных пилотом грузовика. Очевидно, он долгое время жил в поселении, обучая местных жителей. И, хочу отметить, весьма в этом преуспел, если и после его смерти они не забыли наставлений, продолжая работать и готовиться к прибытию «Небесных Отцов».

— Интересно, это он сам себя причислил к лику святых? Святой Марторий — надо же!

— Нет, вряд ли. Скорее всего, это уже потом сделали аборигены. И вообще, думаю, всё, что он им говорил, за столько лет наверняка изменилось до неузнаваемости, пока пересказывалось одним поколением другому. Они даже имя его переврали. — Он взял распечатку первой записи борткомпа грузовика. — Так, где это... дата, рейс, вот: пилот — Марторев Игорь Васильевич.

* * *

Дом наполнял аромат свежееиспеченного хлеба. Ланы не было, но завтрак уже стоял на столе: румяный каравай, нарезанный нарочито крупными ломтями, плошка варенья янтарного цвета и дымящаяся чашка с зелёным травяным чаем.

Игорь отхлебнул чая и, отломив от каравая хрустящую корочку, подошёл к окну.

Лана стояла возле крыльца и разговаривала с Эланом. В руках у неё был букетик синих цветов. Неужели это Элан ей принёс? Невероятно! Игорь поймал себя на том, что улыбается. Последнее время у него всё чаще появлялись поводы приятно удивиться. Глядя на долгожданные плоды своей многолетней работы,

Игорь испытывал двойственное чувство: с одной стороны, был страшно рад, что в поселении наконец-то появились настоящие жители, а с другой, они так быстро менялись, становились думающими и самостоятельными... Они теперь всё умели, и от него больше не зависели. Много лет он учил их, контролируя каждый «чих», а сейчас вроде как стал не нужен, и от этой мысли снова просыпалось одиночество...

К счастью, оно имело мало общего с тем чудовищным, острым и всепоглощающим чувством, которое возникло, когда он понял, что уже никогда не сможет вернуться на Землю. Первые два дня были самыми трудными и страшными. Он не мог заставить себя отойти от УГС и часами сидел в ожидании чуда, словно обещанного самим названием планеты — Надежда...

Но чуда не случилось.

На третий день Игорь отыскал родник с водой и съедобные плоды. На пятый уже охотился, а через неделю решил вскрыть контейнеры с грузом.

Первыми он распаковал «Л-ан»-ов — их лица были так похожи на человеческие!

Секретари, помощники в бытовых делах, иногда администраторы и даже губернёры, эти универсальные андрюиды могли выполнять любые работы такого рода.

К радости Игоря, груз почти не пострадал, и он принялся внимательно изучать спецификацию, выискивая позиции с кристаллами специализации. Увы! Ни к одному из роботов кристаллы не прилагались. Это означало, что программы-специалки должны были загрузить сами колонисты... Что ж, ничего удивительного! Игорь летел к поселению, которое существовало уже больше десяти лет, и там, конечно же, имелись и роботы, и специалист-наладчик, вносивший в кристаллы новые данные по мере исследования Надежды. Планета осваивалась, поселение расширялось, вот колонисты и запросили под свои нужды ещё партию железных помощников. Ясно, что при таком раскладе им гораздо удобнее было самим распределять роботов по рабочим

участкам и уже на месте заливать в них обновлённые специалки.

«Только программа общих реакций, — с тоской думал Игорь, освобождая «Л-ан»-ов от упаковки, — пустышки...»

Тем не менее, он решил создать поселение и активировал всех роботов, что вёз для колонистов. Они заказали большую партию в различных корпусах: от тяжёлых конструкций — для горнорудного производства, строительства и прочих подобных работ, до самых лёгких, в том числе и нескольких андроидов.

В принципе, все роботы были способны к самообучению, но включался этот процесс только после загрузки специалки. Это позволяло держать робота под контролем, чтобы он обучался только тому, как быстрее и лучше выполнять свою работу, а не чему ни попадя.

Без специальной программы Игорь мог только с помощью голосовых команд управлять общими движениями роботов, типа: «иди туда», «возьми это и дай мне», «положи это сюда» и т.п. Указания поступали в оперативную память и хранились, пока её объем не заполнялся. После этого новое стирало самое старое.

Однако спустя какое-то время Игорь обнаружил, что если заставить робота много раз подряд выполнять одни и те же действия, сопровождая их кратким и логичным объяснением, для чего это нужно, то образовывалось простейшее понятие, которое переходило в постоянную память. Изрядно намучившись, методом бесконечных проб и ошибок, Игорь приноровился понемногу расширять то, что уже записалось, и постепенно объединять простейшие понятия в более сложные...

А затем, в какой-то момент наступил качественный скачок. И роботы вдруг стали задавать вопросы. Игорь старался внушить им азбучные истины о равенстве жителей и пользе труда на благо поселения. Конечно, он знал, что сам не доживёт до того дня, когда на Надежду высадутся люди, но роботы способны функционировать и двести лет. Сырья для корабельного ре-

актера на планете достаточно, так что электричеством они обеспечены и смогут встретить тех, кто прилетит на планету. Поселение всегда должно быть готово к приёму людей, эта простая идея и лежала в основе его ответов на вопросы жителей.

Роботы внимательно слушали и осмысливали то, что он говорил, потом обсуждали это между собой, высказывали мнения и делали выводы. Игорь им не мешал, с интересом наблюдая, что из этого выйдет...

А вышло то, чего он совсем не ожидал. Роботы на удивление быстро изобрели свою собственную систему верований и принялись строго следовать её правилам! Это было поразительно, ведь он никогда не рассказывал им о Боге и не объяснял никаких религиозных понятий! Но факт оставался фактом, и, глядя на общество верующих роботов, Игорь просто не мог не задуматься о той незримой силе, что всегда выводит разум на одну и ту же дорогу... даже если этот разум — искусственный.

Он допил чай и вышел во двор.

— Здравствуй, Правитель! — в один голос приветствовали его Л-ан-21.42 и Л-ан-18.23 — те самые андроиды, кого он активировал первыми — «мужчина» и «женщина».

— Доброе утро, Лана! Доброе утро, Элан! Что обсуждаете?

— Сегодня ночью, когда я вбирал силу Сердца, у меня появилась мысль, — сказал Л-ан-21.42. — Я долго думал, Правитель, и понял, что она очень правильная.

— Что же это за мысль, Элан?

— Мы должны построить Храм.

* * *

Лана и Тан вылезли на крышу дома и встали, задрав головы к небу. Яркая точка быстро увеличивалась в размерах, а вместе с ней росло и волнение в Поселении. Жители бросили работу и выскочили на площадь. Пел приехал прямо с контейнером на тележке. Гуры

работали дальше всех, в карьере, и ворвались на площадь последними — напрямик, лихо вспарывая гусеницами газон.

Энке опять хаотично подскакивал на месте, словно его каждую секунду било током. Казалось, вот-вот полетят искры, и репортёр загорится от нетерпения и страха. В отличие от Энке большинство жителей, напротив, неподвижно застыли, благоговей перед Пришествием и одновременно страшась Небесных Отцов...

В Храме лежал неподвижный Элан; искалеченный, полумёртвый Бик не понимал, ни кто он, ни где находится, а при каждом подключении к Сердцу его колотило так, что всё вокруг содрогалось...

Никто не представлял себе, что теперь будет.

Точка превратилась в прекрасную, величественную и в то же время изящную машину. Сделав плавный разворот, сияющий в лучах солнца корабль уверенно зашёл на посадку. Лана ахнула и прижалась к Тану плечом. Он крепко обнял её и подумал: что бы ни ожидало их дальше, одно он знает наверняка: с Ланой не случится ничего плохого, потому что он не позволит её обидеть. Никому.

Алексей Казарновский

Мои стихи публиковались во многих изданиях Моссалита и Международного союза писателей «Новый современник», в газете «Интеллигент» и сборнике Грушинского фестиваля.

По образованию я — инженер-связист, по роду деятельности — преподаватель, по месту обитания — подмосковный житель.

В моссалитовских кругах я известен как поэт, автор поэтического сборника «Старый бродяга» (г. Вологда, 2011) и ряда песен на свои стихи и тексты других поэтов. Однако в этом альманахе природный авантюризм понуждает меня предстать перед читателями в новом амплуа. Мало того, что ваш покорный слуга взялся за прозу, так еще и в самом затасканном и опошленном жанре. Словом, перед вами детектив. Что из этого вышло — судите сами...

Крысиный волк

Али с трудом припарковался и заглушил мотор. В это время дня здесь не просто найти место для стоянки. Кажется, тут паркометры? Ну, да и шайтан с ними — долго стоять не придется, а сам он выходить из машины не собирается. Как же долго тянутся минуты! Али старался сосредоточиться на молитве, которую непрерывно повторял про себя. Руки дрожали, все тело покрылось холодным потом. Ничего, еще чуть-чуть — и все кончится. Зазвонил мобильник. Наконец-то! «Будь благословен!» — ответил Али условленной фразой вместо обычного «алло». «И ты. Аминь!» — услышал он в ответ, после чего завел мотор, сунул руку под сиденье, где включил потайной тумблер. Там же нащупал и вытянул наверх за провод датчик удара, который приклеил жвачкой к лобовому стеклу. Глубоко вздохнув и собравшись, он включил передачу и вырулил на проезжую часть. Случайные прохожие, которых в этот час было много на улице, видели, как, набирая скорость, джип помчался вперед, затем вдруг резко повернул вправо, соскочил на тротуар и на всем ходу протаранил стеклянную витрину большого супермаркета. Звона стекла никто не услышал — его заглушил взрыв...

Туман, туман, туман и яркий-яркий свет. Яркий, до рези в глазах. В голове величественно и мрачно гудит призрачный колокол. Что это? Почему только туман, наполненный светом? «Я вижу? Или мне снится? — Али пытается что-то вспомнить.

— Ах, да! Я же умер! Или нет? Где я? Где я?!

Последнее он уже произнес вслух и сам удивился звучанию собственного голоса.

— Ты там, где должен быть! — мощный глубокий бас раскатился в тумане, отвечая по-арабски на его чуть слышный вопрос.

— О, Аллах... — Али замер в ужасе. — Кто ты?..

- Правоверный ли ты? — ответил бас вопросом.
- Да... клянусь Всевышним! — с трудом выдавил

Али.

- Не клянись тем, что тебе не принадлежит!
- Кто ты?
- Если ты правоверный, то почему спрашиваешь?
- О, Аллах! Господь всевидящий, милостивый и милосердный... Не шайтан ли ты, терзающий меня? Как мне знать?

— Не шайтан ли подсказывает тебе этот вопрос, который ты задаешь перед лицом моим?

— Я не вижу ничего, кроме света и тумана!

— А разве я не есть свет?

Голова кружится, в поле зрения никаких ориентиров — туман и рассеиваемый им яркий свет. Али попытался пошевелиться, повернуть голову и не смог. «Ну да! Чем же я могу пошевелить? Тела моего уже нет!»

— О, Аллах! Прими раба твоего. Я пришел к тебе на суд с открытым сердцем.

— Ты пришел на суд мой и будешь судим беспристрастно, справедливо и милосердно. Отвечай же на мои вопросы! Кто ты и что совершил в земной жизни?

— Я шахид твой! Я принял мученическую смерть во имя твое! Прими меня в обитель праведников твоих.

— В чем же праведность твоя?

— Я покарал нечестивцев ценой своей жизни.

— Разве не заповедано тебе было: «Не убий»?

— Разве не велел ты убивать неверных, как собак?

— Среди людей в супермаркете были мусульмане.

Ты убил братьев своих по вере.

— Они не истинные мусульмане. Они предаются соблазнам неверных и не чтут твоего закона.

— Кто сказал тебе, чья вера истинна?

— Меня учил так духовный наставник мудрый Абдалла.

— Как знаешь ты, что Абдалла не слуга шайтана?

— О, Всемогущий! Абдалла благочестивый старец и твой верный слуга!

— Что знаешь ты о благочестии и верности, и о том, кто мой слуга?

— Я не знаю... О, Всемилостивый! Пощади!

— Там было много других людей. Пощадил ли ты их?

— Они неверные! Твои враги!

— Разве не сказал я в Коране: «Блаженны христиане и иудеи, верующие в единого бога?»

Ужас и тяжкое смятение... Али хочет что-то сказать, выкрикнуть, но не в силах. Свет меркнет и, кажется, вслед за ним меркнет сознание, остается только мрак. Мрак и тишина...

* * *

Первичный осмотр места происшествия закончен. Тягостная работа. Харри Ван Хейст опустился на заднее сидение служебной машины. Рядом сел этот незнакомый парень, представившийся как Жан-Пьер Дюбуа. Он не из полиции — показал министерское удостоверение, но, конечно, не клерк. Какой-нибудь секретный отдел. Скорее всего, по борьбе с терроризмом.

— Террористическая сеть живет в недрах марокканского квартала. Это мы знаем. Это знает каждый в городе, но как до нее добраться? У вас есть зацепки?

В голосе Дюбуа звучали начальственные нотки, хотя формальных оснований для такого тона, кажется, не было. Впрочем, это не задело Харри. Сейчас его трудно было вообще чем-либо задеть.

— Они хитры, агрессивны, ловки, нетерпимы. Сначала приспособливаются жить на задворках нашей среды обитания, затем начинают экспансию и постепенно расширяют свой ареал, вытесняя нас. Живут недолго, но зато размножаются молниеносно... Как крысы... — Харри прервался. Кажется, он выразился слишком откровенно и эмоционально? Для профессионала

вообще недопустимо, а тут еще посторонний... Тут надо было хранить политкорректность... Да.

На несколько секунд воцарилось молчание. Потом Дюбуа заговорил:

— Крысы?.. А вы знаете, что такое «крысиный волк»?

— Не слышал.

— Есть такой способ борьбы с крысами. Ловят несколько штук (желательно покрупнее), сажают в клетку, не кормят. Через некоторое время крысы начинают жрать друг друга. В результате остается одна, самая сильная. Ее выпускают. Теперь она — тренированный каннибал и питается только сородичами...

— Хм... интересно... Это намек?

— Почти... Как вам такая идея?

Дюбуа замолчал. Харри не стал уточнять. Если это серьезно — сам расскажет.

Справа проплыл городской парк с бронзовым памятником солдатам, павшим в двух мировых войнах. Машина остановилась на светофоре на пересечении с полукольцом аллей, опоясывающих центральную часть города. Ван Хейст задумчиво смотрел на монументальное здание национального банка на той стороне аллеи — этакий псевдосредневековый замок светлого камня с круглыми башнями, увенчанными островерхими крышами. Во что превратится он лет через сто? В мечеть, в медресе или в зиндан? Мысли, однако, довольно крамольные приходят в голову. А что еще может в нее прийти после созерцания развороченного взрывом супермаркета с разбросанными ошметками человеческих тел? Да еще эти крики! Кошмарные крики раненых... Да, он, конечно, профессионал, но... Машина проехала перекресток. Слева осталась небольшая площадь с конной статуей короля. Странно, но сам террорист был еще жив, когда его увезли. Это сделали люди Дюбуа: он предварительно показал Харри официальное разрешение на изъятие с места терактов любых материалов, а состояние водителя джипа позволяло рассматривать

его уже как «материал». Рассчитывать на то, что он выживет, не приходилось.

Похоже, при таране бомба, закрепленная под моторным отсеком джипа, оторвалась и, прежде чем взорваться, пролетела несколько метров вперед. Это его и спасло...

— Ну вот, приехали, — Жан-Пьер подал руку, прощаясь. — Моя машина здесь у вас на служебной стоянке. Я загляну для разговора через пару-тройку дней. Предварительно позвоню, конечно.

* * *

Свет. Яркий свет, рассеянный туманом. Ничего кроме света. Сознание медленно всплывает из бездны забвения. «Где я? О, Всевышний! Я же говорил с ним... или не с ним?..»

Опять этот низкий глубокий голос:

— Слышишь ли ты меня, несчастный?

— Слышу, — полушепчет Али.

— Понял ли ты, чего заслужил?

Отчаянная вспышка гнева вдруг поражает Али, и он кричит (или думает, что кричит):

— Я знаю, ты шайтан или джинн, обманывающий и искушающий меня!

— Так значит, ты не праведник, если попал во власть шайтана? — усмехается невидимый собеседник.

— Я служил вере Аллаха! — с трудом выдыхает Али...

— Или его врагам и своим злобе и гордыне? — снова усмешка. — А религия моя называется «покорность». Готов ли ты пройти по мосту над огненной пропастью с грузом своих грехов?

— Я чист перед Аллахом, я шахид его.

— Тогда почему ты в руках шайтана, как ты считаешь?

— Не мучай меня! Аллах, помоги мне!

— А кто поможет тем изувеченным в супермаркете?

— Пощади! За что я попал в этот ад?!

— Через огненную пропасть ты понесешь тела убитых и боль раненых тобой...

— Нет...

Тишина. Гаснет свет. Мрак и ужас. И только одна мысль бьется, как птица в темноте: «За что? За что этот ад? Ад, ад, ад...»

* * *

— Слышали ли вы об ассасинах? Еще их называли низаритами. — Дюбуа чуть развалился в кресле напротив Харри.

Они сидели в кабинете Ван Хейста на пятнадцатом этаже «полицейской башни», откуда через окно хорошо был виден весь старый город, река, собор и относительно новый район за рекой — Линкеровер.

— Это что-то из средневековой истории? — неуверенно ответил Харри, напрягая память.

— Да, это мятежная секта, отделившаяся от исмаилитов, правивших в Египте во времена первых крестовых походов.

— Какое отношение она имеет к нашим проблемам? — холодно спросил Харри.

— К сожалению, имеет. Генетическое. — Дюбуа говорил не спеша, задумчиво растягивая фразы. В паузах он отхлебывал кофе из бумажного стаканчика. — В раннем исламе шахидами называли преимущественно воинов, павших за веру. Шахидов-самоубийц если не изобрели, то ввели в широкую практику низариты. Таким образом, то, с чем мы имеем дело, можно сказать, низаритская традиция в исламе. Интересно задаться вопросом: откуда они брали в достаточном количестве людей с такими противоестественными устремлениями? Как вы понимаете, не каждый пойдет на заведомую

гибель... — Дюбуа отхлебнул кофе и вопросительно посмотрел на собеседника.

— Насколько я знаю, их готовили специальным образом. Зомбировали, что ли... — неуверенно ответил Харри.

— Совершенно верно! Причем в том числе и с применением психотропных веществ, проще говоря, наркотиков. Между прочим, и сегодняшние террористы зачастую наркоманы. — Дюбуа остановился, выжидающе глядя на Ван Хейста.

Харри молчал. Его не покидало раздражение. Вся эта лекция по древней истории казалась неуместной.

— А вам не приходило в голову, — продолжил Дюбуа, — что если уж есть возможность неограниченно манипулировать человеком, то завтра его можно заставить делать нечто противоположное тому, что он делает сегодня? Зло обратить против зла, например?

— Построить новый супермаркет и воскресить убитых? — мрачно пошутил Ван Хейст.

— Нет, конечно, последний пункт под силу только господу Богу, но вот начать истреблять своих вчерашних товарищей может и банальный террорист. Тем более что только такому роду деятельности он и обучен.

— Так может, проще заставить его не убивать никого?

— Беда в том, что он в нашей власти только после того, как уже убил, или, в лучшем случае, попытался убить. До того он свободный человек с соответствующими правами. Его вы и распознать-то не в состоянии. Да и после того наши возможности сильно ограничены законом. А жаль...

Дюбуа с видимым удовольствием допил кофе, затем вдруг поднялся и попрощался. Харри остался в недоумении: зачем приезжал? Пытался что-то прощупать?.. Что?..

Сознание оживает, медленно, постепенно проясняется. Али кажется, что он маленький мальчик, что сейчас он должен встать и пойти в школу. Какую суру надо было выучить? Он напряженно пытается вспомнить домашнее задание и не может. Это его огорчает. Темно, совсем темно. Наверное, еще очень рано, и пыльные улицы родного кишлака тихи, пустынные и мрачны. В горах воют шакалы... Нет, это не шакалы... Сирена? Откуда здесь сирена? Звук доносится как будто из-за стены с улицы... Где я? Я же умер! — вдруг вспоминает он. Накатила волна ужаса, и вслед за ней пришла физическая боль, мучительная, нарастающая. Он застонал, и тут вспыхнул свет. Все тот же свет, не освещающий ничего, кроме этого проклятого непроницаемого тумана.

И снова голос:

— Тяжек груз твой. Ты понесешь не только тела убитых, но и боль раненых тобой.

— Ш-ш-айтан!

— Неверный богохульник и сквернослов! Как смеешь ты пред лицом моим произносить это нечистое имя? Сейчас ты познаешь гнев мой! — гудит голос как колокол, и острая боль вдруг пронзает Али.

Боль везде, где-то внутри головы, кажется, вращается тяжелый жернов, размалывая мозг. Он пытается кричать, но не может и только хрипит, задыхаясь. Боль чуть ослабевает, и Али шепчет: «Пощади!»

— Разве не называют меня «милостивым и милосердным»? — откликается голос, и блаженство вдруг переполняет Али.

Счастье, покой, радость, кажется, пронизали его всего. Такое ощущение бывало только от затяжки опиумом.

— И разве не зовут меня «справедливым»? — продолжает голос, и боль вдруг вновь пронзает тупым,

ржавым зазубренным кинжалом, а жернов снова начинает молоть мозг.

С этого раза время приобрело свое нормальное течение. Сознание уже не уходило совсем. Али много спал и видел сны, а когда просыпался, кругом был мрак, но голос, как и сознание, уже не покидал его. Голос говорил о покорности, о Коране, о тех, кто извращает веру Аллаха, и о каре, которая должна их постичь. Изредка голос говорил о награде верным и о райском блаженстве, и тогда Али испытывал это блаженство в течение нескольких мгновений. Если же он пытался спорить, что случалось все реже и реже, то всегда получал в наказание секунды адской муки. Голос слегка изменился и уже не слышался извне, а звучал прямо в голове и вскоре сказал Али, что он избран и не отправится в ад, но будет возвращен в земную жизнь, чтобы там искупить свои грехи и свершить истинную волю Аллаха. «Я верну тебя туда, где твое растерзанное тело постепенно снова станет тебе служить. Но я буду с тобой постоянно, награждая за верные поступки и карая за непокорность, — объяснил голос. — Вокруг тебя будут люди, которые помогут тебе, но ты должен молчать о своем прошлом и о том, что я говорю с тобой!»

Вскоре Али увидел свет и обнаружил, что находится в больничной палате. «Аллах вернул меня на землю!» — подумал он в восторге.

* * *

Харри брел вдоль реки. Слева внизу, под галереей, поднятой на сваях над низким мощным берегом, тянулся причал. Тут, в центре города, швартовались в основном прогулочные теплоходики. Изредка, правда, причаливали и другие суда, в том числе даже огромные круизные лайнеры, приходящие по реке из недалекого моря. Работяга — грузовой порт — находился в паре километров вниз по течению. Там, в доках, лишенная

внешних красотей, среди бесконечных серых складов шла совсем другая напряженная трудовая жизнь. А тут тихо и пусто... Порывы осеннего холодного ветра били в лицо, из рваных облаков периодически начинал сыпать мелкий дождь. Несколько имен упорно крутились в голове. Имам Абдалла, судя по собранным по крупицам сведениям, был главой фундаменталистской группы. Еще были Абу Рашид, некий Ахмед Бакр и Исмаил Низар. Каковы их роли, можно было только догадываться, но все они, так или иначе, оказывались связанными с терактом, засветившись кто телефонным звонком исполнителю, кто тесными личными контактами с ним и имамом.

* * *

Убитый — араб лет тридцати — лежал на полу в луже крови с перерезанным горлом. Дверь убогой квартиры была не заперта, что и привлекло внимание соседей, вызвавших полицию. Ван Хейст осматривал место преступления. Тут же работали криминалисты. Еще двое его сотрудников опрашивали свидетелей.

— Чисто, — озадачено пробормотал криминалист. — Никаких следов...

— Так не бывает! Смотрите лучше! — откликнулся Ван Хейст с раздражением.

— Сам знаю, что не бывает! — буркнул обиженно криминалист.

Подошел один из сотрудников:

— Его звали Абу Рашид.

— Абу Рашид? — это имя несколько дней не выходило у Харри из головы. — Тот самый?

— Судя по всему, да...

— Было бы трудно его найти и привлечь к ответственности, но кто-то сделал эту работу за нас...

— Соседка из дома напротив видела незнакомого человека, заходившего в подъезд, ориентировочно в то

время, когда было совершено убийство. Почти ничего примечательного, кроме того, что он сильно хромал.

— В подъезде домофон. Он звонил или открыл своим ключом?

— Она не уверена, но полагает, что звонил.

— Значит, убитый его знал и не боялся, потому сам впустил.

* * *

Через неделю ему сообщили, что убит Ахмед Бакр. Точно так же, ударом ножа в горло, но не дома, а возле кольцевой автодороги, на полосе отчуждения. Харри как током ударило. Он понял, что скоро будет убит следующий, но кто — Исмаил Низар или Имам Абдалла? Поразмыслив, он решил, что есть во всем этом действе какая-то театральность, а значит, главный злодей должен быть убит последним, получив наказание не только самой смертью, но предшествующим страхом ожидания. Значит на очереди Исмаил Низар.

* * *

Ван Хейст не сразу понял, что ошибся, узнав о новом убийстве в марокканском квартале. Погиб некий Моххамед Амр. Первое, что заставило обратить на себя внимание, — способ убийства. Все тот же удар ножом в горло. Потом в квартире нашли следы пластида. И вскоре у следствия появились данные о связи убитого с Имамом Абдаллой. Тут Харри сообразил, что «мститель» (так он назвал про себя неизвестного убийцу) знает больше о террористической группе, чем он. Убитый был террористом, неизвестным ранее полиции.

Али набирал номер, стоя в будке таксофона. Слава Аллаху, этот пережиток домобильной эпохи еще можно было найти на улицах.

— Алло, — послышался в трубке знакомый молодой высокий голос.

— Салам алейкум, Исмаил!

— Кто это? — голос Низара звучал тревожно.

— Это я, Али...

— Какой Али? — в голосе отчетливо слышались тревога и недоверие.

— Которого имам Абдалла вместе с тобой благословлял 6-ого сентября, когда мы приехали к нему перед... Ну, ты понимаешь.

— Не знаю такого, — резко ответил Исмаил, но трубку почему-то не бросил.

— А помнишь ты хадис, в котором Абу Хурейр (да будет Аллах благосклонен к нему!) свидетельствует, что Пророк (да хранит его Аллах и приветствует!) говорил: «Избегайте подозрительности, ибо именно она является величайшей ложью»? И помнишь ли ты, как читал мне вторую суру, когда мы, уже полностью готовые, сидели в машине накануне того дня?

В трубке молчали.

— Я должен с тобой встретиться. Это важно. Ты же знаешь... Абу Рашид, Ахмед, Моххамед — наши братья мертвы. Я должен помочь тебе. Но ни одна душа не должна знать, что я жив и звонил тебе. Иначе я погибну и не смогу тебе помочь.

— Ты... Жив? Почему? Как? — пораженно выдохнула трубка.

— На все воля Аллаха. Всевышний спас меня. Или ты сомневаешься в его всемогуществе?

— Аллах велик! Завтра приходи по старому адресу.

Исмаилу осталось жить меньше суток...

* * *

На этот раз Харри необычайно повезло. Камера видеонаблюдения, по чистой случайности установленная буквально накануне, зафиксировала человека, входящего в подъезд. Лицо, скрытое под глубоко надвинутой шляпой, разглядеть было нельзя, но хромота бросалась в глаза. Человек подошел к подъезду, на минуту остановился и, прежде чем набрать номер на клавиатуре домофона, сплюнул на поребрик тротуара... Харри смотрел эту видеозапись через полчаса после убийства Исмаила Низара и через сорок минут после того, как она была сделана. В пасмурную прохладную погоду плевок на поребрике еще не успел высохнуть, и следствие получило в свое распоряжение образец ДНК подозреваемого. Через несколько дней Ван Хейст с изумлением узнал — это был Али, террорист, взорвавший супермаркет...

* * *

Али шел на встречу с имамом Абдаллой. Эта старая лиса, потеряв одного за другим всех своих боевиков, конечно же чувствовала, что сильно пахнет жареным, и уговорить его встретиться было не просто, но Аллах не покинул Али! Он подсказал, как убедить имама, что Али поможет ему защитить себя.

После долгих колебаний, сомнений и отговорок Абдалла все же согласился на встречу, но назначил ее в людном месте.

Они встретились на мощенной брусчаткой старой торговой площади, окруженной мелкими магазинчиками и лавочками низкого пошиба, торгующими всем, что можно только вообразить, — главным образом, контрабандой из близлежащего порта. Район был оживленный, космополитичный, припортовый и довольно криминальный. Здесь было легко затеряться в пестрой толпе, в прилегающих узких улочках с витри-

нами борделей и злачных увеселительных заведений. Абдалла, по-видимому, рассчитывал на такую возможность. Она же устраивала и Али. На этот раз Аллах послал ему старый, но довольно шустрый мотоцикл. Припарковав его в одной из боковых улиц со сквозным проездом, Али пошел на площадь. Абдалла уже был на месте и медленно брел вдоль грязноватых витрин. Одетый в европейский костюм, он не выделялся в толпе зевак и охотников за дешевым контрафактным товаром. Али приблизился, доставая из кармана сложенный вчетверо листок бумаги и протягивая его левой рукой Абдалле. По наущению «голоса» Али сказал в телефонном разговоре, что располагает крайне важной информацией о тех врагах Аллаха, которые убивают его шахидов. Соглашаясь на встречу, имам предупредил, что разговаривать не будет и потребовал, чтобы Али передал ему эту информацию в виде письма. Когда рука Абдаллы с письмом опустилась в карман пиджака, Али ударил имама правой рукой ножом в горло...

Никто из окружающих сразу не понял, что произошло: казалось, упавшему мужчине просто стало плохо, и только затем люди заметили кровь и зияющую рану на шее. К этому моменту Али уже сидел на своем мотоцикле...

* * *

— Здравствуйте! — в комнату, освещенную бестеневыми хирургическими лампами, шагнул Дюбуа, едва уловимо загадочно ухмыляясь.

«Черт возьми! — подумал Ван Хейст, здороваясь. — Уже успел? Откуда узнал? Впрочем, учитывая, что это он забрал «тело» Али с места теракта, можно было кое-что предположить...

— Так это и был имам Абдалла? — пробормотал Дюбуа, рассматривая тело на столе для анатомирования. — Удар ножом в шею. Есть зацепки?

— На этот раз идем по следу. Четвертое убийство в марокканском квартале за две недели. — Харри отвечал сдержанно и настороженно. — Почерк один и тот же. Все убитые по некоторым данным связаны с фундаменталистами.

Он не стал распространяться о том, что мотоцикл убийцы был опознан и найден брошенным в районе старой торговой улицы вблизи марокканского квартала, в котором, по свидетельству случайных очевидцев, и скрылся «мститель».

* * *

Теперь, когда личность «мстителя» была установлена, а приметы известны, найти его в определенном районе города казалось делом техники. Достаточно было распространить широкую ориентировку, и рано или поздно он, со своей хромотой, должен попасть в поле зрения полиции. Однако Харри не спешил. Он уже был абсолютно уверен, что «мстителя» кто-то вел и обеспечивал. Кто-то достаточно могущественный для того, чтобы успешно противодействовать открытым мероприятиям полиции. Действовать требовалось более тонко и скрытно. Загадкой оставались цели, которые преследовал этот кто-то...

Харри и его группа начала методичный негласный опрос всех, кто мог случайно видеть Али, прежде всего полицейских, работающих непосредственно на территории, продавцов магазинов, консьержей домов, водителей общественного транспорта, таксистов, почтальонов. Постоянно мотаясь по городу, Ван Хейст вдруг с удивлением обнаружил за собой слежку. Два неприметных автомобиля постоянно попадались ему на глаза. Обычно один из них ехал за ним на некотором расстоянии.

Было опасение, что «мститель», завершив уничтожение террористической группы, исчезнет из города, но через несколько дней упорный систематический по-

иск дал результат. Полицейский патруль обнаружил место обитания Али. Получив эту информацию по телефону от старшего патруля, Харри задумался. Надо было провести задержание молниеносно и ограниченными силами, чтобы избежать утечки информации, которая могла позволить таинственным покровителям террориста вырвать его из рук полиции. Патрулю он приказал скрытно заблокировать квартиру до прибытия группы захвата. Эту самую «группу захвата» пришлось срочно составить из себя самого и трех ближайших помощников, бывших в курсе хода операции. Поехали на личной машине Ван Хейста, дабы не привлекать внимания возможных соглядатаев. В зеркале заднего вида Харри очень скоро заметил знакомый серый «фольксваген» — одну из двух уже привычных машин «сопровождения».

На месте их ждал неприятный сюрприз. Один из полицейских лежал на полу в подъезде с ножевой раной, обливаясь кровью. Рядом с ним распростерся Али с простреленной грудью. Почуял ли что-то «мститель», получил ли предупреждение или просто вышел из квартиры по своим делам, так или иначе патруль вынужден был попытаться его задержать, а когда он ударил ножом полицейского, тот выстрелил в ответ...

С оглушительным воем подкатила машина скорой помощи. Медики сделали перевязку полицейскому и унесли его на носилках. Осмотрев Али, врач констатировал смерть. Тело перенесли в квартиру, дабы не травмировать и без того до смерти перепуганных соседей. Вызвали спецмашину для перевозки тела.

— Поль! — Харри обратился к одному из своих помощников, глянув в окно. — Там недалеко от подъезда стоит серый «фольксваген». Похоже, что люди в нем следят за мной. Имитируйте вынос тела и его погрузку в спецмашину. Я поеду на ней в криминальный морг. Вы оставьте пока все здесь и уезжайте, а через полчаса вернитесь и вывезите труп на нашем микроавтобусе в морг Института тропической медицины. Там вас встре-

тит доктор Янсен. Я ему позвоню. Когда будете выносить, позаботьтесь о конспирации. Заверните его в ковер, что ли, да погрузите еще что-нибудь из мебели.

Патологоанатом Института тропической медицины доктор Янсен подрабатывал в криминальном морге, почему и был хорошо знаком Харри и его сотрудам.

Через окно в задней двери спецмашины Харри прекрасно видел следующий по пятам серый «фольксваген». За пару кварталов до морга он попросил водителя притормозить и вышел. Минуту спустя, убедившись, что «фольксваген» уехал за спецмашиной, Ван Хейст вызвал такси и отправился к себе в офис.

Он сидел в кабинете и напряженно ждал, не понимая, что именно должно произойти и почему так одолевает его беспокойство. «Наверное, неплохо было бы закурить, если бы я курил», — подумал Харри с иронией и встал, чтобы выпить очередную чашку кофе из автомата, и в этот момент его настиг звонок.

— Это доктор Янсен, — послышался низкий медленный голос в трубке. — Вы можете сейчас подъехать ко мне в анатомичку?

— Что там? — волнуясь, спросил Харри.

— Не знаю... Во всяком случае, это не по моей части. Приезжайте! Я вас жду.

Двадцать минут спустя Харри держал в руках странный предмет — небольшую, слегка изогнутую пластинку из неметаллического белого материала. Из нее торчало несколько жестких, коротких и тоненьких, по-видимому золоченых, проводков.

— Это было у него в черепе, — прокомментировал доктор Янсен. — Такого рода пластины используют для протезирования костей черепа после трепанации или черепной травмы. У него ведь была серьезная травма? И ничего тут необычного, если бы не вот эти проводки, которые были вживлены в мозг...

— Зачем? — недоуменно спросил Харри.

— Понятия не имею! Я же говорю, что это уже не по моей части, — доктор пожал плечами. — Похоже, у этой штуки есть начинка.

— Я заберу ее у вас... А впрочем... — Ван Хейст на минуту задумался. — Вы можете сейчас попросить кого-нибудь из госпиталя сходить на почту? Упакуйте ее и отправьте бандеролью вот по этому адресу. — Харри написал несколько слов на куске бумаги. — А я сделаю один звонок с вашего телефона, если позволите... Да! И, пожалуйста, доктор, уходите отсюда немедленно домой или куда хотите!

Харри шагнул из подъезда госпиталя под мелкий морозящий дождь, сыплющийся из только что набежавшего облака. Пять минут назад было солнечно. Ага! Вот и знакомый «Фольксваген». Посмотрим, что будет дальше. Он не успел додумать. «Фольксваген», рванув с места, мгновенно оказался рядом, и кто-то грубо втоптал или втолкнул Харри в распахнувшуюся дверь.

— Где тело? — жестко спросил незнакомый человек, оказавшийся справа.

Харри сидел зажатым между двумя крепкими мужчинами на заднем сидении. Соседи деловито проверяли его карманы.

— Кто вы? Я полицейский. Это задержание? Личный досмотр? На каком основании?

— Где тело? — повторил вопрос сосед.

Содержимое карманов, по-видимому, их не впечатлило, и они ничего не взяли. Оружие Харри оставил в офисе. Он не любил зря таскать его с собой.

— Не валяете дурака, Ван Хейст! Мы вас прекрасно знаем.

— Думаю, что вы можете его получить в морге этого госпиталя, при наличии соответствующих полномочий, конечно. Пока ваши действия выглядят незаконными.

— Мы так и сделаем. А вам придется пока посидеть здесь, — сосед бесцеремонно защелкнул кольцо

наручников на правом запястье Харри. Второе кольцо было замкнуто на раме под передним креслом.

Оба соседа вышли, оставив пленника с водителем.

Вернулись они минут через тридцать, явно обескураженные.

— Кто вскрывал тело? — задал вопрос один из них, невысокий, но очень широкоплечий, в дорогом пальто и шляпе.

— Думаю, что это не имеет значения. Того, что вы ищете, у него уже нет.

— Где оно?

— Я, наверное, смогу вам это сообщить недели через две, если сочту возможным.

— Черт возьми, Ван Хейст! Вы не знаете, во что ввязались... — Широкоплечий был скорее расстроен, чем зол. — Вы подставляете людей, которые делают серьезное дело в интересах государства и граждан.

— Даже если это так, то делают они его, судя по всему, незаконно. Кроме того, я хочу разобраться, что происходит, прежде чем делать выводы и предпринимать какие-то действия.

Широкоплечий махнул рукой и неожиданно, отомкнув наручники, вышел из машины.

— Идите... Вы свободны... Извините...

Харри зашагал по улице по направлению к центру города, удаляясь от своих похитителей. Они о чем-то оживленно заспорили, стоя у машины.

На следующий день Харри позвонил Дюбуа.

— Полагаю, вы не будете отрицать, что это ваши люди вчера меня трясли? Надеюсь на прямой ответ, поскольку их (а значит и ваш) интерес не был удовлетворен.

— Я сам собирался поговорить с вами на чистоту. В создавшейся ситуации продолжать играть втемную глупо и неконструктивно. Поэтому даже не буду повторять вопрос, ответ на который хочу услышать...

— Через пару дней будет у меня, — усмехнулся Харри.

— Что вы намерены с этим делать?

— Это будет зависеть от результатов нашего с вами разговора.

— Ваши условия? — голос Жан-Пьера прозвучал холодно.

— Никаких. Вы меня не поняли. Я не собираюсь вас шантажировать.

— Чего же вы хотите?

— Разобраться, понять, оценить и принять решение.

— Тогда встретимся завтра. Вечерний прогулочный рейс по реке...

— Завтра вторник... До пятницы дотерпите? Я же говорю: мне нужно разобраться, пока без вашей помощи. В пятницу буду готов выслушать вас.

— Хорошо. В пятницу.

* * *

На палубе теплохода было прохладно. Под затянутым облаками небом быстро темнело. Берега реки начинали исчезать в полумраке, на них загорелись огни. Двое мужчин вели тихий разговор под плеск воды, обтекающей борта судна.

— Собственно, техническую сторону я более-менее понял с помощью своих экспертов. — Харри смотрел вдаль, поеживаясь на ветру. — Хотя и не всю. В протез вмонтировано некое беспроводное сетевое устройство с микрофоном и пьезотелефоном, воспроизводящим звук. Мой эксперт полагает, что работало оно через сеть одного из мобильных операторов.

— Надо отдать должное вашему эксперту, — усмехнулся Дюбуа. — Он понял, что к чему. Мобильный интернет... Он позволяет передавать любую информацию — хотите звук, хотите команды или телеметрию.

Мы думали и о механизме дистанционной ликвидации, но отказались от этой затеи.

— Почему?

— Не безопасно для окружающих. Представьте себе: идет человек в толпе и вдруг у него взрывается голова... Да и толку чуть — фрагменты все равно останутся и попадут в руки криминалистов. Поэтому приходилось заботиться о ликвидации вручную. Эту задачу мы в итоге не смогли решить из-за вас.

— Микрофон позволял вам слышать, что он говорит, пьезотелефон — нашептывать что-то ему на ухо.

— Да, знаете, — Дюбуа снова усмехнулся, — кость — отличный проводник звука. Нужен был совсем маленький уровень и то, что хорошо слышал он, не мог услышать никто из окружающих.

— И что же он слышал с вашей помощью?

— Естественно, голос Аллаха!

— Я так и думал... — Харри помолчал, вглядываясь в огни на берегу. — Ну, а электроды, вживленные в мозг, для чего?

— Увещеваний, даже исходящих от Всевышнего, маловато. Нужно иметь средства доказать, что говорящий действительно всемогущ. Давно известно, что раздражение определенных участков мозга слабыми импульсами тока может вызывать эйфорию или, наоборот, жестокие страдания. Кроме того, они позволяли дистанционно контролировать активность мозга, оценивая, таким образом, состояние субъекта.

— Кнут и пряник? Как при дрессировке собак... — скривился Ван Хейст.

— Эта собака была крайне опасна и не поддавалась дрессировке, — парировал Дюбуа. — Ею можно было только управлять с помощью сильных воздействий.

— Неужели вам удалось до сих пор сохранить в тайне всю эту противозаконную операцию?

— Судя по тому, что я сейчас здесь — да. Люди, делавшие техническую разработку, конечно, не пред-

ставляют, для чего мы ее собирались применить. А для оперативных целей нужна была не такая уж большая группа надежных людей, большинство из которых тоже не в курсе деталей.

Некоторое время они молчали. Первым заговорил Жан-Пьер:

— Как видите, в сложившейся ситуации я, в сущности, в ваших руках.

— И при этом не пытаетесь меня убить, — хмыкнул Харри. — Или попросту не решаетесь на этот шаг, пока не выяснили, что с главной уликой.

— Вы так до сих пор и не поняли, с кем имеете дело... — грустно проговорил Дюбуа.

— Вы о моральных принципах? Неужели вы считаете этичной вашу операцию?

— Да, я о моральных принципах. Нас с детства приучают к мысли, что принципы абсолютны и безусловны. На самом деле всякий принцип обусловлен и ограничен.

— Звучит довольно цинично, — Харри печально вздохнул, чувствуя опасную правоту собеседника.

— Отнюдь! Я вовсе не хочу сказать, что всякий принцип применим до тех пор, пока полезен мне лично. И мое не намерение вас убить, несмотря на ту опасность, которую вы для меня представляете, тому доказательство. Вся суть в нюансах. В точном определении той грани, за которой принцип не применим. Хотите пример? Заповедь «не убий» кончается там, где начинается армия и, между прочим, мало кого это смущает. Согласны ли вы, что в нашем случае речь идет об опасности угрожающей ни много ни мало цивилизации.

— Согласен. Однако даже при этом допустима ли такая грубая манипуляция человеческим существом (не хочу сказать «человеком»)? И не много ли вы на себя лично взяли, определив ту самую грань, за которой принцип не применим?

— Кто-то же должен взять на себя ответственность! А что касается манипуляции, то мне это даже

смешно от вас слышать. Разве не грубо манипулируют, причем не отдельными личностями, а массами людей, политики? А та же армия? Разве не грубая манипуляция заставляет солдат умирать в далеких странах за чужие интересы и ложные ценности? Если манипуляция — преступление, то все политики и журналисты должны сидеть в тюрьмах! Идет война, Ван Хейст! Война на истребление, и мы, всего-навсего, придумали новое грозное оружие, которое применили против наших врагов. Заметьте: жестоких и непримиримых врагов!

— Бывают правила и на войне! Не применяют же больше, слава богу, химическое и ядерное оружие.

— Бросьте, Харри! Не применяют лишь из опасения ответного применения, и вы это прекрасно понимаете! Кроме того, это оружие массового поражения, а наше, можно сказать, высокоточное. Я скажу вам больше. Всякое принципиально новое оружие вызывает протест — еще одно средство убивать! Даже арбалет в свое время был проклят и в течение сотни лет запрещен папой Римским.

— Да, оружие новое и грозное, — задумчиво проговорил Ван Хейст и, помолчав, добавил: — А вот насчет «высокоточности» — не уверен...

— Так что-же будете делать, Харри? — после небольшой паузы спросил Дюбуа.

Ван Хейст достал из-за пазухи небольшой сверток, развернул его, показал Дюбуа протез черепной кости с торчащими золотыми проволочками:

— Узнаете?

— Еще бы...

— Уверены, что не муляж?

Дюбуа протянул руку и взял протез. Харри не противился.

— Да, это, конечно, он... — Жан-Пьер вернул пластиковую заплату собеседнику.

— Ну, и хорошо... — Ван Хейст выбросил протез за борт... — Это вы предупредили его, что мы едем арестовывать?

— Да, как только поняли, куда вы направляетесь. Пытались замести следы. Приказали срочно уйти из квартиры...

— Полицейский чуть не погиб, — угрюмо проворчал Харри.

— Это обычный риск его работы. Слава богу, не погиб. С таким же успехом могли погибнуть и вы, столкнувшись лицом к лицу с этим субъектом при попытке задержания. Если бы вы не вмешались, мы бы его безопасно нейтрализовали. Он бы дожил свой век в затворничестве, покаянии и молитве, тихий как ягненок.

— Знать бы все наперед... Ладно. Будем считать эту историю законченной, а вопросы исчерпанными, — вздохнул Харри.

— А я ведь в самом начале пытался вас прощупать на предмет возможности ввести в курс дела... Неужели не заметили? Но не рискнул, вы мне показались неконтактным и слишком щепетильным, — грустно сказал Дюбуа.

* * *

Прошло около года в суете и мелких делах.

Однажды утром Харри завтракал дома перед выездом на работу. Вдруг зазвонил телефон, и взволнованный голос шефа отдела произнес в трубке: «Взрыв на вокзале, террорист-смертник. Немедленно поезжайте прямо туда!». Легко сказать «немедленно поезжайте»... Ван Хейст с трудом пробивался на своей частной машине через пробки в час пик из пригорода, где он жил, в центр. На служебной, с мигалкой и сиреной, было бы, конечно, быстрее... По пути слушал радио, которое уже сообщало первые мало достоверные сведения о теракте. Наконец добрался до места и, показав свое удостоверение, преодолел линию полицейского оцепления. В сущности, он приехал уже к шапочному разбо-

ру. Взрывов, как выяснилось, было два: один на платформе в толпе, другой в вагоне. Помимо двух исполнителей, погибло еще несколько человек, было много раненых. Бригада криминалистов уже работала всюду, собирая то, что могло иметь отношение к взрывным устройствам и самим террористам. Потоптавшись на месте преступления и внимательно осмотрев его, Харри решил, что ему тут больше делать нечего и поехал в офис. Там наверняка сейчас проведут срочное совещание. Он не ошибся, хотя обсуждать пока вроде было особенно нечего, кроме результатов предварительного осмотра места преступления. Ждали первых данных от криминалистов. Через некоторое время в кармане у Ван Хейста зазвонил мобильник.

— Это доктор Янсен, — послышался знакомый низкий медленный голос в трубке.

— Вы сегодня у нас? Есть что-то по теракту?

— Да, и, мне кажется, именно вам надо срочно взглянуть на то, что у меня тут...

Ван Хейст вздрогнул от недоброго предчувствия. Десять минут спустя он был в анатомичке.

— Вот что я извлек из черепов террористов.

Перед Янсеном на стеклянном столике лежало два предмета. Харри с ужасом увидел знакомые чуть изогнутые белые пластмассовые пластинки с торчащими из них жесткими золочеными проводками...

Алёна Чубарова

*Москвичка, детством из «советского застоя».
К московской жизни не пригодна абсолютно.
Как и к любой, наверное, другой...
Фантазия — единственное место,
Где можно от реальности укрыться....*

Первое образование — педагогическое, но аспирантуру бросила для воплощения детской мечты — ТЕАТР!

Теперь уже на сцене много сыграно, и режиссёрский диплом, и членство в литературных союзах, и даже авторский спецкурс по «практической драматургии»... Семь авторских сборников стихов и прозы, пять сборников пьес, публикаций и не сосчитаешь. Есть переводы пьес на украинский и английский, рассказов — на немецкий. Но всё это совсем не главное!

А главное — конечно, любовь, которая даёт силы жить, работать, мечтать.

Новая мечта — КИНО!

И новый рассказ «Олушка» видится фильмом, чуть-чуть в стиле любимого с детства «Обыкновенного чуда».

Олушка, или Что было с Золушкой на самом деле

На самом деле всё было совсем не так! То есть до потери туфельки всё верно, даже про фею и про тыкву. А вот дальше...

Золушка проплакала все глаза на своей кухне, в то время как её хрустальный башмачок примеряли все, кому не лень, в ближайшем трактире, где курьер-посыльный, напиваясь до потери пульса, сочинял очередной интимный анекдот про неизвестную красавицу и влюблённого принца.

Мачеха и сестры бесились от несоответствия своих ног кукольному размеру вождеденной обуви, смаковали детали росказней пьяного посыльного и вынашивали планы подмены туфельки на аналогичную, но побольше. Золушке дано было задание обойти всех башмачников в округе, а также всех мастеров стекольного дела; выбрать из них тех, кто умеет держать язык за зубами и всеми правдами и неправдами привести в родительский дом. Отец понимал, что такое задание почти невыполнимо для бедной девушки, и поначалу проявил силу характера и власть главы семьи, но после слёз, обид, упрёков, намёков и прочих тонких приёмов супружеской дипломатии подчинился несгибаемой воле жены.

Золушка, как всегда, не стала спорить, только попросила отца проводить её до трактира. В отчаянии она решила сама найти посыльного, выпросить у него туфельку и на глазах отца примерить, ведь иначе никто не поверит, что чумазая замухрышка — та самая прекрасная незнакомка... Туфелька окажется впору, и она тут же достанет вторую, точно такую же, спрятанную на дне дорожной сумки... И девушка, дрожа от страха, уже уговорила отца зайти на минуточку в трактир погреться у огня, и вот он — курьер с хрустальным подарком феи,

но... Доливая себе из пустеющей бутылки, мордастый парень, причмокивая сальными губами, рассказывал, как, одевая свою незнакомку после бурной ночи, принц никак не мог найти туфельку, которую коварная принцесса спрятала под подушку... А трактирщик хохотал и уверял, что он от дворцового кладовщика доподлинно знает, будто незнакомка танцевала на столе и сбросила туфельку, требуя, что бы принц пил из неё шампанское...

Могла ли после этого Золушка... Да что там говорить!.. Расставшись с отцом, она выбросила свою вторую туфельку на дно оврага, понимая, что больше никогда не вернётся в этот город.

Итак, Золушка шла и шла, куда глаза глядят. Задерживалась на ночлег, зарабатывала на хлеб и снова шла. И никак не могла остановиться, потому что пока идёшь, кажется, что не так больно. Она никак не могла забыть своего принца. Когда её спрашивали, как её зовут, слёзы душили её, не давая выговорить имя и, вместо Золушки, у неё получалась Олушка. Вскоре она и сама привыкла к новому имени. И шла она так, шла, пока не дошла до края земли.

На краю земли начиналось море. Олушка ходила вдоль берега, не зная, что делать дальше. И вдруг наткнулась на странную лодку. Сразу было видно, что лодка волшебная. Она будто манила к себе, а как только Олушка забралась в неё, лодка поплыла, унося девушку в неизвестность. Долго она плыла. И день сменился ночью, и снова наступил день, и к вечеру показался вдали остров.

Сойдя на берег, Олушка увидела много красивых женщин, но все они ходили с потеряннным видом, не отвечали на вопросы и будто спали на ходу. Олушка пошла дальше вглубь острова и увидела прекрасный сад и дворец, так похожий на дворец её принца, что у неё сжалось сердце. По саду тоже ходили потерянные женщины, но только одна из них, когда Олушка схва-

тила её за холодную руку, произнесла, еле шевеля губами: «Здесь живёт Чудовище, уходи пока не поздно».

Но Олушке некуда было уходить, и она вошла во дворец. В главном зале на троне сидел человек, очень даже симпатичный для чудовища. Если бы не сжатые губы и нахмуренные брови, его можно было бы даже назвать красивым. Олушка спросила его про Чудовище, но он засмеялся, позвал странных молчаливых слуг накрыть стол и устроил праздник в честь гостя. Он был учтив и любезен, но глаза оставались грустными, холодными, а брови нахмуренными.

Приняв приглашение гостеприимного хозяина, Олушка поселилась в маленьком домике недалеко от дворца. Днём она вышивала, сажала розы и кормила птиц, а по вечерам приходила во дворец и читала хозяину вслух в библиотеке у камина. Однажды она ему рассказала свою историю, и он стал ей ближе, ведь теперь он знал про её горе. С каждым днём она ждала вечера все нетерпеливей и всё с большей грустью уходила к себе на ночь. Судьба, казалось, уже начала улыбаться ей. Прошлые горести стирались из памяти, а впереди мерещилось что-то чудесное, совсем сказочное. Только потерянные женщины, которые, как прежде, бродили по острову, продолжали тревожить.

И вот однажды Олушка, гуляя по берегу, увидела старуху-рыбачку, приплывшую на простой деревянной лодке. Старуха сначала приняла Олушку за одну из потерянных женщин и не обратила на неё внимания, но потом, увидев огонь в её глазах и услышав её приветствие, так испугалась, что тут же хотела уплыть прочь. Но Олушка так горячо умоляла её поговорить, ведь слуги во дворце молчат, а эти странные женщины и вовсе похожи на приведения, что старая рыбачка сдалась.

От неё и узнала Олушка тайну заколдованного острова.

Когда Чудовище было маленьким мальчиком, его отец, храбрый король, полюбил прекрасную хозяйку соседнего острова. Мать маленького Чудовища была волшебницей и наслала ураган на соседний остров, который унёс всех людей в неизвестном направлении, а сам остров затопил водой. О нет, она не была злой волшебницей, но она была женщиной, она страдала от ревности и не понимала, что творит. Король-отец очень любил своего маленького сына, но не мог выдержать разлуки с любимой и отправился на её поиски. Королева же мать возненавидела всех женщин на свете и, желая им отомстить, наложила заклятие на своего сына: он вырастет храбрым и красивым, ни одна женщина не сможет устоять перед его чарами, но сам он не будет никого любить, никогда.

Мальчик рос, купаясь в любви матери и заботах слуг. Проверая силу своего заклятия, мать привозила на остров самых красивых девушек, которые тут же влюблялись в юного короля, а он всегда оставался приветлив и холоден. Мать была счастлива: сын никогда не бросит её, как это сделал его отец, потому что никогда не сможет полюбить другую женщину. К тому же, если он никого не полюбит, значит, не будет бояться, что его бросят, и ему никогда не будет больно! Можно ли желать большего счастья своему ребёнку?!

Отвергнутые красавицы превращались в тени и не могли покинуть заколдованный остров. А молодой король превращался в Чудовище... Всё больше и больше любящих женщин требовалось ему, чтобы не замерзнуть от собственного холода. В течение трёх месяцев сгорала женщина в костре своей неразделённой любви, теряла себя и начинала привидением бродить по острову, а Чудовищу нужен был новый огонь.

С окрестных островов и с большой земли признали, что на этом острове творится что-то неладное, снарядили отряд. Тогда Королева-мать, защищая сына, сделала остров невидимым для всех мужчин. А на слуг

пришлось наложить заклятие немоты, чтобы никто из них никогда ни о чём не проговорился.

С детства король-Чудовище знал, что любовь — зло, сам никогда любви не испытывал и не мог ни о чём сожалеть, но шли годы, и он почему-то становился всё печальнее и чувствовал себя всё более несчастным. Когда мать поняла, на что она обрекла сына, она уже не могла изменить своего заклатья и с горя превратилась в волшебную лодку, которая время от времени привозила на остров новых девушек.

Старуха-рыбачка когда-то давным-давно была фрейлиной королевы и жалела её, потому как знала: не злая она, а несчастная. Но без любви с несчастьем не справиться. Вот и сбежала старуха, испугавшись немоты, а теперь иногда плавает сюда ловить рыбу. А тайну острова хранит, всё равно ведь изменить ничего нельзя.

И поняла тут Олушка, что пробудь она на острове ещё несколько дней, никогда уже не разлюбить ей Чудовище, как никогда ему не ответить ей взаимностью, и суждено ей будет превратиться в одну из этих бедняг с пустыми глазами, в тень — потерянную женщину. Бросилась она в воду вслед за уплывающей старухой и упростила отвезти её на большую землю. Но пока они плыли, так разрывалось её сердце, так рвалось назад, на остров, к книгам у вечернего камина, к человеку, не умеющему любить. Ах, если бы можно было его спасти своей любовью, пусть даже превратиться в бродячую тень, но чтобы спало заклатье!.. Но он даже не заметит, когда на её месте появится другая, а она... И Олушка запретила себе думать про Чудовище. И чувствовала она, что леденеет, что сама превращается в чудовище. И предстоит ей сделать что-то страшное.

Доплыв до земли, старуха-рыбачка показала на покачивающуюся у берега лодку — Королеву-мать, ту самую, что доставила Олушку на остров... Олушка подошла к ней ближе, и правый бок лодки вдруг сделался

ярко-алым, как кровь. Должно быть, раньше ни одна девушка не покидала остров.

«Я вернусь! — неожиданно для себя самой сказала Олушка. — Я вернусь и разрушу твоё заклятие». И лодка окрасилась алым по левому борту. Олушка вытащила её на берег и привязала старой рыбацкой сетью к выступу скалы.

А сама пошла домой, в город, куда раньше решила больше не возвращаться. В город, где она когда-то давно была счастлива, а потом вытерпела столько унижений, и, наконец, встретилась с первой любовью. Она ещё не знала, что будет делать, она шла прочь от заколдованного острова и думала про Чудовище, о котором запретила себе думать.

И не заметила она, как дошла до родного города, как ноги привели её в свой дом. На пороге она увидела отца, такого родного, любимого и стареющего, жалкого, беспомощного, но вместо ласковых слов, готовых сорваться с языка, сказала: «Ты разрешал мачехе издеваться надо мной, ты никогда меня не любил. А я любила тебя и всё терпела, но теперь я могу сказать тебе правду, потому что я — чудовище». На её голос вышли сёстры и мачеха, но не успели произнести ни слова, потому что Олушка обвинила и их: «Вы ненавидели меня, потому что завидовали мне, тому, что у меня сияют глаза, когда я смотрела на солнце, на цветы, на отца. Но глаза сияют, когда любишь. Даже вас я любила, потому что вы были моей семьёй. Но теперь я ухожу, чтобы стать королевой, потому что я — чудовище!»

Выйдя из дома, она направилась к оврагу, куда, уходя, забросила свою туфельку; нашла её на самом дне в грязи, отмыла и пошла прямо во дворец.

Привратники не хотели её пускать, но она, как пропуск показала свой хрустальный башмачок и заявила, что если её не пропустят, принц отрубит всем головы. Она говорила так уверенно, что охранники испугались и открыли ворота.

Во дворце шёл бал. Разряженные дамы и кавалеры танцевали чопорную павану. Принц сидел на краешке трона и отрывал лепестки с бутона розы.

Олушка прошла через зал и, остановившись перед своим бывшим возлюбленным, сказала жестко: «Ты так и не нашёл свою прекрасную незнакомку! Не велика же была сила твоей любви, если ты не стал искать невесту сам, а послал пьяницу-курьера, который вместо того, чтобы выполнять твоё поручение, развлекал публику в трактирах». И девушка вложила свою туфельку принцу в руки, смяв и отбросив розовый цветок. А потом сбросила с ноги дорожный башмак и поставила свою маленькую ножку, изящную, не смотря на пыль и мозоли, на сидение трона. Принц так растерялся, что сделал единственное, что оставалось: надел на ножку туфлю, и, естественно, она оказалась впору. Принц никак не мог поверить своему счастью, с трудом узнавая в утомлённой путнице свою пропавшую мечту.

«Я — чудовище. Я — чудовище. Я — чудовище...» — повторяла про себя Олушка, чтобы не заплакать от стыда и страха. Но произнесла она тоном, не терпящим возражений: «А теперь, прежде чем жениться на мне, ты должен будешь искупить свою вину! Чтобы доказать, что ты меня и вправду любишь, ты должен будешь найти меня за краем земли. На краю земли море. Если плыть по морю день и ночь и ещё день, доплывёшь до заколдованного острова. С тобой обязательно должны быть женщины, потому что мужчины этот остров не видят, таково заклятие. Я буду на этом острове. Ты должен приплыть за мной не позднее, чем через три месяца. Если ты опоздаешь, хоть на минуту, я превращусь в тень и уже не смогу вернуться».

И она направилась к выходу. У самых дверей Олушка заметила того самого мордастого посыльного, что сыпал анекдотами в трактире. Проходя мимо, она бросила: «Да, кстати, на столе у принца я не танцевала и туфельку ему под подушку не прятала! Но могу сделать и это. Теперь я могу всё, я — Чудовище!»

Выйдя за ворота замка, Олушка направилась прямо к краю земли. И как тяжело ей было идти домой, так легко и радостно было теперь возвращаться на остров. На берегу она сразу нашла привязанную волшебную лодку — красное пятно на фоне жёлтых скал — она была видна издали. Спустив её на воду и забравшись внутрь, девушка приказала: «Плыви!», и лодка подчинилась. На второй день пути лодка вдруг остановилась, будто раздумывая, плыть ли ей дальше. Олушка оторвала подол платья и сделала из него парус. Когда берег острова стал уже заметен на горизонте, внезапно начался страшный шторм, и лодка перевернулась. Борясь с волнами и ветром, девушка чувствовала, что у неё нет больше сил, что она вот-вот утонет, но повторяла себе: «Я — чудовище! Я должна доплыть!». Упав на мокрый прибрежный песок, она потеряла сознание.

Во дворец её принёс кто-то из слуг.

«Я знал, что ты вернёшься. Я рад этому», — спокойно сказал Чудовище, его лицо не выражало ничего, кроме приветливой вежливости. Олушка вытряхнула песок из волос, поправила мокрое порванное платье. «Я знаю, что у меня всего три месяца, — тихо сказала она.

— Я знаю, что тебе всё равно, я ли с тобой рядом или другая девушка. И ты забудешь меня, как только я превращусь в тень, точно так же, как ты забыл всех этих потерянных женщин». Чудовище не ответил, только сильнее сжал губы и нахмурил брови. «Я всё это знаю, — продолжала Олушка, — но я вернулась, чтобы эти три месяца быть с тобой. Потому что я — тоже чудовище. Потому что есть кое-что, чего ты не знаешь».

Немые слуги толпились за дверью; здесь так редко звучали человеческие голоса, что, казалось, по звукам речи скучали даже стены.

«Ты считаешь мне вечером?» — Спросил Чудовище. «Конечно. Как обычно, — улыбнулась Олушка. —

Но три месяца — это так мало, поэтому я буду жить не в своём домике в саду, как прежде, а здесь с тобой».

Дни сменялись ночами, ночи днями. На заколдованном острове время, как и слуги, казалось немым. Олушка каждый день придумывала что-то новое, чем порадовать или рассмешить своего друга. То училась петь у птиц, то танцевать у русалок. То пыталась пересчитать всех потерянных женщин на острове и составить каталог, чтобы знать под каким номером она войдёт туда, когда настанет срок и если не случится того, на что она втайне надеялась. С каждым днём она чувствовала, что слабеет, что ей всё труднее казаться весёлой, но Чудовище не должен был ни о чём догадаться, и она прятала признаки слабости и свою мучительную страсть, которая не находила выхода. Вечера за книгой у камина становились всё длиннее. Ей даже стало казаться, что Чудовище тоже не хочет идти спать, хочет задержаться, прочесть ещё главу, или поговорить о пустяках, или просто молча посмотреть на догорающие угольки. К середине третьего месяца она стала теряться в доме, путала комнаты и двери. Гуляя по берегу, с трудом находила дорогу во дворец и чувствовала, что ей всё труднее говорить и фокусировать взгляд. Теперь читать вслух по вечерам стало для неё большой проблемой. «Я — чудовище! — шептала Олушка на ухо немым слугам. — Я — чудовище, я всё выдержу!» И слуги шарахались от неё, как от сумасшедшей. Временами ей казалось, что она и вправду сходит с ума. Она перестала следить за временем и потеряла счёт дням.

Однажды она нашла выброшенную на берег красную лодку с серым парусом из подола дорожного платья. Олушка, дождавшись прилива, подтащила её к воде, и лодка поплыла в открытое море.

А ещё через несколько дней к берегу причалила другая лодка с тремя женщинами, которые оказались знакомыми. Вдали на горизонте стоял большой корабль.

«Золушка! — бросились женщины к ней. — Наконец-то мы тебя нашли. Мы так долго искали этот твой дурацкий остров. То есть, прости, он, конечно же, не дурацкий... Простите, Ваше величество, вы ведь теперь невеста принца. Принц обещал сделать нас фрейлинами, поскольку мы твои родственницы...» Только тут узнала Олушка своих сестёр и мачеху. «Ждите меня на берегу, — прервала она их трескотню, — мне надо познакомиться с хозяином».

Она позвала Чудовище на балкон и здесь обняла его в последний раз. Показав на корабль вдали, она сказала: «Я не превратилась в тень, как другие, потому что я тоже Чудовище. Ты не способен любить. А я способна делать то, чего не может любящая женщина. Я не буду бродить потерянной по острову, я уеду с принцем и буду счастлива. Спасибо тебе за всё. Мне было с тобой очень хорошо!»

И она ушла, не оглядываясь.

Сёстры на берегу подхватили её и буквально затащили в лодку. А как поднялась на корабль, она совсем не помнила. Лицо принца расплывалось перед глазами, она чувствовала себя тенью среди людей, но вдруг резкие мужские голоса вернули её к жизни: «Остров! Смотрите, остров!!! Только что здесь ничего не было!..» И визгливый крик одной из сестриц: «Так мы этот остров и раньше видели! Золушка на нём и была!.. Просто вы его не видели...»

Олушка стояла на палубе корабля, её обнимал жених, принц, приплывший её спасти, а она думала только об одном: «Заключение разрушилось! У меня получилось... Чудовище больше не будет чудовищем!» Принц думал, что она плачет от счастья встречи с ним и просил её надеть две хрустальные туфельки, которые он

привёз с собой и которые сверкали в солнечных лучах на синей бархатной полушке.

А со стороны моря к острову плыла красная лодка, её серый парус светлел и светлел на глазах, пока не стал ослепительно белым, как крыло альбатроса.

Ну а потом... бдительная цензура вычеркнула лишние эпизоды из истории. Биография героини должна быть безукоризненной. Зачем смущать народ и раздражать придворных? И сказка стала такой, какой её знают все.

Мария Сидлер

Родилась 6 декабря 1974 г. в Москве, где и по сей день продолжаю жить, работать, писать и воспитывать двух детей: девочку и... девочку.

В первую очередь я — Мама и уже только потом — Автор. Это потому, что сначала я начала сочинять сказки для своих дочек. Со временем как автор пришла и в прозу для взрослых. Мне интересны жизненные перипетии людей, которые потом я воспроизвожу в рассказах.

В свое время окончила Московский университет культуры (1998 г.)

Очень люблю животных, детей и жизнь.

Крылья ангела

Сказочная пьеса для взрослых
в двух действиях

Действующие лица:

Грустный Ангел, он же **Петр Семенович**.

Веселый Ангел.

Вдова, молодая женщина с ребенком.

Солдат-срочник.

Писатель, старик.

Старший мальчик

и другие дети специнтерната.

Воспитатель, работник специнтерната.

Девочка пяти лет.

Женщина, мама девочки.

Прохожие.

Действие первое

Сцена первая

Райские кущи. Пушистые облака под ногами, над головой — везде. Летают ангелы. У некоторых в руках лютни, у других — длинные иерихонские трубы.

На одном из облаков сидят два ангела. Они разговаривают. Первый, с грустным лицом, постоянно всматривается куда-то вниз. У него несколько потрепанный вид, ангельские белые крылья местами грязные и с проплешинами. Второй ангел, с веселым лицом, с нетерпением ерзает на месте, смотрит по сторонам. Видно, что ему не терпится закончить разговор и улететь. Вид у него холеный, крылья идеально белые, блестящие, гладкие.

Веселый Ангел (удивленно разглядывая **Грустного Ангела**). Скажи мне, где ты пропадал? Вчера весь день по райским кущам тебя искал я, но без тол-

ка... И выглядишь ты как-то жалко... Неужто к грешникам тебя сослали участь их облегчить? Вот это, право, неудача... К тому же — глупая задача!

Грустный Ангел (*немного отстраненно*). При чем тут грешники? Поверь, им не поможешь уж теперь... Кто в ад попал, тот там пропал. Нет, есть дела важнее... Помочь пытался людям я в беде — ведь столько горя на Земле!

Веселый Ангел (*с ужасом в голосе, отодвинувшись*). Да ты сошел с ума! Кто разрешал тебе в людские вмешиваться грешные дела? Ты хочешь, что б тебя изгнали и падшим ангелом назвали?

Грустный Ангел (*безразлично*). Мне все равно...

Веселый Ангел (*в сторону*). Видать, сошел с ума давно...

Грустный Ангел (*внезапно оживляясь*). Ты помнишь старое преданье? (*Хватает Веселого Ангела за руку, тот пытается вырваться.*) О крыльях ангела сказанье? О том, что каждое перо, с добром которое дано, судьбу людскую может изменить, одаренного счастьем наградить? Уж много дней, ночей подряд я над землей летаю... Ищу я тех, кто видеть меня рад и может... Ведь только тем, что на краю, увидеть ангела дано и не в раю. Вот им-то я и помогаю. Даю свое перо и улетаю...

Веселый Ангел (*наконец освободившись, вскакивая с облака и отряхиваясь*). Нет, ты взаправду болел! Хоть поступать, как знаешь, волен! Меня вот только не мешай в свои дела... Сам — пропадай... (*Улетает вверх.*) Вот беда!

Грустный Ангел остается один. Снова всматривается вниз, сквозь облака.

Грустный Ангел. Не знаю, может я не так устроен... Но почему-то я расстроен, когда я вижу на земле, как души люди губят по вине тех ангелов, которые забыли, зачем им крылья подарили... (*С трудом спускается с облака и улетаёт вниз, тяжело взмахивая крыльями.*)

Сцена вторая

Обычная квартира. Кухня. Стол, заставленный бутылками, пепельницами с окурками. Витает клубы табачного дыма. За столом сидит молодая женщина. Ее некогда красивое лицо перекошено от рыданий. Слезы льются, она размазывает их рукой по лицу. В другой руке у нее стакан со спиртным. Она залпом выпивает содержимое. Тело сотрясает очередной приступ рыданий.

Вдова. Господи! (Она роняет голову на стол и принимается размеренно стучаться лбом.) Почему это должно было случиться именно с ним? Лучше бы умерла я! Ванечка! На кого же ты нас покинул? Как же я без тебя? Я же тебя так любила! У нас же были такие планы! Думали — вся жизнь впереди! А оказалось — ты теперь в могиле, а я... Я не хочу тут быть без тебя! Я не справлюсь без тебя! Я тебя люблю...

В клубах табачного дыма неожиданно материализуется Грустный Ангел. Он скорбно смотрит на вдовицу. Подходит и кладет ей на плечо руку. Она вздрагивает, поднимает голову, видит перед собой ангела.

Вдова (спокойно, без удивления). Ты за мной?
Ангел молчит.

Вдова (оживляется, произносит слегка заплетаящимся языком). Тебя Ванечка за мной прислал? Спасибо тебе, Господи! Спасибо, что разрешил! Я сейчас! Как лучше уйти из жизни? Выпить еще водки с таблетками? Нет, лучше я из окна... Чтоб сразу с тобой, ангел, на небо, к моему Ванечке!

Грустный Ангел. (твердо, крепко сжимая ей плечи). Спешить из жизни ты постой! Пришел сюда не за тобой!

Женщина обмякает в его руках.

Вдова (почти шепотом). Нет, только не Петенька...

Грустный Ангел (*глядя женщину по волосам*).
Не плачь, печальная вдовица... Не за младенцем я
явился... Пойдем-ка лучше мы к нему. Тебе я чудо по-
кажу.

*Берет ее за руку и ведет в соседнюю комнату,
где в детской кроватке спит ребенок.*

Грустный Ангел. Рождение сына — это чудо. И в
жизни смысл твоей до смерти будет. Вглядишься внима-
тельно в черты... В них разве не узнала ты?..

Вдова (*всхлипывая*). Боже мой... Как же он на
Ванечку похож! Как же я могла за своим горем забыть о
нашем сыне! Прости меня, ангел, и спасибо тебе! Ты
вовремя напомнил мне о том, что я мать! (*Смотрит
отрешенно в сторону.*)

Ангел молча ее слушает, держа за руку.

Вдова. От горя, как мужа похоронила, прям обе-
зумела... Все хотела за ним последовать... А о том, что
Ванечка наказывал перед смертью мне о сыне позабо-
титься, даже и не вспомнила... Если бы ты сегодня не
появился, то завтра Петенька бы круглым сиротой ос-
тался... (*Начинает плакать, тихо, беззвучно.*)

*Ангел выдергивает перо, слегка морщась от бо-
ли, и вкладывает в руку женщине.*

Грустный Ангел. Возьми в ладонь мое перо...
Тебе поможет впредь оно... Печальных дней не изме-
нить, но сможешь ты их пережить... И счастья засияет
свет над вашей жизнью снова... (*Постепенно исчеза-
ет.*)

*Вдовица оглядывается, будто очнувшись ото
сна.*

Вдова (*совершенно трезвым голосом*). Бред...
Кажется я бредила... Как же тяжело на сердце... (*С неж-
ностью смотрит на сына.*) Но ничего, мы с тобой еще
будем счастливы... Жаль, папка этого не увидит... А мо-
жет, и увидит, оттуда... (*Поднимает глаза вверх.*)

*Неожиданно она разжимает ладонь и видит бе-
лое перо.*

Вдова (удивленно). Значит, ангел все-таки приходил?

Сцена третья

Казарма. Ряды двухъярусных казенных кроватей, заправленных одинаковыми одеялами. В одном из проходов всхлипывает молоденький солдатик. Трясущимися руками он вяжет на спинке верхней кровати петлю из собственного ремня. Один глаз у него заплаыл, из носа вместе с соплями течет кровь, губа разбита. Форма измята, перепачкана, рукав разорван.

Солдат. К черту всех! Отцов-командиров, сержантов, дедов, духов... Все сволочи! Думаете, что вам удастся опустить меня? Хрен вам! Я вам не дамся! Лучше повеситься, чем терпеть! Раз! И готово! И больше меня ни один гад не достанет! (*Закрепив петлю, он просовывает в нее голову.*)

В это же время Грустный Ангел входит в казарму. Быстро подходит к тому проходу, где солдат продолжает всхлипывать и что-то беззвучно шептать с закрытыми глазами.

Грустный Ангел (спокойно). Уверен ты, что счеты жизнью пора тебе уже свести?

Солдат (не открывая глаз, истерично). Уйдите все! Я все равно это сделаю!

Грустный Ангел. (*Протягивает руку, касается его лба.*) Не буду я тебе мешать... Я лишь хочу помочь понять, что движет путь твой к Сатане... И, может быть, помочь беде...

Солдатик открывает глаза и видит Ангела.

Солдат (внезапно севшим голосом). Я что... уже...

Грустный Ангел. Пока ты жив, не бойся, друг... Скажи, зачем решил ты грех на душу взять вот как-то вдруг...

Солдат (*ожесточенно*). Да что ты понимаешь, крылатый! Лучше помоги мне, чтоб не так страшно было... Все-таки не каждый день вешаюсь.

Грустный Ангел. Я не могу помочь уйти тебе из жизни добровольно, ведь это грех большой... Довольно! (*Резко дергает за ремень, тот развязывается.*)

Солдатик валится на кровать, обхватывает голову руками.

Солдат (*сквозь слезы*). Зачем ты мне помешал, а? Они же меня убьют... Они же звери...

Грустный Ангел (*печально*). Ты помнишь маму? А сестру? Есть девушка Наташа... Представь их горе и беду... За что им эта яда чаша?.. Тебе так трудно среди волков, понятно все... Но все же, пройди ты даже через смерть, не станешь им дороже... Ты в смерти хочешь убежать от сумрака реалий... Но кто тебе сказал, что тот предел не носит лик шакалий?

Солдат (*горько*). Мама, Наташа, сестренка... Но они и так меня могут больше не увидеть... Посмотри на меня, ангел, посмотри! Ты что, думаешь, это я сам себя разукрасил? А здесь такое творится!.. Пацанов такое заставляют делать... Я пока сопротивляюсь, но... либо меня сломают, и тогда меня ничто не остановит от последнего шага, либо они просто меня убьют... так есть ли разница? Лучше уж я сам... по собственному желанию...

Ангел выдергивает перо, слегка морщась от боли, и вкладывает в руку солдатiku.

Грустный Ангел. Я не хочу, чтоб ты страдал, душевно или бранным телом... Но жизни принцип оправдай, куда б она не завертелась... (*Уходит незаметным.*)

Солдатик долго смотрит на перо в своей руке.

Солдат (*медленно и твердо*). Что ж, он прав... Повеситься — это малодушно. Мы еще повоюем! Ангел... (*Удивленно оглядывается.*)

В казарму входит дежурный.

Дежурный. Иванов! На выход! Мать к тебе приехала, на проходной ждет!

Сцена четвёртая

Обычный рабочий кабинет. Большой письменный стол, стены заставлены книжными шкафами. На столе много рукописей. Они свалены беспорядочными грудями. В кресле около стола сидит старик-писатель. Всклокоченные волосы. Воспаленные глаза. Слегка трясущимися руками он перебирает бумаги. Наугад раскрывает рукопись, пробегает глазами несколько строчек, бросает в кучу на полу.

Писатель (горестно). Все бред! Все это бред! Неужели за всю жизнь я не написал ничего стоящего??!!

Он наклоняется над внушительной кучей бумаг около ног, берет первую рукопись и начинает яростно рвать. Рукопись толстая, у него не получается целиком разорвать. Тогда он бросает ее в мусорную корзину и достает зажигалку. Щелкает огнивом. На конце зажигалки начинает весело плясать огонек. Писатель задумчиво смотрит на него, затем решительно подносит к корзине. Край рукописи загорается.

Писатель (тихо). Зря, вы, Михаил Афанасьевич, утверждали, что рукописи не горят... Прекрасно горят! Они горят не только физически в огне, они горят и корчатся в руках редакторов, которые вырывают из них куски, они тлеют в столах у писателей, которые не могут их опубликовать... А такая бездарщина, как моя, горит не просто хорошо, а весело даже горит... (Вздыхает, тыльной стороной ладони утирает край глаза, потом хватается за сердце.)

Из-за книжного шкафа выходит Грустный Ангел. Он быстро пересекает кабинет и взмахом крыла тушит огонь в мусорной корзине. Старик-писатель непонимающе щурит подслеповатые глаза.

Писатель (как бы про себя, продолжая растирать грудь в области сердца). Ангел... Значит, час мой пробил... Ну, что ж, пожил... Жаль только — шедевр не создал...

Грустный Ангел (тихо). Вы ошибаетесь во всем... Не стоит мазаться дегтем и, голову посыпав пеплом, идти в небытие, забвенье... Да, вы писали под заказ тех, кто у власти был на час... Но среди множества халтур найдется то, что шло от сердца... Давайте же посмотрим вместе...

Ангел точным движением вытаскивает из нижнего ряда рукописей на столе тонкую папку. Старик удивленно смотрит на нее.

Грустный Ангел (протягивая папку писателю). Вы узнаете эту вещь? Позвольте ее прочесть?

Писатель кивает, закрывает глаза и откидывается на спинку кресла. Ангел начинает с выражением читать.

Грустный Ангел. «...Вчерашний город был простужен, сегодняшний — надрывно кашлял и бился в горячечном бреде. Люди метались по улицам, пытались спастись. Но спасения не было. Апокалипсис пришел неожиданным гостем и разрушил спокойное течение обывательской жизни. Все, все абсолютно, что вчера было еще хоть немного в цене, — жизнь человеческая, душа человеческая — все мгновенно обесценилось и пустилось по ветру...»

Писатель (резко). Хватит, прошу вас! Да, вероятно, это не халтура, это то, что по букве, по слову, по строчке складывал я в эту папку в течение нескольких лет жизни! Это то, что позволяло смотреть мне в глаза людям, читавшим мой пропагандистский бред! Потому что я знал, что настоящая литература у меня еще впереди! Но потом я понял: это не напечатают ни при какой власти! Редакторам, им, видите ли, тоже на своих местах остаться хочется! А если это никто не прочтет, то и останусь я в памяти людей, как... А скорее всего, вообще никак не останусь! Кто сейчас читает вот это?

(Перебирает рукописи, читая названия.) «Случай на шахте Советская», «Певцы свободной Кубы», «Пламенный мотор»...

Грустный Ангел *(мягко)*. Но вы забыли лишь одно: в веках погибнуть не дано любви, которую воспели вы... Не столь существенно, поверьте, что пионеры у вас дети, важнее, что они росли и становились все ЛЮДЬМИ. Сквозь политический каприз вы суть смогли произнести! Не жгите же свои творенья — им больно, вы уж мне поверьте...

Ангел, морщась от боли, выдергивает перо из крыла и осторожно вкладывает его в папку, подает ее Писателю.

Грустный Ангел. Надеюсь, счастье принесет мое перо...

Писатель *(раскрывая папку, разглядывая перо)*. Но как поможет мне оно?

Ангел пожимает плечами и, подойдя к окну, staje на подоконник, открывает тяжелую раму и улетает... Старик-писатель недоумевающее смотрит ему вслед. Неожиданно резкой трелью звонит на столе телефон. Писатель берет трубку.

Писатель *(задумчиво)*. Алло? *(Удивленно.)* Простите, что вы сказали? Приехать в редакцию?..

Действие второе

Сцена первая

Райские кущи. Везде облака. Ангелы играют в золотые мячи, дурачатся. Все они красивые, веселые. Неожиданно среди них появляется растрепанный Грустный Ангел. Остальные ангелы замирают, смотрят на него брезгливо и разлетаются в разные стороны. Остается только один Веселый Ангел, который медленно подходит к Грустному Ангелу.

Веселый Ангел (*с осуждением*). Ну, что, заблудшая душа? В родные кущи потянуло? Неужто так в людских делах тебя надолго затянуло?

Грустный Ангел (*оглядываясь*). Пришел не развлекаться я под голубыми небесами, мне помощь ангелов нужна... Я не справляюсь... Боже правый! Представь себе, что в каждый дом беда нежданно заглянула... Хотел бы я успеть везде — усталость крылья затянула...

Веселый Ангел. (*Берет в руку крыло Грустного Ангела, оттягивает и рассматривает на свет.*) Ты до чего довел себя? Тут перьев вовсе не осталось! Ты все раздал? Ну, вот балда! Себе оставь хотя бы малость!

Грустный Ангел (*раздраженно выдергивая крыло*). Вчера я встретил старика, он дряхл и беден, он без крова... Не мог оставить без пера и внука он нашел родного... Девчонка редкой красоты рыдала около забора: во чреве плод, но нет семьи, отец ребенка... просто сволочь! Опять не мог я отпустить ее без счастья, право слово! Она не сделала аборт — награда ангела любого! Теперь нашелся человек, который будет рядом с нею, ребенка любит он уже, она же стала веселее... Подросток в пьяном забытьи, студент на крыше, мать у одра любимой дочери... Но мне не охватить их всех покровом заботы ангельской... Пойдем?..

Веселый Ангел (*мечтательно*). Ты помнишь милый отчий дом? Еще мы маленькие дети, мы ангелочки — два крыла устремлены, конечно, к свету... Всевышний смотрит с высокока, с надеждой, ласковой улыбкой... Ведь ангел — правая рука и связь его с подлунным миром... Он думал, будем помогать мы людям вместе, но не вышло... Безделье ангелы себе избрали в качестве работы... А люди? (*Беспечно машет рукой.*) Что? Пускай! Они... лишь порождения, уроды...

Грустный Ангел (*гневно*). Да как ты можешь говорить? О тех, кто многого добился! Без райских кущ, сквозь войны, крик перворожденного младенца? Прощай, теперь я рассердился! (*Разворачивается и уходит в облака.*)

Веселый Ангел (*стоя в одиночестве в клубящихся облаках*). Нет, все же он не прав... Нет, нет! Мы рождены для света! Для украшения того, кто нас создал... Хвала ему за это! А люди — порожденья тьмы, пускай там ползают в низинах, дорога в ад им Сатаны! Такая вот, друзья, картина!

Облака клубятся все сильнее и через несколько мгновений полностью скрывают под собой Веселого Ангела.

Сцена вторая

Двор детского исправительного учреждения. Тусклый, серый, квадратный, огорожен бетонным забором с колючей проволокой. В центре двора стоят дети. Они разного возраста, но все в одинаковой одежде, одинаково коротко подстрижены. Среди них зревает потасовка — не могут поделить кулек дешевых конфет. Старшие отталкивают тех, кто младше. Маленькие хнычут. Старшие начинают выяснять отношения между собой. Стоит шум, слышны только отдельные матерные словечки.

Над двором пролетает Грустный Ангел. Он внимательно смотрит вниз. Увидев детей, спускается на землю неподалеку.

Первыми его замечают малыши — они перестают плакать, показывают на Ангела пальчиками, повторяют: «Ангел! Ангел!». Постепенно гам смолкает, и все старшие дети тоже замечают Ангела. Несколько секунд длится немая сцена. Дети и Ангел рассматривают друг друга.

Грустный Ангел *(с нежностью протягивая к детям руки)*. Ах, дети! Милые создания! Основы чистого сознания!

Старший мальчик *(смачно сплюнув)*. Это че за баклан?

Среди детей раздается смешок.

Грустный Ангел. Я к вам пришел дарить добро... Я знаю, жить вам тяжело, но может я смогу помочь, облегчить чем-то вашу боль и разогнать над жизнью ночь...

Голос кого-то из детей. Че он гонит за пургу? Сленг беспонтовый... Пшел отседова, ворона припадочная!

Грустный Ангел. *(Смотрит сначала непонимающе, потом тяжело вздыхает.)* О поколение молодых! Безусых, юных и безбожных! Вы в жизни повидали злых духов верно слишком много... Хотите сказку расскажу? Из тех, что мать вам в колыбели пела? Сейчас понятий много ложных, но есть и те, что сердце греют... Есть ангелы на свете белом, они светлы и ликом и душой, не важно, что они не бренны телом, зато они всегда с тобой... За детками стоят, оберегая хрупкий их покой... За взрослыми они присматривают тоже, стараясь путь облегчить им земной...

Дети затихли, слушают внимательно. На лицах старших — недоверие, младшие затаили дыхание.

Грустный Ангел. Есть у людей поверье, мы, ангелы, его считаем суевьем, но все ж беды в том нет

большой, что даже ангелы в него, бывает, верят всей душой... Волшебный дар несет в себе перо из крыльев ангела.. Судьбе угодно сразу лик переменить к тому, кто держит белое перо в своей руке... А если ангел сам подарит то перо — оно прекрасный дар небес, сулит одаренному жизненных чудес...

Старший мальчик (*сплюнув под ноги*). Слышь, а ты за базар-то отвечаешь? Или так нам баки заливаешь, чтоб поршни целыми унести?

Грустный Ангел (*вздыхнув*). В твоих речах сомненья тень... Что ж, другого я не ожидал от этих стен... Но как тебя мне вдохновить, чтоб верой в доброту мне путь твой осветить?

Старший мальчик (*с ухмылкой*). А ты мне перо из своей заспинной подушки выдери! Небось не обеднеешь!

Дети смеются.

Грустный Ангел (*смиренно*). Я для того сюда спустился, чтоб счастьем с вами поделиться... (*Вырывает перо из крыла, протягивает мальчику.*) Возьми, несчастное дитя, возможно, вдруг и не шутя в твоей судьбе все сложится иначе... Тогда смогу считать я выполненной и свою задачу...

Старший мальчик держит перо на ладони, внимательно разглядывая его. Дети напряженно замерли в ожидании немедленного чуда.

Грустный Ангел. Скажи, что может для тебя стать счастьем раз и навсегда?

Старший мальчик (*тихо и угрюмо*). Чтоб батя меня отсюда забрал... Или хоть обратно признал... Отказались они от меня с матерью, как я сюда загремел... Типа наказали.

Во двор выходит один из воспитателей.

Воспитатель (*кричит*). Эй! Долгов! Тебе почта пришла! Кажется от отца письмо!

Старший мальчик (*недоверчиво поднимая глаза на ангела*). Так ты правда волшебник, что ли? (*Не дожидаясь ответа, убегает к зданию.*)

Дети начинают галдеть. Слышны выкрики: «Я тоже хочу!», «Долгому значит все, а нам кукиш?», «Нечестно!». Неожиданно наступает тишина. Дети сплоченной толпой начинают наступать на ангела.

Грустный Ангел *(не двигаясь с места).* Послушайте, невинные создания! Вам помогать мое призвание... Я оделю всех счастьем, как смогу... Верну вам детскую мечту...

Голос кого-то из детей. Мы щас сами все возьмем... Бей его, ребята!

Дети с криками наваливаются на Ангела. Вскоре его становится не видно под их телами. Белые перья вылетают из кучи и кружатся в воздухе.

Сцена третья

Райские куци. На пушистом облаке сидит Веселый Ангел. Он явно нервничает.

Веселый Ангел *(задумчиво).* Давно не видел я его.. Хоть он смешон, но все равно к нему привязан я душой... Не смею я любить, как он, свое призвание нести свет людям.. Но, впрочем, знаю я одно: меня никто тут не осудит... Но где ж он бродит? Одинок в своем служении... И не приходит в небо в срок... Уж не нашел ли он забвение от райской жизни на Земле? Придется, видно, его искать... конечно, мне... *(Встает с облака и улетает вниз, на землю.)*

Декорации меняются, и теперь это обычный парк. Ряды деревьев, асфальтовые дорожки. Все в тумане (похож на райские облака). Веселый Ангел идет по дороге и разговаривает сам с собой.

Веселый Ангел. А я не знал, что он так много успел посеять на земле — ведь везде, где был я, мне сказали о странном ангеле добра, что перья с крыльев всем

он дарит! Но здесь он тоже вдруг исчез! Никто не видит больше ангела окрест!

На одной из скамеек парка сидит Старик-писатель. Он видит ангела и поднимается ему навстречу.

Писатель. Как я рад вас снова видеть! Я-то думал, что раз у меня снова появился смысл жизни, то я до смертного одра вас больше не увижу! Я так хотел выразить признательность, и вот вы тут! Как ответ на мои молитвы! Спасибо! Спасибо!

Веселый Ангел. *(Прерывает Писателя, смотрит с недоумением.)* Позвольте! Видно вы ошиблись! Я ангел, но вас вижу я впервые! И уж, конечно, я не мог помочь беде вашей в тот срок, когда сам находился в райских кущах... Хотя... послушай! Не ты ли тот старик-писатель, что зря всю жизнь бумагу тратил? А олух-ангел дал тебе свое перо, чтоб на земле одним писакой стало больше? Ответ — скорее и попроще!

Писатель. Да, вы не он... Я обознался. Прошу простить — наверно, старость... Тот ангел никогда б не смог так нахамить... Какой урок!

Веселый Ангел *(удивленно).* Однако на земле людишки тоже научились прилично говорить вполне? Так ты ответь, старик скорей! Я ангела ищу везде!

Писатель. Зачем тебе?

Веселый Ангел. Он друг мой... Я к нему привык. Хоть он чудак, все ж, увы, я беспокоюсь, что он мог куда сгинуть за чертог...

Писатель. Я не видел твоего друга уже давно, хотя до меня и доходили некоторые слухи...

Веселый Ангел. Какие слухи? Не томи!

Писатель. Тебе не интересны будут все они...

Веселый ангел *(в нетерпении).* Да говори ж, старик, скорее! Иль слов связать ты не умеешь?!

Писатель. Тут в нашем городе есть дом, при-скорбно там... Это детдом. Причем для тех детей, которые уже стали преступниками. Так вот, продолжу... В нем давно твориться стало волшебство: там воспита-

тель объявился, с детьми контакта он добился. Они не маленькие звери, они лишь дети... Ты мне веришь?

Веселый Ангел. Ты продолжай...

Писатель. Прости, но это все... Мне кажется, что друг твой сеет там добро...

Писатель медленно удаляется по дорожке и исчезает в тумане. Веселый Ангел стоит в задумчивости.

Веселый Ангел. Придется мне их навестить... И дурака там вразумить!

Сцена четвёртая

Двор детского исправительного учреждения. По двору гуляют дети. Они по-прежнему в одинаковых одеждах, но их лица намного добрее и светлее. Кто-то играет в футбол, кто-то читает на скамейке. Девочки прыгают в «Резинку». Старший мальчик помагает маленькому зашнуровать ботинок. Никаких криков и потасовок.

Дверь здания открывается и во двор выходит человек, очень похожий на Грустного Ангела, но без крыльев. На лице у него незажившие синяки, он чуть прихрамывает, но в глазах по-прежнему светится доброта.

Петр Семенович (улыбаясь). Ребята! Нам пора ехать на экскурсию! Я договорился с директором, он нас отпускает! Только при условии, что вы меня не подведете...

Дети со всего двора кидаются к нему. Слышатся возгласы: «Ура!», «Мы будем хорошо себя вести!», «Петр Семенович! Кто старое помянет...», «Вы у нас в уважении...»

Петр Семенович. Ну и отлично! Стройтесь парами, сейчас отправимся!

Неожиданно Петр Семенович перестает улыбаться и смотрит куда-то вглубь двора. Дети смот-

рят в ту же сторону, но ничего не видят. Некоторые недоуменно пожимают плечами, другие просто перестают обращать внимание. Петр Семенович идет через двор. Постепенно становится видно, что он идет к стоящему около забора Веселому Ангелу.

Петр Семенович (удивленно). Зачем ты здесь?

Веселый Ангел (с ужасом в голосе). Да что с тобой? Где крылья? Где твой лик Ангела? Ты человек... Почти старик...

Петр Семенович. Не удивляйся... Да, я стал человеком, после того, как дети оторвали мне крылья... Ну и что? Я нисколько не огорчен. Зато здесь, в этом Богом и ангелами забытом месте, я могу помогать заблудшим душам! Я делаю их жизнь счастливее безо всяких перьев... или благодаря им, тем перьям, что выдрали детишки...

Веселый Ангел. Они вырвали тебе крылья?! И ты сказал мне это без унынья?! А как же кущи? Мы с тобою...

Петр Семенович (перебивая). Здесь стало все моей судьбою! И полно, лучше улетай! В свой беззаботный, теплый рай!

Веселый Ангел. Я знал, что ты сошел с ума, но чтоб настолько...

Петр Семенович. Ты пойми — без нас все пропадут они!

Веселый Ангел. О людях ты? О порожденьях тьмы?

Петр Семенович. Пошел работать я... прости!

Уходит к детям. Что-то говорит им, и они все дружно уходят со двора.

Веселый Ангел (один). Конец... Он для меня потерян... Я зря лишь потерял здесь время...

Сцена пятая

Улица за оградой детского исправительного учреждения. Веселый Ангел выходит на нее сквозь стену и идет по дороге. У него ошарашенный вид, дороги не разбирает. Навстречу идут прохожие, но они его не видят, спешат по своим делам. Кто-то просто проходит сквозь него. Ангел тоже никого не замечает. Вдруг он налетает на плачущую девочку лет пяти. Она поднимает зареванные глаза и видит Веселого Ангела.

Девочка (*просительно и радостно*). Ты мне можешь, добрый ангел? Мне бабушка рассказывала, что ангелы всегда-всегда людям помогают... А я маму в магазине потеряла... (*Снова начинает тереть заплаканные глаза.*)

Веселый Ангел проходит мимо. Сзади слышен плач девочки.

Девочка. Мама! Мамочка! Где же ты?!

Веселый Ангел стоит в нерешительности. Смотрит на девочку. В его лице что-то неуловимо меняется — выражение ангельского лица становится мягче. Он возвращается к девочке, садится на корточки.

Веселый Ангел. Ты не бойся, мама скоро придет за тобой. И с ней пойдете вы дружно домой... Сейчас ты побудешь немного со мной... Глаза поскорее ладошкой закрой... Я сказку тебе расскажу... Про перо...

Девочка перестает плакать и послушно закрывает глаза. Веселый Ангел вырывает перо из крыла и вкладывает в ладошку девочки.

Веселый Ангел. Есть ангелы на свете белом, они светлы и ликом и душой, не важно, что они не бранны телом, зато они всегда с тобой... За детками стоят, оберегая хрупкий их покой... За взрослыми они присматривают тоже, стараясь путь облегчить им земной...

Есть у людей поверье, мы, ангелы, его считаем суеверьем, но все ж беды в том нет большой, что даже ангелы в него, бывает, верят всей душой... Волшебный дар несет в себе перо из крыльев ангела. Судьбе угодно сразу лик переменить к тому, кто держит белое перо в своей руке. А если ангел сам подарит то перо — оно прекрасный дар небес, сулит одаренному жизненных чудес...

Девочка открывает глаза и с удивлением рассматривает перо.

Девочка. А оно правда поможет найти мою маму?

Из дверей торгового центра выбегает взволнованная женщина. Она, не замечая ангела, устремляется к девочке.

Женщина. (Всхлипывая, прижимает к груди девочку.) Доченька моя любимая! Нашлась! Куда ж ты делась?! Я так испугалась, что потеряла тебя!

Девочка прижимается к маме. Смотрит на Ангела. Показывает ему одной рукой перо, потом ею же жест «классно» - поднятый вверх большой пальчик. Она счастливо улыбается. Ангел улыбается в ответ.

Девочка и мама уходят, крепко держась за руки. Ангел остается в одиночестве — снующие по улице люди куда-то исчезают. Улыбка сходит с его лица.

Веселый Ангел. Неужто был он прав тогда, что людям помогать не зря нам уготовано судьбой? Но как мне жить теперь?.. Покой, прощай! И здравствуй боль... Хотя нет, все не так! Простой я выход нахожу — я людям счастье приношу!

Веселый Ангел закрывает лицо руками. Вокруг клубится туман. На несколько мгновений туман скрывает фигуру Веселого Ангела. Когда туман рассеивается, ангел отнимает руки от лица — его лик становится ликом Грустного Ангела.

Грустный Ангел уходит в туман.

Равновесие

Ветер лениво колышет выжженный беспощадным солнцем степной ковыль. По бескрайнему травяному морю одна за другой пробегают волны. Куда они спешат? К какому, им одним ведомому, берегу?

Одинокий войлочный гэр серым рифом вздымается посреди Великой степи. Ничто, кроме стрекота кузнечиков, не нарушает его покой. Здесь, сейчас, как и много веков назад, — центр природной вселенной.

Пола, закрывающая вход в жилище, откидывается, и из него выходит дряхлый старик. Кажется, что он такой же старый, как сама Великая степь вокруг. Старик подслеповато щурится на солнце.

«О, Всемогущий Цаган Эбуген! Сколько еще трубок мне надо выкурить, пока твой верный Тимур дожидется призыва отправиться к Эрлик-хану, на его богатые уголья, где уже давно скачут на резвых скакунах все мои пятеро сыновей?»

Старый Тимур с трудом присаживается на плоский камень, рядом со входом в гэр. Он слишком устал сегодня, подготавливая свой переход в иной мир. Это же очень важно: в поднебесном мире отца Тенгри после него не должно остаться никаких следов, дабы не нарушать стройный ход времени и равновесие пространства. Только гэр будет еще некоторое время стоять в степи, сохраняя память о людях, в нем обитавших, но потом и его повалят ветра, зальют дожди и со временем поглотит мать-земля Этуген.

Смысл жизни каждого человека, как верили предки Тимура, не нарушать гармонию природы. Все, что дали нам взаймы Небо и Земля, — все должно быть отдано им обратно после нашей смерти. Тимур уже отпустил на волю свою единственную лошадь, зарезал и съел барана. Тщательно перебрал предметы обихода в гэре — не затерялось ли среди них что-то, что не понравится Этуген? Несколько весен тому назад к Тимуру

приходил странный гость, принес много странных вещей, которые называл «цивилизацией». Старик не стал огорчать гостя, принял подношение, даже выпил с ним кумыс, но все новые вещи (мягкие бутылки с шипучей цветной жидкостью, блестящие пакеты с мертвой едой) он сложил в гэре к «змее», полагая, что дары коварны. И не зря! Когда Тимур начал готовиться к встрече с помощниками Эрлик-хана, эрликами, и жег в священном для каждого монгола очаге то, что не примет мать-земля, подношения открыли свою истинную личину зла! Черный дым наполнил гэр и принялся душить старика. Насилу выбрался он из заколдованного жилища и долго еще не мог прийти в себя, лежа у входа. Негоже потомку великого Чингисхана представлять перед своими предками удушенным коварством чужака.

Но сейчас все готово к торжественному переходу границы миров. Ничто не нарушит равновесие Великой степи после того, как мать Этуген примет бранные останки своего сына, Тимура.

Старик последний раз окинул бескрайние просторы родной степи, которая, как и тысячи лет назад, безмятежно взирает на закаты и восходы солнца, вдохнул полной грудью упоительные запахи разнотравья и вошел обратно в гэр. Там он сел на почетное место возле северной стены и приготовился ждать...

Белый лист

Белый лист. Белый снег. Лист похож на заснеженное поле. Поле, которое ждет весну с ее черными проталинами. Лист ждет, когда я прикоснусь к нему графитовым карандашом, и он тоже будет исчерчен черными словами-проталинами.

Зима для поля тянется вечность. Время для листа делится на секунды. Лист чуть подрагивает, ожидая:

вот-вот на нем начнет рождаться что-то новое, стремительно-увлекательное или лирически-томительное. А быть может, это лишь шальной ветер поднимает снежную поземку на поле? Нет, это весенний ветерок шаловливо приоткрыл форточку и пытается сдуть бумаги с моего стола.

Белый лист. На нем можно написать все что угодно. Набор бессмысленных фраз, или рекламный слоган, или слова любви... Можно написать письмо, можно нарисовать смешную рожицу... Можно скомкать и выбросить. Так и под снежной целиной иногда можно посмотреть аккуратные ряды посевов, которые с весенней оттепелью растают строгими черными бугристыми линиями, а иногда понятно, что по весне лишь хаотично разбросанные грязные черные лужи станут единственным украшением поля.

Белый лист. Как преодолеть себя и его девственную белизну, дотронуться, наконец, кончиком карандаша до его гладкой поверхности, процарапать первыми весенними каплями тонкую серебристую наледь? Страшно. Бездарно испортить непорочность пошлостью, новизну банальностью.

Белый лист. Чистый, как заснеженное поле. Глаза слепит от его сияющей красоты. Такой простой и, в то же время, сложный. Перед белым листом теряются поэты и прозаики, мастера слова и графоманы. Столько достойных фраз, готовых сорваться с кончика грифеля, только что теснилось в голове, но стоит бросить один взгляд на чистый лист, и стройные ряды слов рассыпаются, точно галки по полю при первых проблесках весеннего солнца. И не собрать их уже, не согнать в одну строку.

Белый лист. А душа рвется излить свою радость и боль, поделиться смехом и слезами. И рука все же преодолевает точку невозврата, и карандаш робко выводит первые слова.

Какими их увидит читатель? Пустыми, вычурными, точными, красивыми? Черными кляксами, незаметными точками, лучами, проникающими в душу?

Прочь сомнения!

Рука все более уверенно выводит текст. И лист уже не белоснежный. Ушел холод зимы с безжизненно-го поля, весенняя суматоха забила ключом, рождая новые образы, новые слова, новую жизнь... Стерлась боязнь белого листа, ибо он уже растерял свою неприступность...

Бурная река

Бурная река... Опять эта Бурная река... Она вспенивается у меня на пути снова и снова, и нет никакой возможности ее избежать. Через нее нет моста, ее не перейдешь вброд, её не преодолеть парой красивых гребков... И даже утлой лодочки у меня нет, чтобы переплыть Бурную реку. Видимо придется отдать себя на волю стихии. Авось куда-нибудь и выбросит мое телосознание-душу... На какую-нибудь безлюдную песчаную отмель. Ведь так уже бывало...

Каждый раз, когда я погружаюсь в нее, Бурная река несет меня по своим мелям и порогам, пытается затянуть в водовороты и сбросить с высоты водопада. Кто ты, Бурная река? Может быть, ты — это мое второе я? А может быть, ты - сама жизнь?

Я стою на зеленом пяточке суши, который острым клином входит в воды Бурной реки и обрывается вниз, к ее пенным барашкам. Прыгать или нет?

Уподобиться птице и сигануть с обрыва? Но... «Отчего люди не летают так, как птицы?...» Люди не летают так, как птицы, а значит, я камнем рухну прямо в буруны и заверчусь в негостеприимных водах Бурной реки. Ведь она редко бывает добра к своим гостям, а тем более к тем, кто очертя голову бросается в нее, не

думая о последствиях. О! ТАКИХ Бурная река с особенным удовольствием протаскивает по самым опасным своим местам, заставляя пережить самый первобытный страх — страх за свою жизнь. Бурная река призовет на помощь всех своих верных слуг: холод, обманчиво мягкие пенные барашки, под которыми скрыты острые камни и глубокие омуты, погружение в которые сродни погружению в самое глубокое отчаяние. Но я буду бороться изо всех своих слабых человеческих сил! Буду разгребать одеревеневшими и разодранными в кровь руками тяжелую воду, чтобы сделать живительный глоток воздуха свободы. Отплеиваться от залившейся в рот пены Бурной реки, чтобы крикнуть «SOS!» Возможно, я доберусь до противоположного берега и, если он не окажется столь же крутым, как и тот с которого я прыгнула, то я — спасена! До следующей, разлившейся на моей дороге, Бурной реки. Возможно, я разобьюсь о валун, коварно торчащий посреди водного потока. Возможно, меня утянет в глубокий омут и последнее, что я увижу, это бешено вертящейся мир над головой. Возможно, Бурная река приготовила для меня другой подарок — падение с водопада. Как это будет красиво! С грохотом и шумом я пролечу с высоты, смешавшись с потоками сверкающей воды и брызг... И... И возможно, не разобьюсь о водную твердь, но окажусь в спокойной тихой заводи.

Можно, конечно, осторожно погрузиться в ледяную воду, отдаваясь в мокрые объятия Бурной реки. Закрывать глаза и поплыть вместе с течением. К ТАКИМ Бурная река более благосклонна. Или жестока? Постепенно холодная вода начнет казаться мне почти теплой, игривые волны заботливо пронесут слившееся с Бурной рекой инородное тело мимо всех подводных камней, убаюкают, успокоят... "Ты засыпаешь... Засыпаешь... Спишь... Тихо умираешь..." И я навсегда стану частью Бурной реки и вместе с ней буду ждать новых жертв, чтобы заключить их в свои мокрые объятия.

Не прыгать вовсе? Развернуться и уйти обратно, туда, где мною уже протоптана тропа. Туда, где известны все ловушки и ягодные кусты. Туда, где уже выстлано мягким зеленым мхом укрытие от диких зверей. Это небольшая равнина между Бурных рек прошлого и будущего, на нем нет ничего, чего бы я не знала, ничего, что бы могло напугать или взволновать меня. И, если не подходить близко ни к одной из них, то можно вполне комфортно провести остаток своих дней в отшельническом уединении. Главное - не приближаться к Бурным рекам! Потому что те, которые вставали на моем пути раньше, я с трудом преодолела, а чем закончится путешествие по следующей... Нет, уж лучше изредка и издалека слушать грохот Бурных рек!

Я стою на крутом берегу... Опять ты! Вспенилась у меня на пути... Я поняла, кто ты... Для меня ты, Бурная река, называешься Любовью... Так прыгать или...

Материнское счастье

Моим дочерям посвящается.

И боль заполнила тело... Боль обжигающая, боль разрывающая, боль возрождающая. И это счастье.

И крик рвется наружу... Крик облегчающий, крик помогающий, крик жизнеутверждающий. И это счастье.

И душа взлетает... От нежности. И это счастье.

Боль, крик, нежность... Это родился ты, мой малыш. И это счастье. Единственно возможное для матери.

Склонив голову над кроваткой, в сотый раз вспоминаю момент твоего рождения, момент моего истинного счастья... Боль, крик, нежность.

Твой первый крик слился с моим вздохом облегчения — все хорошо, ты родился!

Нежные прикосновения твоей кожи к моему, измученному болю, телу как ток по оголенным проводам — все хорошо, ты родился!

Ясный взгляд, младенческая улыбка и я переполнена счастьем — все хорошо, ты родился!

Знаю, дальше будет много счастливых моментов — первое слово, первый шаг, первый класс, первая любовь... Но день твоего рождения всегда будет для меня самым счастливым днем в жизни.

До боли, до крика счастливым.

Александр Сороковик

Родился я в далёком 1956 г. в Магадане — туда мои родители приехали работать по договору, накопить денег на кооперативную квартиру. А вообще, всю сознательную жизнь провёл в Одессе. Там же закончил Политех, работал специалистом-эксплуатационщиком ЭВМ (не путать с компьютером!). Теперь, увы, такой специальности не существует. Сейчас живу в пригороде Одессы, в частном доме. Женат, воспитываю четверых детей от двух до четырнадцати лет.

Ещё в школе начал писать стихи, был известен в узком кругу друзей, даже печатался в политеховской многотиражке. Потом один очень хороший редактор сказал мне, что из меня может получиться толк, если я посвящу Поэзии всю жизнь. Убоялся, не смог, стихи забросил. Пару раз делал робкие попытки писать прозу, но ничего путного тогда не создал. И вот, через тридцать лет, вдруг сел и... начал писать рассказы! Как-то вот так сразу, без подготовки. Авторский стаж у меня очень небольшой, всего год.

Внутренний мир человека, его связь с окружающими людьми, природой, с самим собой — это и есть основная тема моего творчества. Пишу о простых, обычных людях, наших современниках и соотечественниках. Об их проблемах, мечтах, взаимоотношениях.

Рассказ «Грань» занял 1-ое место в номинации «Проза» конкурса «Пойми себя», организованного МСП «Новый Современник» и Моссалитом в 2014 г.

Грань

Мне досталось верхнее боковое место. Хорошо ещё, что в середине плацкартного вагона, а не с краю, возле туалета. Я забросил на свою полку дорожную сумку, а небольшой баул с вещами положил под сиденье. Ехать предстояло долго, больше полутора суток, — две ночёвки.

Поезд уже тронулся, когда у противоположного диванчика остановился пожилой мужчина в старомодном плаще и велюровой кепке. Близоруко придвинулся к табличке с указанием места, сверил со своим билетом. Аккуратно поставил под сиденье небольшую сумку, а толстый клетчатый баул попытался забросить на багажную полку. Я вскочил с места, стал помогать. Вдвоём мы уложили баул на бок, чтобы не упал. Попутчик снял свой плащ и кепку, пристроил их на вешалке; мы сели на свои места.

— Спасибо! — слегка улыбнулся мужчина. Был он совершенно сед, гладко выбрит, одет небогато, но чисто. — Вам далеко ехать?

— До Петропавловки, послезавтра утром выхожу.

— А я завтра, тоже утром, — он протянул руку, — Василий Сергеевич!

— Николай, — я не стал называть отчество, так как собеседник годился мне в отцы.

Проводница принесла чай, я достал уложенную мамой домашнюю снедь: котлеты, оливье в банке, пирожки.

Василий Сергеевич тоже достал еду — бутерброды с докторской колбасой, варёные яйца. Как-то очень естественно мы объединили наши припасы, он хвалил мамины котлеты, а я поедал его докторскую колбасу, к которой равнодушен с детства.

Вскоре, также естественно, мы разговорились. Василий Сергеевич спросил, где я работаю, и мне вдруг

пришло в голову скромненько объявить себя журналистом и писателем, едущим в творческую командировку.

Нет, я не врал! Ну, не совсем врал... Я учился на факультете журналистики, подрабатывал в городской газете, куда меня устроил отец — одноклассник главного редактора, и успел написать несколько рассказов, один из которых даже напечатали в этой газете, правда в сильно сокращённом и переработанном виде. А ехал я к своему другу Димке, к которому давно собирался в гости и о котором думал написать свой новый рассказ.

Я поведал попутчику, что мой друг в отчаянии: у него очень тяжёлая ситуация — они с женой на грани развода, хотя и любят друг друга. А маленькая Лерочка любит их обоих, и они её любят. А тёща подливает масла в огонь... Я даже название придумал для рассказа: «На грани».

Василий Сергеевич внимательно выслушал меня, покачал головой.

— Да уж, действительно, что называется, на грани... — как-то неопределённо высказался он.

Ещё немного поговорили «за жизнь», потом разговор иссяк, мы молча смотрели в тёмное окно на пробегающие иногда огоньки поездов, редкие сёла, авто-трассы с движущимися фарами автомобилей. Народ потянулся к проводнице за постелями, яркий свет в вагоне сменился на ночной, приглушённый. В отсеке напротив четверо рабочих-вахтовиков, возвращающихся домой, плотно поужинали, выпили несколько бутылок водки, но не пели, не буянили, а молча стали укладываться спать: видно, вахта выдалась тяжёлой. Я уже собрался расстелить свою постель на верхней полке и лечь, но меня остановил мой попутчик.

— Скажите, Коля, — несколько напряжённо спросил он, — вы не сильно хотите спать? Я знаю, молодёжь обычно любит улечься попозже, а я давно по ночам не сплю... В общем, не желаете услышать одну необычную историю? Может быть, напишете рассказ, там тоже присутствует... некоторая грань, что ли...

Спать не хотелось совершенно, да и льстила роль писателя, нашедшего сюжет для рассказа... Я попросил у проводницы ещё чая и вскоре внимательно слушал попутчика, забыв обо всём.

— Вы, Коля, послушайте, потом уже сами, как писатель, судите, получится рассказ или нет... А мне хочется выговориться... Я буду рассказывать историю, а вы уж запоминайте, раскладывайте её для читателя, в общем — работайте...

— Женился я довольно поздно, в двадцать восемь лет. Не было у нас ни страсти, ни особой необходимости. Так — просто подошло время. Маша была младше меня на два года, мы вместе работали. Общие интересы — литература, театр. Одинаковый спокойный темперамент, одинаковое восприятие семьи: муж — добытчик, жена — хозяйка. Мы поженились через год после знакомства, жили спокойно, без сильных ссор и вспышек страсти. Маша долго не могла забеременеть, но мы и это воспринимали как должное: ну, нет так нет.

И вот, когда мне уже перевалило за тридцать, у нас родилась дочка. Жена, поклонница Алексея Толстого, назвала её Аэлитой. Мне было всё равно, я воспринимал рождение ребёнка как жизненную необходимость и никаких особо нежных чувств к дочери не испытывал. Но через год после её рождения всё резко изменилось. Аля сильно заболела. Обычная простуда переросла в пневмонию. Температура держалась высокая, не помогали ни дорогие лекарства, ни тщательный уход.

Однажды вечером я сидел у постели дочери. Маша, не выдержав почти трёх суток бодрствования, заснула, уронив голову на стол. Аля проснулась, хныкала, у неё опять был сильный жар. Я, борясь со сном, давал ей соску с каким-то отваром, тупо бормотал что-то вроде «Баюшки-баю», как вдруг чётко услышал: «Папа». Надо сказать, что Аля начала говорить рано, к году уже выговаривала: «Мама», «Папа», «Дай», но выговаривала неуверенно, неясно. А тут сказала очень внятно.

Сбросив сон, я ещё раз глянул на дочку. Лицо её, несмотря на горящие щёки, побледнело, нос заострился, и я вдруг отчетливо осознал, что это конец. Девочка умирала. Глаза её были устремлены на меня, в них плескалась боль и желание жизни. Она ещё раз посмотрела на меня и опять внятно произнесла: «Папа». А я словно услышал продолжение этой фразы: «Я не хочу умирать... Спаси меня!» Всё во мне перевернулось. Вдруг я впервые осознал, что это маленькое умирающее существо — моя частичка, продолжение в этой жизни, что она цепляется за своего папу, как за последнюю надежду, и только я могу ей помочь.

Меня воспитывали атеистом. Не воинствующим, отвергающим Бога, а так... интеллигентным материалистом. Я никогда не думал о Боге, верил в научный прогресс, в силу антибиотиков... Но сейчас! Я впервые в жизни опустил на колени и стал молиться. Не зная никаких молитв, я просто умолял Бога, ещё не знакомого мной, спасти мою доченьку, которую полюбил только сейчас, за минуту до смерти, полюбил всей своей не до конца разбуженной душой... — Василий Сергеевич замолчал, вертя в руках ложечку.

Словно очнувшись, он начал размешивать остывший чай, но так и не отпил из своего стакана. Затем продолжил рассказ:

— Видно, на это ушли все мои силы, так как я вскоре просто выключился из реальности, заснул прямо на полу. Проснулся оттого, что Маша трясла меня за плечо.

— Что? — я вскочил, просыпаясь. — Аля? Что с ней?

Я не решался напрямую спросить: «Она умерла?», но думал, что всё уже кончено.

— Тихо, она спит, — сказала Маша, — кажется, кризис миновал.

Не веря себе, я подошёл к кровати. Аля тихо сопела во сне, болезненный румянец почти исчез, лобик был не горячим, а слегка тёплым.

— Иди спать, я посижу с ней, — сказала Маша.

Я только кивнул, добрёл до кровати и заснул очищающим, восстанавливающим силы сном, без сновидений и кошмаров.

С того дня Аля пошла на поправку, а наши семейные отношения в корне изменились. Из равнодушного отца, просто выполняющего свой родительский долг, я превратился в нежного папулю. Всё свободное время проводил с доченькой, умилялся её проказам, рассказывал сказки на ночь. А вот с Машей отношения стали портиться. Она так и осталась холодноватой, безэмоциональной. Тогда, ночью, она ничего не заметила, я пытался рассказывать ей, но Машу не впечатлил мой рассказ. Она считала, что у Али наступил кризис, он миновал, помогли лекарства, и дочка пошла на поправку. Просто я сильно устал, вот мне и показалось. А про молитву она вообще не поняла. Не нашлось у меня нужных слов... С тех пор и началось наше отчуждение, ведь Маша так и не смогла постичь мою любовь к дочери, точнее, её новое, яркое, эмоциональное проявление...

Василий Сергеевич машинально отпил из стакана свой уже остывший чай. Ночной вагон спал, только в дальнем отсеке, где ехала компания молодёжи, слышался негромкий разговор, прерываемый сдержанным смехом.

Мой собеседник немного помолчал, потом снова начал говорить. Говорил больше для себя, обо мне он, очевидно, просто забыл:

— Так прошло десять лет. С Машей мы становились всё более чужими. Нет, она была хорошей женой и матерью: в доме всегда чистота, обед приготовлен, у дочери проверены уроки, одежда назавтра для неё и для меня всегда выстирана и выглажена, но... как бы это сказать... всё *исполнено* добротной, основательно, но совершенно без души. Она никогда не спрашивала, что сварить на обед, какую одежду приготовить на завтра, — всё решала сама, по принципу пользы и эко-

номичности. Наши с Алей вкусы и пристрастия в расчёт не брались.

Мы же с дочкой сближались всё больше. Именно мне она рассказывала свои секреты: про дружбу и недружбу с подружками, а позже — про мальчиков, которые ей нравились.

Тогда я не видел первых признаков опасности: зарождающуюся в Але заносчивость, упрямство, хитрость. Она научилась ловко манипулировать мной, знала, что всего можно добиться просто нежным мурлыканьем: «Ну, папулечка, ну, пожа-алуйста!». А я потакал ей во всём, выполнял любые капризы, словно компенсируя недостаток супружеской любви любовью отцовской.

В тот день Але исполнилось одиннадцать. Вечером должны были прийти гости, Маша готовила на кухне, а я собирался в магазин, докупить кое-каких продуктов. Аля выклянчила у меня деньги и разрешение сходить за мороженым. Обычно я старался не отпускать её саму, но несколько раз всё же она ходила в фирменную будочку, расположенную через дорогу, одна или с подружками. Маша заплела её белокурые волосы в косички, одела в новое розовое платьице. Я пошёл в супермаркет, расположенный в соседнем квартале. Купил всё, что нужно, и отправился домой. Уже подходя к нашему двору, я почувствовал какую-то странную суету, от дороги торопливо шли две женщины с перекошенными бледными лицами. До меня донесли обрывки фраз: «Какой ужас...», «Бедная девочка!», «...Сразу насмерть, несчастная малышка...».

Пакеты с покупками выпали у меня из рук, сердце бешено заколотилось — женщины шли оттуда, куда я только что отправил свою дочь. Я помчался к перекрёстку, сбивая с ног прохожих, и твердил в угаре только одно: «Господи, сделай так, чтобы это было неправдой, эти женщины сумасшедшие, они глупо пошутили, сейчас я выбегу на перекрёсток, там ничего не будет, никакой аварии». Я так прочно поверил в это, что не сразу

осознал, что за толпа заполнила перекрёсток. Ноги у меня стали ватными, я пробирался вперёд, с ужасом ожидая увидеть неизбежное... А в голове билась другая мысль: «Господи, пусть это будет не она, ведь этого не может быть! Кто угодно, только не она!» Я расталкивал людей, они сначала пытались отгрызаться, но когда увидели моё лицо, молча расступались.

На дороге в луже крови лежала девочка лет десяти-одиннадцати. Тёмные кудряшки, синий комбинезон... Это была не Аля! Медленно я приблизился к ней, заглянул в лицо — совсем другие черты! Искажённые смертью, но точно не принадлежавшие моей Аэлите. В голове бушевала одна всепоглощающая мысль: «Слава Богу!!! Это не она! Слава Богу!» Я поднял глаза и увидел на другой стороне улицы свою Алю. Живая и невредимая, сжимая в руке брикет мороженого, она с ужасом смотрела на свою ровесницу, неподвижно лежавшую на асфальте. Она тоже увидела меня, мы бросились друг к другу, я обнимал дочку, целовал, плакал от счастья, всё время повторял, как заклинание: «Слава Богу! Слава Богу!».

Василий Сергеевич горько усмехнулся, поёжился, словно от холода, и тихо продолжил:

— И ни разу мне в голову не пришла мысль, что я радуюсь чужой смерти, гибели незнакомой мне девочки, Алиной ровесницы, чьей-то горячо любимой дочки и внучки...

Мы так и пошли домой, обнявшись, плача от счастья. И даже дома, немного успокоившись, я не осознал всю кощунственность своего поведения. Я был настолько счастлив, что выкинул бедную погибшую малышку из головы, забыл про неё. А главное, страшно сказать... Я возомнил себя почти равным Богу! А как же! Два раза по моему желанию Он менял Свои планы! Десять лет назад отступила смертельная болезнь, а сегодня, в последний момент, Судьба подменила жертву, подсунув под колёса вместо моей обожаемой Алечки какую-то незнакомую девочку. Мне не приходило в голову, что

всё произошло до моего отчаянного крика, до требования «Только не она!». Я уже даже не называл это молитвой, настолько загордился...

С того дня мы с Машей стали ещё стремительнее отдаляться друг от друга. Я гордился собой, своей красавицей-дочерью, два раза вырванной мною из лап смерти и совершенно перестал заниматься её воспитанием, учить житейской премудрости, так как был уверен: можно ничего не делать, Бог не допустит плохого! Вскоре заболела Машина мама, ей стал нужен постоянный уход, и жена начала всё чаще уезжать к ней, а затем и вовсе переселилась в её однокомнатную квартиру.

В своей эйфории я не замечал, что Аля ведёт себя в этой ситуации некрасиво. Формально она оставалась жить у меня, у неё была своя комната. Гуляла допоздна, утром не хотела идти в школу, начинала ныть: «Папулечка, миленький, у меня головка бо-бо, можно я ещё посплю? Ну, пожа-алуйста!». Мне надо было уходить на работу, я поддавался, и Аля дрыхла до полудня, потом шла к маме обедать, даже не задумываясь, чего ей, с больной бабушкой на руках, стоит приготовить обед! Ведь та не лежала спокойно, всё время пыталась куда-то пойти, зажечь газ, открыть краны. Але шёл семнадцатый год, и вместо того чтобы помочь матери, она съедала вкусный обед и опять упархивала к подругам и на дискотеки. Маме говорила, что только из школы, а мне, что уроки сделала у мамы. Я не мог её как следует контролировать, работал на двух работах, требовались деньги для лечения тётки, да и Алечку хотелось почаще баловать дорогими подарками... Она приходила за полночь, а потом и вовсе стала оставаться у подружек.

— Ну, папулечка, мне страшно ночью ехать, можно я у Ленки переночую? Ну, пожа-алуйста, — ныла она в телефон в час ночи.

Потом стала просто сообщать, что она сегодня не придет, а затем и вовсе перестала звонить. Кое-как закончила школу, получила аттестат с тройками. А вскоре я узнал, что она живёт с каким-то Артуром, старше её

на десять лет и к тому же женатым. Тут уж я не выдержал, нашёл свою дочь и потребовал объяснений. Сначала она вообще не хотела ни о чём говорить, потом снизошла до ответа: Артур — классный мужик, научил её *всеми*, он взрослый, независимый, с ним интересно. А то, что женат, — это ерунда, они с женой не живут вместе, давно собираются развестись, и теперь это вопрос нескольких недель: он съездит в свой город и разведётся. И вообще, она уже взрослая, век сейчас совсем другой, мы с мамой отстали от реальной жизни, а если будем дальше мешать её счастью, она поменяет карту в телефоне и уедет с Артуром в другой город.

Как же больно мне было выслушивать от своей Алечки всю эту лапшу, которую женатые ловеласы вешают на уши наивным дурочкам! Как ненавидел я этого подонка, который собирался погубить мою дочь! Ведь когда раскроется его обман, когда Алечка поймёт, что её ненаглядный Артурчик не собирается разводиться, а её просто использует, она, со своей-то гордостью, не вынесет этого! И вполне может наглотаться таблеток или прыгнуть с крыши...

Несколько дней я не находил себе места, понимая, что развязка близка, что этот негодяй скоро наиграется с моей девочкой и бросит её. Что делать? Говорить, убеждать — пустая трата времени. Увезти куда-то? Но как? Она же взрослая, за руку утащить не получится... Если бы этого Артура не стало! Если бы он... умер? Ну да, если он умрёт, всё будет хорошо! Погорюет моя девочка, да и успокоится, сохранив любовь к чистому образу; потом найдёт нормального парня, они поженятся, деток нарожают! Теперь я знал, что делать! Нет, я не стану, как опереточный злодей, с ножом в запотевшей ладони, подкарауливать этого Артура или нанимать киллера. Я знал другой путь — верный и безопасный! Ведь если Бог прислушался ко мне два раза, то почему не захочет прислушаться в третий? Ведь я прошу, в сущности, о том же: о жизни для Алечки! А если при

этом умрёт какой-то подлец, так что с этого? Туда ему и дорога!

Василий Сергеевич горько усмехнулся:

— Вот видите, до чего я тогда дошёл! Решил, что могу судить людей, кому жить, кому умирать! Сейчас мне страшно даже подумать о таком, а тогда не было и тени сомнения в своей правоте. Я стал горячо молиться Богу, просил пожалеть мою бедную, наивную девочку и уверенно указывал Ему путь: быструю, лёгкую смерть для Артура. Вскоре я заснул, а рано утром меня разбудил телефонный звонок. Звонила моя жена, Маша. Прерывающимся голосом она умоляла скорее приехать в квартиру, где жила Аля. На все вопросы она, плача, отвечала: «Приезжай скорее, с Алей беда! Нет, она жива, но с ней беда, приезжай скорее!»

Я бросился на улицу, поймал машину и помчался туда. В квартире была заплаканная Маша и несколько милиционеров. Один из них сухо сообщил мне, что гражданка Авдеева Аэлита Васильевна убила своего сожителя, гражданина Вересова Артура Андреевича, нанеся ему сзади множество ударов топором.

Как я потом узнал, Аля, обычно под утро крепко спавшая, вдруг проснулась и, не обнаружив рядом Артура, пошла на кухню, откуда доносился его тихий голос. Он стоял у окна, спиной к двери, и увлечённо говорил по телефону. Говорил, что он соскучился, что его командировка скоро заканчивается, что через несколько дней он приедет и снова обнимет свою ненаглядную жёнушку. Топор стоял возле двери: Артур часто им пользовался, потому что в квартире было печное отопление...

В вагоне не спали теперь только мы с Василием Сергеевичем. Утомонилась даже молодёжная компания из дальнего отсека. Он немного помолчал, потом словно очнулся, посмотрел на меня с каким-то странным выражением лица, как будто сожалея о том, что раскрыл свою душу случайному попутчику, молодому хватунишке, горе-писателю. Покачал головой и закончил

свой рассказ, уже суховаато закругляя короткие фразы, точно исполняя взятую на себя, но уже начинавшую тяготить его обязанность.

— Учитывая Алину первую судимость, несовершеннолетие и состояние аффекта, ей дали минимум: четыре года обычной колонии. Завтра она освобождается, и я еду, чтобы её встретить, увезти домой. Тёща умерла совсем недавно, Маша пока живёт в её квартире. Но мы договорились, что после Алиного возвращения будем опять жить все вместе, попробуем начать заново. Девочке только двадцать один, она очень изменилась *там*, пересмотрела свою жизнь. Хочет работать, создать семью, родить детишек... — Василий Сергеевич помолчал. — Во всяком случае, так она нам писала. Мы постараемся поддержать её, не дать упасть. Будем учиться снова жить все вместе, я надеюсь, что Аля найдёт себя в новой жизни. А когда она выйдет замуж, мы останемся с Машей вдвоём, и нам нужно заново привыкнуть друг к другу, научиться прощать недостатки, ценить то хорошее, что есть у каждого. Мы ведь тоже за эти годы многое осмыслили, многому научились, поняли, каких ошибок натворили...

Мой собеседник поднялся, слегка улыбнулся, сказал:

— Спасибо, Коля, что выслушали мой рассказ, мне стало немного легче. Давайте ложиться спать, уже поздно. Вот видите, какая тут грань... Мы сейчас подошли к ней совсем близко, но пока ещё *на грани*, не переступили её, ещё можем вернуться. А если не сумеем, окажемся *за гранью*, откуда уже нет возврата.

Я расстелил постель, сходил умыться. Когда вернулся, Василий Сергеевич так и сидел на неразобранной нижней полке. Слегка махнул рукой:

— Ложитесь спать, я ещё посижу немного.

Затем, когда я уже лёг, он поднялся, немного наклонился ко мне и сказал:

— Надеюсь, что ещё не поздно, всё у нас может наладиться. Я *знаю* теперь, что Бог помогает людям по

вере их, но нельзя фамильярничать с Ним или пытаться переложить на Него свои родительские обязанности.

Он снова улыбнулся, пожелал спокойной ночи; я долго ворочался в полудрёме, переживая услышанный рассказ, и заснул не сразу. Утром на нижней полке я увидел незнакомую пожилую женщину. Очевидно, Василий Сергеевич вышел на своей станции. Проводница сказала, что постель он так и не брал.

Литературно-художественное издание

МОСКОВСКИЙ ДОМ

Выпуск № 5

ОХОТА ЗА ИЛЛЮЗИЯМИ

Руководитель проекта «Московский Дом»
Ольга Грушевская

Подготовка оригинал-макета и дизайн
Группа «Московский Дом»

Редактор-корректор
Ольга Моисеева

Обложка
На первой странице
Марк Шагал «Голубое лицо», 1967
На четвёртой странице
Марк Шагал «Волшебник», 1968

Компьютерный дизайн обложки
Алексей Старобурасовский

Подписано в печать 26.11.2010 г. Формат 60x90 1/16
Усл. печ. л. 20,6. Тираж экз.
Заказ № М01.0810.002

Московский Салон Литераторов
(МОССАЛИТ)
www.mossalit.ru

Отпечатано в «онтоПринт»
www.ontoprint.ru